

Владимир Цыбизов

СТАНЦИЯ СТЕПНАЯ

Шпионы. Дело №...

Владимир Цыбизов

Станция Степная

«ВЕЧЕ»

1953, 1959

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

Цыбизов В. Д.

Станция Степная / В. Д. Цыбизов — «ВЕЧЕ», 1953,
1959 — (Шпионы. Дело №...)

ISBN 978-5-4484-5264-2

В новом выпуске серии «Шпионы. Дело №...» читатель познакомится с творчеством Владимира Цыбизова (1918–1999) – классика отечественной приключенческой литературы. В центре повести «Станция Степная» (1953) – приключения школьников, помогающих взрослым в поимке опасных диверсантов. Немецкие танки рвутся к Сталинграду, и от бесперебойной работы небольшой железнодорожной станции в прифронтовой полосе зависит очень многое. Немцы хотят раз и навсегда уничтожить важный транспортный узел. Начинается секретная операция, в ход которой неожиданно вмешиваются Коля Чекалов, Вася Потапов и их новый друг Володя Зимин. Роман «Тайна “Соленоида”» (1959) относится к лучшим образцам советской шпионской литературы. Наши ученые обнаруживают загадочный элемент, способный решить множество проблем: от лечения опасных болезней до применения его в народном хозяйстве. Заокеанские дельцы хотят прибрать к рукам плоды работы советских ученых. Готовится и забрасывается диверсионная группа, действующая согласно коварному многоходовому плану.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5264-2

© Цыбизов В. Д., 1953, 1959

© ВЕЧЕ, 1953, 1959

Содержание

«Шпионов выслеживать, конечно, хорошее дело...»	7
Станция Степная	12
Нападение	12
Станция Степная	14
Дом на окраине	17
Колька	19
Друзья	22
Паровозное кладбище	26
Экспедиция начала работу	34
Таинственный вагон	41
Дом на колесах	44
Новый начальник	49
Король-арбуз	55
Плетеная корзина	58
Опять зеленый ящик	62
Новые товарищи	72
Школьный сад	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Владимир Цыбизов Станция Степная

Серия «Шпионы. Дело №...»

Текст печатается по изданиям:

Цыбизов В. Станция Степная. Смоленск: Смоленское областное государственное издательство, 1953;

Цыбизов В. Тайна «Соленоида». Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1959.

© Цыбизов В.Д., наследники, 2025

© Хлебников М.В., составление, предисловие, 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

«Шпионов выслеживать, конечно, хорошее дело...»

Среди авторов шпионских книг мы встречаем людей с разными писательскими судьбами. Есть те, кто, единожды попробовав себя в литературе, далее по разным причинам отказываются продолжать писательскую работу и находят себя в других сферах деятельности. Но есть авторы, для которых литература не отделяется от жизни. Порой мы встречаем случаи редкого по драматургии пути служения выбранному делу, заставляющие вспомнить судьбы классиков отечественной словесности.

Владимир Дмитриевич Цыбизов родился 25 июля 1918 года на станции Романовка Саратовской области в семье железнодорожника. В год начала Великой Отечественной войны он оканчивает Ленинградский военно-механический институт – сегодняшний Балтийский государственный технический университет. Во время войны молодой инженер успел поработать в Махачкале, Северном Казахстане. В 1944 году Цыбизов переехал в недавно освобожденный Смоленск. Там он работал на железной дороге, преподавал в техникумах. Постепенно молодой инженер начинает пробовать себя в литературе, печатается в местной прессе. Настоящим дебютом можно назвать участие Цыбизова в «Смоленском альманахе» за 1950 год. Достаточно скоро появились и первые книги. В 1952 году в Смоленском областном государственном издательстве выходит повесть «Дипломанты», посвящённая востребованной в то время производственной теме.

Нельзя сказать, что первые вещи особенно много обещали. Молодому писателю справедливо указывали на схематичность, непроработанность, шаблонность характеров, отсутствие внутреннего конфликта. Но вскоре Цыбизов выступил с вещью, жанрово далекой от описаний борьбы за перевыполнение плана и перевоспитания отдельных малосознательных элементов. В 1953 году отдельным изданием публикуется его повесть «Станция Степная». Ее безо всяких натяжек можно назвать образцовым детским шпионским романом.

Действие разворачивается летом 1942 года, когда немецкие войска рвались к Волге. Небольшая приволжская железнодорожная станция Степная живет и работает в напряженном ритме. Там получилось, что именно она превратилась в один из важнейших транспортных узлов, который обеспечивает связность и снабжение наших частей. Наряду со взрослыми и дети включаются в трудную и опасную работу. Опасную, потому что противнику необходимо уничтожить станцию. Атаки с воздуха не приносят результата, поэтому немцы решили прибегнуть к иной тактике...

В центре книги приключения ребят Коли Чекалова и Васи Потапова. Нельзя сказать, что они образцы прилежности и послушания. Собственно, сюжет начинает разворачиваться, когда друзья отправляются на кладбище паровозов, чтобы испытать самострел, который соорудил рукастый Потапов. Там они и встречают таинственного незнакомца с не менее загадочным чемоданом. Ребята пытаются проследить за непонятным человеком, но тот легко сбрасывает «хвост». Вскоре компания любителей-следопытов пополняется ещё одним участником. Приезжает новый начальник станции. Коля знакомится с его сыном – Володей Зиминым. Теперь уже троица сыщиков приступает к расследованию. Взрослые пытаются остудить пыл ребят и предлагают помогать фронту другими важными делами: например, собирать бутылки или металлолом. Друзья не против и такой помощи, но сердца читателей романов о приключениях индейцев требуют иного. И уже совсем скоро события принимают крайне неожиданный оборот.

Чувствуется, что при написании повести Цыбизов оглядывается на наследие Аркадия Гайдара и его героев – порой ершистых и даже хулиганистых, но с правильным, пусть и детским, пониманием мира. Кроме того, автор пишет о том, что знает, и поэтому может передать. Конечно, «Станция Степная» – поклон писателя собственному детству, проведённому

на небольших станциях в приволжских степях. Ну а железнодорожная тема просто связана с основной профессией автора.

Нужно сказать, что выход «Станции Степная» встретил куда более теплый прием со стороны писателей Смоленщины, чем предыдущие произведения Цыбизова. 14 апреля 1954 года ответственный секретарь областной писательской организации известный советский поэт Николай Рыленков прочитал доклад о достижениях своих земляков. В нем отмечено:

«В. Цыбизов выступил с повестью для детей “Станция Степная”, которая, мне кажется, стала серьезным шагом вперед после его повестей “Дипломанты” и “Конструктор”. В ней автор увлекательно рассказывает о труде советских детей в годы Отечественной войны в глубоком тылу, об их бдительности, позволяющей им раскрыть и разоблачить шайку шпионов... Цыбизов умеет строить сюжет, динамично разворачивать его, и это привлекает к его книге внимание юных читателей».

В 1958 году произошло важное событие в профессиональной жизни Цыбизова – его приняли в члены Союза писателей. Нужно сказать, что это было значимо не только для молодого автора. Так, в первые послевоенные годы в смоленском отделении СП состояли лишь одиннадцать человек. Признание удачно подтвердилось выходом свежей книги. В этом же 1958 году публикуется новый детский детектив писателя «Необычайные происшествия в Пеньках», закрепивший репутацию Цыбизова как талантливого автора детской остросюжетной прозы. Но приключения пятиклассника Тимки Тамилина и его друзей отошли в тень на фоне успеха «взрослой» книги писателя, получившей настоящую всесоюзную известность. В начале 1959 года в Смоленском книжном издательстве выходит роман Цыбизова «Тайна “Соленоида”»...

Аспирант Антарктического института Юрий Курганов проводит исследования в северных широтах. Вместе с лаборанткой Валей Ежовой молодой ученый открывает уникальное явление – лучи «сигма», испускаемые «ледовитом» – грунтом подводного острова. Очень быстро исследователи находят практическое применение своей находке – таинственные лучи уничтожают раковые клетки. Уже одно это требует немедленного освоения подводных залежей «ледовита». Юрий предлагает дерзкий проект добычи минерала с помощью специализированной субмарины, названной «Соленоидом».

Тем временем за океаном мультимиллионер Моррил ищет объекты для новых сверхприбыльных инвестиций. В этом ему помогает некто Анри Томпсон:

«Анри Томпсон был прожженный делец. Русский по рождению, монархист по убеждению и авантюрист по призванию, он исколесил весь свет, прежде чем попал на службу к Моррилу».

Костяк команды Томпсона – братья-близнецы Сктрокеры – туповатые, но физически развитые. Их Моррил и Томпсон использовали ранее в спортивных аферах. Читая советскую прессу, Томпсон натывается на статью о волшебных свойствах лучей «сигма». Моррил понимает, что открытие советских ученых может принести невероятные доходы. Томпсон разрабатывает план двойного «охвата» команды Юрия. Не обходится дело и без «роковой красавицы», специально подосланной к Курганову. В игру включаются советские чекисты во главе с полковником Сахаровым.

Для опытного читателя, знатока советского шпионского романа, сюжет книги Цыбизова напомнит ряд сочинений других советских авторов: от «Тайны двух океанов» Георгия Адамова (1939) до «Энергии, подвластной нам» (1949) Валентина Иванова. Не буду спорить по этому поводу. Дело в том, что настоящий успех книги нашего любимого жанра состоит в правильной пропорции уже всем известных ходов и сюжетных поворотов. Инженерное образование позволило Цыбизову с математической точностью соединить их в единое целое и самое главное – задать правильный темп повествования. «Тайна “Соленоида”» обладает тем уникальным свойством, которое заставляет книгу «проглатывать», сознание читателя словно на «американских

горках» мчится со все более возрастающей скоростью по сюжету. Вот одна из сцен – бой в пещере, которую диверсанты использовали в качестве своей штаб-квартиры:

«Ярцев с помощниками бросился следом, но из пещеры ударила автоматная очередь: это отстреливался Томпсон. В этом коридоре были давно сделаны солидные приготовления на случай отступления: Томпсон держал здесь наготове несколько автоматов и ручных гранат, заложил в двух местах взрывчатку и подвел к запалам электрические провода от батарейки. Стоило замкнуть электрическую цепь, чтобы свод коридора обрушился на головы преследователей.

– Возьмите, отстреливайтесь, – сказал Томпсон и подал Барону второй автомат. – Задержите их на пять минут, а потом ползите ко мне. Скоро мы избавимся от гончих...

Барон нажал на спусковой крючок. Пули с визгом отскакивали от камней, цокали в стены. Томпсон в это время бежал вперед, освещая правую стену. Ага, вот он, рубильник. Так, сейчас Барон должен отходить... Внезапно выстрелы стихли, послышался какой-то шум, а потом хриплый крик Барона:

– Волк, беги!

Томпсон выругался и включил рубильник – и в тот же миг раздался страшный грохот...

«Да, порой автора “заносит”. Вражеский агент выходит на связь по радиации, но использует не азбуку Морзе, а начинает петь веселые куплеты в прямом эфире:

Вы не вошли еще в калитку,
А вас встречать бежит Андрей.
Готов он вытянуться в нитку,
Чтоб вы... повесились на ней.

Любезнее Андрея нет,
А сам ведет под вас же мину.
Он с ног до головы эстет,
А с головы до ног – скотина.

Но и в этом заключается изрядная доля обаяния романа, которое не померкло с годами». Из отзыва современного читателя «Тайны...»:

«Не знаю, то ли он действительно весьма неплох, то ли это опять ностальгия, но книга меня увлекла и была прочитана в рекордно короткие сроки. Если оставить за скобками бредовую НФ-составляющую, то в остатке мы получим с выдумкой написанный шпионский детектив о злоключениях врагов Советского Союза на его территории. Автор проявил немалую изобретательность при описании методов работы представителей иностранных заинтересованных лиц, было интересно читать об их способах связи, методиках вербовки, механизмах заброски и т. д. И хотя итог всей этой истории был известен заранее, я не потерял интереса к тексту до самого финала».

У писательской удачи есть почти обязательный признак – внимательная ревнивая оценка со стороны коллег. И чем эти «собратья по перу» ближе, тем их мнение беспощаднее к «счастливцу». Не избежал подобного и Цыбизов. Осенью 1959 он выступает с отчетом о своей творческой деятельности. По негласному правилу подобное действие должно было включать в себя признание собственных ошибок, недоработок, обещание исправить недостатки, прислушаться к критике товарищей. Цыбизов, следуя ритуалу, признал и пообещал прислушаться. Но многим из коллег показалось, что выступающий каялся как-то вяло, без огонька. Соратники по писательскому ремеслу решили помочь товарищу:

«После таких правильных, самокритичных слов Цыбизова и говорить нам будет нечего. Но, к сожалению, дела его еще не соответствуют этим правильным, неоспоримым словам. Цыбизов недобросовестен в своей работе. “Соленоид” несостоятелен в научном отношении,

о чем свидетельствует очень доказательные письма читателей – инженеров, техников, механиков. И я как редактор и рецензенты советовали ему неоднократно проконсультироваться со специалистами. Цыбизов остался глух к этим советам».

Далее тот же автор говорит вещи, которые, без сомнения, относятся к личности, характеру самого Цыбизова:

«Вот последний, еще не напечатанный, рассказ “Ему чертовски везло”, который по своим литературным качествам намного выше всего предыдущего. Герой, от лица которого ведется рассказ, не советский человек. О себе он говорит: “У меня выработались два основных правила в жизни: ни у кого не одалживаться и никому ничего не обещать и не делать того, что может в чем-то обязать меня перед другими”. Это же не наше правило, не советское правило. Как же можно, если живешь в коллективе, не быть ему обязанным, не делать для него чего-то?»

В любом, книга не осталась без внимания. Тираж в семьдесят пять тысяч экземпляров буквально растворился. Несомненный успех предполагал новые книги, переиздания уже вышедших, но все получилось несколько иначе. Да, в 1962 году в Смоленске вышло переиздание повести «Необычайные происшествия в Пеньках». Были опубликованы несколько рассказов. Но на этом все и застопорилось на долгие годы. Нельзя сказать, что Цыбизов стал жертвой писательского кризиса или вследствие личных проблем потерял интерес к литературной работе. Нет, причины молчания несколько иной природы.

Вот выразительный отрывок из дневника Николая Павлова – смоленского прозаика и издательского работника. Запись от 23 июня 1972 года:

«Все-таки недобросовестно к нам относятся, недобросовестно. Недаром Цыбизов написал жалобу в МК. Ведь когда решили вопрос о нем, в апреле? И до сих пор – ни в зуб ногой. В итоге – очередная жалоба. Только напрасно Вл[адимир] Дм[итриевич] написал про взятки – они чувствуются, но они недоказуемы. И незримы: редакторы-москвичи делают все по закону «взаимовыручки», мол, ты мне, а я тебе. Ну и пьянствуют вместе. А это тоже узаконилось. Ну и тянут еще тех, кто «познатней», «понужней». А мы – на задворках...».

Понятно, что, комментируя подобные слова, нужно помнить об особом, обостренном чувстве авторов из провинции – ощущении своей изолированности, невозможности использовать столичные блага, доступные московским писателям. Думаю, что так было и будет всегда. Эмоциональный мир писателя построен во многом на противопоставлении себя окружающему миру. Поиск и нахождение личных и творческих причин неудач и провалов нередко заканчивается составлением списка с конкретными фамилиями врагов и конкурентов.

С другой стороны, имелись объективные причины, заставившие Цыбизова искать справедливость, писать жалобы в издательство, где «подвисла» его новая книга. Начало семидесятых – эпоха застоя, когда произошло заметное окостенение и в литературной жизни. Оказалось, что рост писательских кадров вступил в конфликт с возможностями удовлетворить творческие амбиции каждого советского литератора. Действительно очень быстро центральные издательства и редакции крупных журналов обросли «своими авторами». Формой допуска в «круг избранных» могло стать следование конъюнктуре: написание романа о «рабочем классе», строительстве БАМа или колхозной жизни. Провинциальные авторы или писатели, работавшие в «неактуальных жанрах», оказывались отрезанными от читателей. В этом отношении Владимиру Дмитриевичу Цыбизову не повезло дважды...

Существовали проблемы и в отношениях с местными коллегами по писательскому цеху. Еще в 1958 году один из них отмечал:

«Насчет Цыбизова и причина выясняется. Он – не общественный человек. Он не любит бывать на наших «четвергах», избегает читать рукописи товарищей. И эта антиобщественность мстит, в первую очередь ему самому».

В конкретном случае Цыбизова положение усугублялось тем, что в 1964 году в рамках укрупнения было упразднено Смоленское книжное издательство. Оно превратилось в отделе-

ние столичного «Московского рабочего». Смоленские писатели оказались, по сути, никому не нужными. Все же не без скандалов Цыбизову удалось продать книгу в столичном издательстве. В 1973 году в «Московском рабочем» выходит повесть «Клад Наполеона». В центре сюжета – история, развертывающаяся в нескольких исторических пластах: история девятнадцатого века причудливо переплетается с военными годами и разрешается в современности. Динамичное и живое изложение, насыщенность действием не могли не привлечь внимание. Интересно, что писатель снова обращается к деревне Пеньки и ее обитателям, знакомым нам по его ранней повести «Необычайные происшествия в Пеньках». Увы, победа Цыбизова в борьбе за право говорить с читателем оказалась пирровой. Да, в последующие годы у него вроде бы выходили книги. Но их содержание не обещает особого удовольствия от чтения: «Рождение славы» (1979) посвящено Смоленскому заводу средств автоматизации производственного оборудования, а название «Лазер – инструмент» (1981) говорит само за себя.

Затем стало ещё хуже. Пришли годы абсолютного безкнижья. Длились они до конца жизни писателя. Владимир Дмитриевич Цыбизов ушел из нашего мира 6 марта 1999 года. Но эта внешняя неудача не бросает тени на самого писателя. В кругах смоленских литераторов долгие годы ходили слухи о том, что Цыбизов пишет фантастический роман «Атлантида» (другой вариант названия «Посланец Гончих Псов»), который никто не видел. Понятно, что подобных примеров «писания в стол» немало и они имеют, как правило, один грустный финал. Выясняется, что автор не писал, а лишь «задумал», ограничившись в лучшем случае написанием пролога. Но это не наш случай. Совсем недавно в архивах Владимира Дмитриевича была найдена рукопись романа. Под названием «Треугольник дьявола» она была напечатана тиражом в 70 (!) экземпляров в 2024 году. Более того, обнаружена еще одна крупная вещь писателя – роман «Загадки Рытого леса», посвященный разоблачению предателей Родины советским журналистом в послевоенные годы. Еще в середине восьмидесятых годов писатель отправил роман в издательство «Московский рабочий»... Думаю, что дальнейшие комментарии тут не нужны. Больше сорока лет текст романа считался утерянным. Как тут не вспомнить известный афоризм другого русского прозаика: «Рукописи не горят». Не буду сравнивать дарования Булгакова и Цыбизова, но их судьбы совпадают на особом уровне, где мерилom подлинности дарования выступает преданность слову и писательскому делу. Хочется верить, что сегодняшнее издание – начало возвращения Владимира Дмитриевича, пусть и растянувшееся на долгие десятилетия, к своему читателю.

М.В. Хлебников, канд. философских наук

Станция Степная

Повесть

Нападение

Город просыпался. На еще пустынные, безлюдные улицы то там, то здесь из калиток выходили дворники, скребли и подметали мостовые, тротуары, из брендспойтов окатывали асфальт длинными, хлесткими струями воды. Брызги бриллиантами сверкали в холодных еще лучах утреннего солнца, асфальт блестел. На небе, точно шапки снега на невидимых горах, застряли редкие кучевые облака.

Раздался звук мотора. Из-за угла показалась грузовая автомашина с тентом над кузовом и помчалась по сырому асфальту, шурша шинами. Один из дворников полоснул струей по дверце кабины. Человек, сидевший рядом с шофером, погрозил ему пальцем.

Машина катилась все дальше и дальше. Дома и постройки становились все проще на вид, каменные строения уступали место деревянным, потянулись заборы, палисадники, сады, огороды. Асфальт кончился. Машина некоторое время тряслась по булыжной мостовой, а затем мягко покатила по пыльной дороге. Пригород...

Дома встречались все реже и реже, а вскоре и совсем пропали. Грузовик пересек линию железной дороги и очутился за городом. Дорога вела к реке. Воды пока не видно, но река чувствовалась по тому, как все гуще становилась растительность по краям дороги, все ярче зеленели листья на придорожных тополях, свежел воздух.

Вдали возникли казавшиеся ажурными арки моста. Дорога свернула к мосту, который теперь стал похож на длинный решетчатый ящик, переброшенный с одного берега реки на другой. Входное отверстие огромно, выход же светлел вдали пятнышком с пятаяк.

Недалеко от моста машина остановилась: дорогу преградил часовой с винтовкой в руках. Из кабины вылез человек, сидевший рядом с шофером, протянул часовому документы.

– Геолого-разведывательная партия...

Часовой просмотрел документы и спросил:

– Сколько с вами?

– Двое: геолог Сорокин и шофер Алексеев. Кротов – это я...

Солдат удовлетворенно кивнул головой, вернул документы Кротову и сказал:

– Все в порядке, можете ехать. – Подумал, улыбнулся и спросил: – Что искать-то едете?

Геолог мягко ответил:

– Не положено говорить. Трогай, Алексеев.

Грузовик заворчал сильнее, рванулся и, оставив позади себя клубы вонючего газа, въехал на мост. Часовой шагнул на середину дороги, точно отсюда было удобнее смотреть на машину. Вот они какие, дела. Идет война, фронт недалеко, а люди спокойно трудятся, уголь, наверно, ищут или какие-нибудь другие полезные ископаемые. Значит, уверены, что фашистов не пустят в эти места, надеются на свою армию. И правильно, что надеются: ведь армией руководит Сталин! Будут фашисты биты...

Между тем машина прошла мост и по левому берегу реки запылила на юг.

Солнце стояло прямо над головой и так палило, точно хотело сжечь все на земле, когда грузовик с брезентовым тентом подкатил к степному полустанку, пересек железнодорожный путь и остановился у колодца.

Кротов вылез из кабины, потянулся и сделал несколько шагов, расправляя затекшие руки, ноги и спину. Он был в полотняной куртке, такой же кепке и брезентовых сапогах грязно-белого цвета.

Размявшись, геолог взял из кузова ведро, достал из колодца воды и попробовал ее. Вода была холодная, но немного солоноватая. У машины его ожидал выпрыгнувший из кузова Сорокин, среднего роста щуплый человечек точно в таком же костюме, как и Кротов. Попив холодной воды, геологи ополоснули лица и залезли под тент.

Шофер залил радиатор водой, покопался в моторе, проверил баллоны, для чего постукал по ним ногой, и тоже залез под тент.

Отдохнув полчаса, геологи тронулись дальше. Дорога пролегла по ровной, точно стол, степи. Вокруг, насколько хватало глаз, раскинулась безжизненная, выжженная солнцем равнина, покрытая верблюжьей колючкой и низкорослыми кустами полыни. На телеграфных проводах замерли кобчики, вороны. Через несколько километров унылое разнообразие степи стали нарушать редкие посевы пшеницы, проса, подсолнечника. Эта растительность имела жалкий, измученный вид. Лучше всех, пожалуй, чувствовали себя тыквы, дыни и арбузы, белевшие и желтевшие своими крутыми и блестящими боками на бахчах, раскинувшихся в степи по обе стороны железнодорожного полотна.

Наступил вечер. За день грузовик миновал много железнодорожных станций и селений. Позади остались сотни километров, но автомашина продолжала бежать вперед и вперед: ее целью была станция Степная.

До цели оставалось километров десять. Огромное оранжевое солнце опускалось за край степи. Зной спадал. Рядом с машиной бежала длинная-предлинная тень. Ее конец терялся в степи. Тень ломалась на неровностях почвы, изгибалась и казалась чем-то живым.

Кротов, как и прежде, сидел в кабине и рассеянно смотрел вперед. Внезапно внимание его привлек какой-то посторонний звук: как будто самолет летит. Кротов открыл дверцу и выглянул наружу: так и есть – самолет. Летит с запада. Там, километрах в двухстах за рекой, находится фронт. Может, это вражеский самолет?

Самолет приближался к железнодорожному полотну. Вот он резко изменил курс и направился прямо на автомашину. Через несколько мгновений он приблизился уже настолько, что можно было без труда разглядеть опознавательные знаки на крыльях: крест из черных и белых полос.

– Фашист... – произнес Кротов, следя за самолетом тревожным взглядом. – Будем надеяться, что он не по наши души прилетел...

Алексеев открыл дверцу и тоже посмотрел вслед самолету. Тот стал поворачивать. Шофер захлопнул дверцу и обеими руками ухватился за баранку. Кротов продолжал наблюдать за самолетом, поставив одну ногу на подножку.

Между тем самолет, снизившись, сделал над грузовиком круг, точно оценивая, стоит ли заняться им, и, развернувшись вдоль дороги, понесся навстречу машине.

– Бросай машину! – прокричал Кротов и вывалился на обочину дороги. Вслед за ним выпрыгнул Сорокин. Но шофер замешкался с дверкой. Над головой с ревом пронесся самолет, по кабине застучали пули. Алексеев навалился грудью на руль. Машина, свернув с дороги, врезалась в посадки молодых деревьев. Позади на дороге распластались геологи.

Самолет покружил над машиной и неподвижными телами, выпустил по ним несколько очередей и пошел над землей низко-низко, точно собираясь приземлиться...

Станция Степная

Станция Степная – небольшой железнодорожный узел. Одна дорога соединяла порт с центральной частью страны, другая шла к соляным промыслам. До войны узел был мало загружен. Пассажирские поезда проходили здесь всего лишь дважды в сутки. Редко ходили товарные. Объяснялось это тем, что рядом с дорогой, подступая кое-где во время разливов к самой насыпи железнодорожного полотна, текла могучая река с многочисленными рукавами и притоками. Ее берега частенько оглашались протяжными гудками пассажирских пароходов, буксиров, тянувших барки с товарами или нефтью. Грузы было гораздо удобнее и дешевле отправлять водой, а не железной дорогой. По железной дороге перевозились лишь самые срочные грузы.

Но когда началась Великая Отечественная война, когда гитлеровские дивизии стали продвигаться в глубь страны, значение этого узла возросло: через него из южных районов нашей страны стали перебрасываться под Москву, а потом к Сталинграду воинские части, вооружение, боеприпасы, обмундирование...

На этом теперь важном узле и располагалась станция Степная.

Степная отстояла от реки километрах в сорока, а до фронта от станции было сейчас километров двести. Вражеская авиация, стараясь нарушить движение поездов на дороге, совершала налеты на станцию. Фашисты сбрасывали бомбы не только на железнодорожное полотно, составы и военные объекты, но и на дома поселка, на колхозные станы в степях, на стада коров и табуны лошадей.

Железнодорожный узел охранялся воинской частью. Однако, несмотря на героизм наших летчиков и мастерство зенитчиков, отдельные вражеские самолеты иногда прорывались к станции и бомбили ее. К тому времени, о котором здесь говорится, от вокзала остался лишь просторный подвал с крепким сводчатым потолком. Раньше здесь была кладовая, где хранили и заправляли фонари для поездных бригад, лампы для стрелок. Здесь же стояли бочки с керосином, отчего подвал пропитался тяжелым запахом, от которого болела голова. Когда вокзал был разрушен авиабомбой, фонари, лампы и бочки перенесли в другое место, а в подвале начальник станции и комендант устроили свои «кабинеты»: поставили столы с походной аппаратурой и книгами прибытия и отбытия поездов. Во время последней бомбежки начальник станции погиб и его замещал лейтенант Еремин, бывший до войны помощником начальника соседней со Степной станции Грачевка.

...Утро. Яркие солнечные лучи пробивались сквозь узенькие стекла подвала и освещали склонившегося над картой коменданта станции Долова – лысого человека в побелевшей от времени гимнастерке. Рядом стоит Еремин и водит по карте тупым концом красного карандаша. Это среднего роста крепыш. Лицо скуластое, загорелое, нос немного загнут, как у беркута, взгляд острый, на голове плотно сидит фуражка.

Лейтенант обвел на карте участок и проговорил негромко:

– Прошлую ночь ракеты были выпущены в этом районе.

– Ракетчики пойманы?

– Пока нет. Уверен, что поймаем в ближайшие дни.

– Да, задача... – задумчиво пробормотал Долов, разглядывая карту. – Обрати внимание, опять в новом квартале.

– Замечает следы.

Долов поднял на Еремина глаза, помедлил, неуверенно проговорил:

– Мне кажется, этот ракетчик из местных жителей...

– Из наших, советских людей? – сурово спросил Еремин.

– Конечно, нет. Просто какой-нибудь недобитый враг, кулацкий сынок, знающий здесь все лазейки, все ходы и выходы. Возможно, ему помогают еще несколько человек, потому-то мы и не можем его поймать. Нужно вот что предпринять...

Но что нужно предпринять, Еремин не услышал: в подвал вошел боец и сказал, обращаясь к Долову:

– Товарищ майор, разрешите обратиться.

– Говори.

– Тут до вас, – боец кивнул на дверь, – хотят двое геологов пройти.

– Двое геологов? Очевидно, это те, о которых нам сообщили из Гулова, – пробормотал Долов, – пусть войдут.

Боец вышел. Еремин в ожидании уставился на дверь. Долов сложил карту и тоже посмотрел на дверь, которая в этот момент распахнулась. В помещение вошли двое и остановились. Тот, что стоял немного ближе, был смуглолиц и, видимо, крепок. В глаза бросалась белая повязка на голове с пятнами крови. Поверх повязки кое-как была надвинута полотняная кепка. Полотняная куртка, брюки и брезентовые сапоги покрыты пылью, пятнами крови, уже почерневшими от времени. Человек, как видно, был ранен, сильно устал, но старался не показывать этого.

Его товарищ имел более плачевный вид: левая рука покоилась в вафельном полотенце, завязанном на шее, на голове тоже повязка, на ней осел такой слой пыли, что трудно определить, чем же перевязана голова.

Долову и Еремину понадобилось лишь несколько мгновений, чтобы заметить все эти подробности. Ясно, что люди ранены, проделали немалый путь пешком, очень устали...

– Прошу, – сказал Долов, указывая посетителям на широкий, массивный деревянный диван, стоящий у стены.

– Весьма благодарны! – сказал высокий человек. Оба геолога направились к дивану: низенький, осторожно, точно ступал по раскаленной плите, смотрел все время себе под ноги. Наверно, у него была ранена и нога. Усевшись, он нагнулся, потрогал правую ногу пониже колена и со страдальческим видом посмотрел на присутствующих. Его товарищ снял кепку, осторожно ошупал голову, бинты и сказал с вымученной улыбкой:

– Просим прощения, что отвлекаем вас. Мы геологи. Ехали сюда нефть искать, да вот рок судьбы, как говорится, – не совсем доехали... Прошу...

Он достал из кармана куртки документы и подал их Долову. Комендант взял, внимательно просмотрел. Возвращая документы, он озабоченно спросил:

– Вы ранены? Рассказывайте, что случилось.

– Я в двух словах, с вашего разрешения. Но прежде позвольте представиться: Кротов. А это Сорокин. Видите ли, наша изыскательная партия состояла из трех человек: нас двоих и шофера. Мы должны произвести здесь кое-какую подготовительную работу. Километрах в десяти отсюда вчера вечером...

И Кротов рассказал о нападении на машину фашистского стервятника. В заключение геолог сказал с грустью:

– Алексеева мы похоронили. А снаряжение осталось в грузовике. Мы были бы вам очень и очень признательны, если бы вы помогли нам перебросить сюда наши вещи.

– Помочь, конечно, поможем, – сказал Долов. – Правда, с транспортом у нас туговато.

– Стране нужна нефть, – жестко сказал Сорокин, исподлобья посмотрев на Долова и Еремина. Продолжая тихо покачивать здоровой рукой больную, он добавил: – Мы не имеем права не выполнить своего задания. Нам необходимо наше снаряжение. Вы обязаны помочь перебросить его сюда.

Сорокин замолчал, строго взглянув на коменданта и Еремина, и принялся рассматривать свои запылившиеся сапоги. Кротов, бросив на товарища укоризненный взгляд и покачав головой, точно осуждая Сорокина за его тон, сказал, обращаясь к Долову:

– Да, нам хотелось бы возможно быстрее приступить к изысканиям. А раны наши не так уж серьезны. Просто мы проделали большой путь, потеряли немного крови – ну и выбились из сил. Вы нас очень обяжете, если сможете доставить сюда снаряжение.

– Обязательно поможем, – сказал Долов. – В крайнем случае попросим колхоз: у них есть машина. А сейчас, я думаю, вам нужно отдохнуть, сделать перевязку. – Комендант приоткрыл дверь и крикнул: – Иванов, найди Телегина.

– Есть найти Телегина! – донеслось в ответ.

– Я пошел насчет транспорта, – проговорил Еремин. В дверях он чуть не столкнулся с высоким, плечистым человеком в железнодорожной форме. Это был стрелочник Телегин. Войдя в помещение, он привычным движением руки расправил густые черные усы, быстрым взглядом окинул присутствующих и посмотрел на Долова.

– Звали, товарищ комендант?

– Да. Слушай, ты, кажется, сейчас в краснобаевском доме живешь?

Телегин утвердительно кивнул головой.

– Как там, в остальных комнатах можно жить?

– Вполне. Там еще три свободные каюты и камбуз. В некоторых окнах выбиты стекла, так их можно задраить. В чем дело?

– Вот, квартирантов тебе нашел. – И комендант кивнул на Кротова и Сорокина. – Геологи. Нефть будут искать у нас.

Геологи поднялись с дивана. Телегин, обернувшись к ним, с улыбкой сказал:

– Ну что же, милости прошу к нашему шалашу.

– Весьма благодарны. Мы недельки на две, на три, – искательно сказал Кротов. – Недолго будем стеснять вас. Нам достаточно одной комнатухи.

– Какое там стеснение. И не в тесноте будете, и не в обиде. Кубрик большой, просторный. Жил у нас тут до тридцатого года кулак Краснобаев, ловил рыбку в мутной водичке. Вот и отгрохал домик для себя. Я ведь там случайно отдал якорь. Пойдемте, укажу дорогу, – продолжал тем временем Телегин, – где ваш груз?

– Скоро прибьет, – вмешался Долов – Тут с ними случилась... В общем, они тебе расскажут дорогой. Да, чуть не забыл: сначала проводи, пожалуйста, их в амбулаторию.

– Будет сделано.

– За вещи не беспокойтесь, – сказал Долов геологам. – Все, что найдут в машине, доставят к вам на квартиру в полной сохранности.

– Да, да, будьте добры, – сказал Кротов. Телегин в сопровождении геологов вышел из подвала.

Дом на окраине

Телегин повел геологов по широкой улице. Геологи увязали в песке и едва поспедали за ним. А тот вел их на окраину пристанционного поселка. Вскоре главная улица осталась позади, и Телегин свернул в переулок. Дорога стала еще более песчаной.

– Ну и ну! – тихо бормотал Сорокин, с трудом вытягивая ноги из песка. – Настоящие Кара-Кумы. Где только я не был, но такого еще не видал.

– А Кара-Кумы? – с усмешкой спросил Кротов. – Разве там лучше?

– А ты считаешь – хуже? Я был бы не против очутиться сейчас в этих проклятых Кара-Кумах: там по крайней мере не стреляют в тебя с неба из пулеметов. – Говоря это, Сорокин внимательнейшим образом оглядывался по сторонам, точно стараясь оставить в памяти мельчайшие детали.

– Вот амбулатория, – сказал Телегин и указал на один из уцелевших домов, мимо которых они сейчас проходили. – Зайдемте. Здесь есть и больница. Так что, если плохо чувствуете себя, могут положить.

– Пожалуй, мы сами обойдемся, – внезапно сказал Кротов. – Как ты, Сорокин?

– Лежать времени нет, а перевязку сделать нужно, – одновременно и Телегину и Кротову ответил Сорокин.

Они вошли в амбулаторию.

...По пути к дому Телегина Сорокин молчал и продолжал еще более внимательно оглядываться по сторонам. Поселок был основательно разрушен. Многие улицы выгорели дотла. В уцелевших порядках тоже чернели пепелища пожарниц. Тут и там виднелись воронки от бомб, разрушенные каменные строения.

Окраина. Домов в строгом смысле слова здесь не было. Люди, потерявшие кров, приходили сюда и строили мазанки. Строили очень просто: где-нибудь неподалеку от места постройки копали глину, поливали водой и перемешивали с рубленой соломой. Из этой массы формовали саманные кирпичи более пуда весом каждый. Кирпичи просушивались на солнце, затем из них клали стены мазанки. Крыши делали из жердей и камыша. Камыш связывали в жгуты-снопики, окунали в жидкую глину и укладывали на жерди. Под горячими лучами солнца глина высыхала и связывала камыш, образуя твердую, совершенно непроницаемую для дождя кровлю. Чтобы крыша была еще прочнее, камыш покрывали слоем глины. Изнутри крышу промазывали, и она служила потолком.

Таких мазанок здесь было немало. Сразу же за ними начиналась степь, изрытая большими ямами, откуда жители брали глину для своих построек. И странно было видеть среди этих глинобитных хижин большой кирпичный дом с когда-то красной крышей.

Дом этот имел свою историю. В 1910 году в эти места пришел человек по фамилии Краснобаев. Поездив по степи, поразнухав что нужно, он понял, что здесь есть пожива, и немалая, если умело взяться за дело: местные скотоводы – народ простой, доверчивый, их можно «облапошить» в два счета.

И Краснобаев начал облапошивать доверчивых скотоводов, покупая и перепродавая их скот. Через год он открыл на окраине поселка мелочную лавочку, затем построил каменный дом, обнес его крепким высоким забором из толстых досок и завел злого пса, которого днем держали на цепи, а на ночь спускали с привязи.

Когда началась коллективизация, Краснобаева раскулачили и сослали на Север за попытку повредить колхозу «1 Мая», который тогда только что делал свои первые шаги на пути к зажиточной жизни. Какова была его дальнейшая судьба, никто в поселке и на станции не знал.

Дом заняли под детские ясли, а затем здесь устроили детдом. Когда фронт приблизился, детский дом эвакуировали в глубокий тыл. Дом опустел. Его заняла одна воинская часть, после нее другая, потом здесь некоторое время жили беженцы. Когда ушли и беженцы, дом занял Телегин: железнодорожный дом, в котором он жил до того, сгорел от зажигательной бомбы. Впрочем, Телегин, как мы уже знаем, занимал всего лишь одну комнату. Он был одинок, и ему не требовалось многого.

Телегин подошел к воротам и толкнул калитку. Она открылась со скрипом. Чувствовалось, что калиткой пользовались редко.

Колька

Когда Телегин с геологами скрылся в калитке и та, звякнув щеколдой, захлопнулась, из дверей соседней мазанки выскочил мальчик лет одиннадцати, подбежал к забору и уткнул веснушчатый, курносый нос в щель. Чувствовалось, что любопытство – главная черта его характера. Его черные глазенки с любопытством забегали по двору и остановились на геологах. Те как раз поднимались на высокое скрипучее крыльцо дома.

От этого интересного занятия мальчика оторвала мать, выглянувшая из дверей мазанки.

– Коля, сбегай за хлебом, – сказала она, протягивая сыну деньги и хлебные карточки.

Мальчик с неохотой оторвался от щели. Взяв деньги и карточки, он сказал:

– Я за Васькой Потаповым зайду, вдвоем веселее.

– Ладно, только быстрее возвращайтесь, а то опять пойдете на путя пушки смотреть, да под поезд попадете...

– Охота нам лезть под поезд, чай, не маленькие.

– Ну, ну, беги. Смотри, карточки не потеряй. Дяде Пете возьмешь на день, а на наши – на два дня. Не перепутай.

– Не впервой, знаю... – солидно протянул Колька, старательно складывая карточки вместе и зажимая их в кулак. – Ну, я пошел...

Так говорил его отец, уходя на работу. Правда, он, Колька, идет не на работу, а в магазин за хлебом, но это тоже важное дело. А подрастет немного – на работу устроится, матери помогать будет. Да он и сейчас помогает ей за стрелками ухаживать...

Колька поддернул коротенькие штанишки и направился через дорогу к такой же, как и у них, мазанке с подслеповатыми окошками – там жил его друг Васька Потапов.

Мать посмотрела ему вслед и тяжело вздохнула. Штанишки поистрепались, рубашонка тоже. И босиком все время бегаёт, еще ногу поранит о стекло или палец собьет о камень. А где обувку взять, одежонку? Придет зима – и одеть не во что... Все проклятая война наделала. А ведь как хорошо стали жить перед самой войной. И дом – полная чаша, и муж был жив... А теперь она вдова, все имущество погребло в огне, даже сына не во что одеть. Что было в тот день на нем, то и донашивает. Одна надежда на помощь от дорпрофсожа...

Наталья Чекалова постояла у порога еще немного, а потом вошла в мазанку. Здесь она с сыном живет недавно, всего вторую неделю. Сразу же после того, как сгорел их дом, она с Колей и Телегин перебрались в краснобаевский дом. Но Чекаловой не понравилось там. Да и что хорошего в этом доме? Комнаты огромные, пустые, неуютные, стекла повывбиты... Придет зима – дров не напасешься, в холоде насидишься... Другое дело – мазанка. Ее и построить можно быстро и отопить не так трудно будет.

И Наталья взялась за дело. Ей помогли соседи. Телегин, который сам не имел семьи, сильно привязался к Коле и старался помочь Чекаловой во всем, в чем мог. Потаповы тоже принялись строить себе мазанку. Вскоре новые жилища были готовы, и погорельцы перебрались в них.

В мазанке Чекаловых было две комнатухи. Несмотря на занятость Натальи, там всегда было чисто и опрятно.

...Наталья подошла к плите и принялась за стряпню. Кухонная утварь принадлежит соседям. Своего у Чекаловой лишь чугунок и пара покореженных сковородок, которые она нашла на пожарище.

Женщина хлопотала у плиты и иногда посматривала на часы-ходики, висевшие в другой комнате: завтрак готов, а Кольки все нет.

– Опять, наверно, на путя пошел, ветрогон, – сердито пробормотала Наталья, глядя через подслеповатое окошко на улицу. – Совсем отбился от рук без отца. Пусть только придет...

Очевидно, Кольке угрожали страшные кары, судя по нахмуренным бровям матери и резким движениям полынного веника, которым она принялась подметать глиняный пол комнаты. Подметая пол, она присела на табуретку, соображая, что надо еще сделать по дому. В этот момент в дверях показался Колька с хлебом.

– Вот. Все руки оттянул, еле донес.

– А почему так долго? – спросила мать строго.

– Ждали, пока хлеб привезут. Возчик говорил, прошлую ночь немцы пекарню разбомбили. Пришлось, говорит, по частным домам хлеб печь.

Колька посмотрел на мать. Она нахмурилась: и когда эти бомбежки кончатся?

Он отломил корочку от буханки, сунул в рот и с возбуждением продолжал, жуя хлеб:

– А мы с Васькой хлеб подавали, так нам без очереди отпустили. А то бы еще пришлось стоять в очереди. Ох, и тяжелые буханки!

Мать смотрела на сына, и все гневные слова, которыми она хотела встретить его, исчезли сами собой. Она ласково сказала, глядя на сына:

– Где тут чей?

– Вот это наш, это дяди Пети. Смотри не перепутай.

– Не перепутаю. Где карточки?

– Вот.

И Коля разжал кулак. На потной ладошке лежали смятые карточки. Мать взяла их и спрятала под подушку на топчане.

– Mam, можно на улицу? – спросил Коля, переминаясь с ноги на ногу и с нетерпением поглядывая на дверь.

– А завтракать?

– Я после завтрака...

– Ладно. Мой руки и садись за стол.

Коля вымыл над стареньким тазиком руки, поливая себе изо рта, вытерся полотенцем и чинно уселся за стол. Мать поставила перед ним тарелку с жареной картошкой, отрезала хлеба.

– А сама что же? – спросил Коля, беря ложку.

– Ешь, ешь, я успею.

Коля насупился, посмотрел в тарелку и принялся завтракать. Слова матери напомнили ему об отце: мать всегда отвечала ему теми же словами, когда он, приходя с работы и садясь за стол, спрашивал, почему она не наливает себе супу или щей. Впрочем, долго думать о грустном он не мог. Торопливо глотая картошку и хлеб, он посматривал то в окно, то в дверь, которая была открыта.

– Ты что вертишься, точно на иголках? – строго спросила мать. – Боишься, приятель уйдет?

Наталья уже заметила возле их мазанки рыжую голову Васьки Потапова. Тот уже сбегал домой и теперь поджидал Кольку за углом. Васька знал строгий характер матери Кольки и старался не попадаться ей на глаза. Сколько раз она отпускала в его адрес такие слова: «Ох, уж этот мне Васька! Вечно что-нибудь придумает». Или такие: «Этого рыжего все собаки в поселке знают. Никогда не пройдет мимо животного, чтобы камнем в него не швырнуть...» Что он рыжий – это да, тут тетка Наталья права, но камни он швыряет не во всех животных. Но как, например, не бросить камень в колхозного бугая Чемберлена, когда тот однажды припер его, Ваську, к забору и Васька едва вырвался от него. И в соседнего козла нельзя не швырнуть чем-нибудь. Тот злой, как черт: не успеешь руку поднять, как он уже прыгает через забор и старается угодить тебе прямо в брюхо своими кривыми рогами...

– Дома хозяйюшка, свет Натальюшка?

Это был Телегин. Вслед за ним в комнатушку вошел еще один человек, такой же высокий и широкоплечий, как и дядя Петя. Голова его забинтована. Колька проглотил неразжеванную картошку и устался на вошедших.

Так это тот же самый, которого он, Колька, видел в щель. Интересно, кто он такой?

Между тем Телегин говорил Наталье:

– Это вот геолог Кротов, познакомьтесь... – Когда знакомство состоялось, Телегин продолжал: – Он со своим товарищем у меня якорь бросил в краснобаевском доме. Все бы хорошо, да вот кока у них нет. Вы не взяли бы иногда стряпать для них в своем камбузе?

Наталья переводила взгляд с одного на другого, не зная, что ответить. Готовить, конечно, можно было бы, да еще не угодишь...

– Уж не знаю, что сказать, – произнесла она неуверенно. – И дома я не всегда бываю...

– Мы вам хорошо заплатим, – сказал Кротов. – Не беспокойтесь.

Колька бросил на геолога сердитый взгляд и чуть не сказал: «Ишь, купить хочешь? Мою мамку деньгами не сманишь, если чего она не захочет». Однако промолчал: вмешиваться в разговор взрослых он не смел.

Разговор о хорошей плате неприятно подействовал и на Наталью, хотя она и нуждалась в деньгах.

– Дело не в деньгах, – сказала она, строго смотря на Кротова. И, испугавшись, что он поймет ее отказ как уловку, чтобы побольше запросить за обеды, она добавила: – А во времени...

Кротов смутился и сказал:

– Извините, я ведь по-простому, без задних мыслей. Времена сейчас тяжелые, нужно помогать друг другу. Простите, если что не так сказал...

Наталью тронули эти слова: может быть, она и ошибается насчет геолога. Она смягчилась и сказала:

– Помогать, конечно, надо. Я про то хочу сказать, что когда буду на дежурстве, то не смогу готовить.

– Так это само собой, помилуйте! Мы ведь тоже не вечно будем здесь сидеть. В поле придется больше бывать, чем здесь, в поселке. Значит, согласны?

– Ладно уж, договоримся...

– Ну и прекрасно. Как только доставят сюда наши вещи, так сразу же принесу вам продукты. Пожалуй, сегодня же и принесу, к вечеру. Вы как, не дежурите сегодня?

– Нет, сегодня я свободна от дежурства. Да, Петр Егорыч, вот ваш хлеб, возьмите. Здесь на день.

– Да тут, я вижу, полное обслуживание! – с удивлением воскликнул Кротов. – И обед сварят, и хлеб выкупят, и покормят.

– Да уж не без этого. Сейчас особенно все должны помогать друг другу, – сказал Телегин, забирая хлеб. – Спасибо, Наталья. Просто не знаю, что бы я делал без вас: так занят всегда, что поспать некогда, не то что в очереди за хлебом стоять.

– Тут уж я ни при чем, – ответила Наталья, ласково поглядев на сына. – Это он все.

– Помощник растет, – одобрительно сказал Кротов.

– Молодец, что матери помогаешь, – сказал Телегин Кольке. – Приходи, борода, завтра в кино, новую картину смотреть будем. Видал афишу?

– Видал, – весь просияв, отозвался мальчуган. Он был очень польщен тем вниманием, которое ему оказали взрослые. Ах, жаль Васьки нет рядом. Вот ему было бы завидно!

– Значит, договорились? – еще раз спросил Кротов Наталью.

– Ладно, несите продукты.

Друзья

На следующий день Телегин вступил на дежурство с утра. В полдень Наталья приготовила узелок с обедом для Телегина и подала Коле. Тот подхватил его и выскочил в дверь.

Во дворе Колька сразу же принял строгий, высокомерный вид. Узелок с завтраком он нес с таким выражением лица, точно это был совсем и не узелок, а по меньшей мере портфель из дерматина, предел мечтаний Коли. Впрочем, поведение Кольки можно было легко объяснить, стоило лишь заглянуть за угол мазанки: оттуда выглядывал тощий мальчуган с копной рыжих волос на голове, напоминающей своей формой дыню. Ему было лет одиннадцать, но в длинных черных брюках он выглядел старше своего возраста. Это и был Васька Потапов, друг Кольки.

– Пошли со мной, – снисходительно пригласил его Колька.

– Ты что, обед понесешь дяде Пете?

– Угу, обед.

Васька соорудил недовольную физиономию.

– Не хочешь – не ходи, – равнодушно произнес Колька. – Снесу один.

– А кто это к вам приходил вчера?

– Мало кто к нам приходил. Ты про кого?

– Про того, что с повязкой.

– А, это геолог, – со скучающим видом ответил Колька и таким тоном, точно с геологами ему приходится разговаривать по сто раз на день. – Пришел попросить нас, чтобы мы помогли им...

– Врешь! – решительно произнес Васька. Но чувствовалось, что ему трудно оставаться равнодушным.

– А ты нанимал меня врать?

– А сколько их, геологов-то?

– Двое. У дяди Пети остановились. Наверно, золото приехали искать.

– Золото ищут золотоискатели, – с насмешкой сказал Васька, – а геологи камни собирают, уголь, руду.

– Вот и неверно. Золото тоже геологи ищут, мне отец говорил.

– Ну и что же, что говорил? Может, он ошибся.

– Кто, отец ошибся? – Колька даже задохнулся от возмущения. – Вот придет к нам геолог, я спрошу его, зачем они приехали сюда, что будут искать.

Васька присвистнул.

– Так он тебе и сказал! Не с кем ему больше разговаривать!

– А вот посмотрим.

Непримиренные, они пошли дальше. Проходя мимо столба с наклеенной афишей, Коля зевнул и сказал как бы между прочим:

– А меня дядя Петя в кино приглашал.

– Тебя?

– Меня.

– В кино?

– В кино. Сказал, что новая картина пойдет.

– Какая картина?

– Это секрет.

– Ну и врешь все. Если бы знал, так сказал.

– А вот и знаю, да не скажу! – рассердился Коля. – Хочешь проверить, приходи сегодня к началу сеанса. Своими глазами увидишь, как я пройду без билета. Дядя Петя уже не раз меня проводил.

Против этого Вася ничего не мог возразить: он знал, что дядя Петя проводил Колю без билета, а однажды вместе с ним провел и его, Ваську.

Вспомнив про это, Вася просительно сказал:

– Коль, а меня не проведешь?

Коля, гордый от сознания своего превосходства над приятелем, поглядывая в небо и по сторонам, небрежно сказал:

– Не знаю... Дядя Петя – ого, какой строгий!..

– А ты попроси его. Я тебе стрельнуть дам... – И Вася похлопал по оттопыренному карману штанов.

Коля покосился на карман приятеля, но, заметив на себе взгляд Васи, быстро отвернулся: а то еще подумает, что ему хочется стрелять. А ему ни капельки не хочется. Да и пистолет не взавраждавший, а самодельный, из медной трубки, прикрученной проволочками к деревянной ручке. Этот пистолет Васька выменял у одного парня на «Робинзона Крузо». А потом мать так ругала его, Ваську, что на улице было слышно. Она отобрала самопал и хотела бросить его в печку, которая как раз топилась, но Вася сказал, что пистолет заряжен. Мать испугалась и забросила самопал под шесток, где лежали ухваты, сковородник и кочерга. Но Вася, улучив момент, достал кочергой свое «оружие», тщательно почистил его и после этого уже старался не показывать матери. Она же совсем не понимает в огнестрельном оружии. Взяла, точно какую железку, и забросила под шесток...

Впрочем, Вася недолго обижался на мать. Ей всегда не нравится то, что нравится ему, и наоборот. Вот вчера вечером ему хотелось на улицу, а мать не пустила, говорит, уже темно. А сама к соседям пошла. Хорошо, отец вернулся с дежурства и послал за матерью, а то бы сидеть ему весь вечер одному...

Коле очень хотелось пострелять из Васиного самопала. Но он и виду не подал. Даже наоборот, он старался доказать, что стрельнуть ему совсем не хочется.

– Подумаешь, стрельнуть, – сказал он пренебрежительно. – Пшик – и готово! А кино два часа можно смотреть.

– Так уж и два... – неуверенно протянул Вася.

– Ну, немного поменьше, – благосклонно согласился Коля. – Все равно один раз стрельнуть мало за кино.

– Ну, два раза, – пошел на уступку Вася.

– Два? Два раза тоже, пожалуй, будет мало... На-ко узелок, а то он мешает мне думать. Тут, знаешь, долго думать надо.

Вася с готовностью взял из Колиных рук узелок с обедом. Коля заложил руки за спину и, посвистывая сквозь зубы, вразвалку двинулся дальше. На Васю он не смотрел. Пусть не гордится своим самопалом. А то, ишь, два раза стрельнуть. Тут и трех мало. Да еще неизвестно, какая картина будет, а то и четырех раз не хватит...

Ребята вышли на пристанционную улицу, изрытую воронками от бомб, миновали при вокзальный садик и очутились на железнодорожных путях. Здесь стояло несколько обгорелых вагонов на запасных путях, да четыре бензоцистерны с пробитыми боками. Отверстия были такие, что в некоторые можно было свободно просунуть кулак: ребятишки уже бывали тут не раз и пробовали просовывать кулаки в пробоины. Сейчас они тоже подошли бы к цистернам, но так как очень торопились, то прошли мимо. Они шагали по шпалам к самой последней стрелочной будке, за которой поблизости находилась входная стрелка.

Прыгая со шпалы на шпалу, ребята не переставали поглядывать на небо. Вдруг какой-нибудь фашист прорвется к станции никем не замеченный! А они заметят, сообщат Долову. Долов позвонит на батарее, а те как дадут по самолету, так он и загорится. Вот бы хорошо было!

Справа от полотна находилось паровозное депо. Ребята остановились на минуту и принялись смотреть, как огромный паровоз вкатился на поворотный круг и стал поворачиваться задом наперед. Круг остановился, и паровоз медленно покатился в депо. Через некоторое время он скрылся в огромных воротах. Таких ворот в депо было штук десять. Рельсы из них, точно спицы колеса, сходились к одному месту – к поворотному кругу. А от него отходил лишь один путь, который вливался в главную магистраль недалеко от той стрелочной будки, куда направлялись ребята.

Телегин чистил стрелки, когда пришли ребята. Сколько раз ни приносил ему Коля завтрак, обед или ужин, он всегда на стрелках – возится с метлой, совком или чистит и смазывает стрелки.

– Дядя Петя! – закричал Коля еще издали, махая рукой. Подойдя ближе, он опять прокричал, но уже тише: – Дядя Петя, обед несус!

– Вижу, вижу, борода, – ответил дядя Петя, разгибая спину и поворачиваясь к ребятам всем корпусом. – Тихий ход! Стоп! Как там, в вашей гавани, все живы? А то фашист вчера больше на тот конец поселка бросал, – говоря это, Телегин покручивал свои густые черные усы.

– Ничего нам не сделалось, все живы, – ответил Коля и взял узелок из рук Васи. – Одна бомба на колхозном дворе упала. Хорошо, всех верблюдов и лошадей на работы угнали, а то бы плохо было.

– Дядя Петя, – сказал Вася, – а на вас он не бросал? – Вася посчитал излишним пояснять, кто такой этот «он» и что «он» мог бросать на дядю Петю: тот не маленький, поймет.

Дядя Петя поднял глаза к небу, потом взглянул на узелок, который протягивал ему Коля, взял его и в задумчивости ответил:

– Это вчера-то? А как же, бросал. Только пока что не удалось ему стрелку повредить...

– А потому что зенитки, – назидательно сказал Коля. – Они вон там и там стоят, я знаю. Как начнут шпарить по «юнкерсам», аж небу жарко становится.

Дядя Петя глянул на Колю, Васю, улыбнулся приветливой улыбкой.

– Герои! И все-то они знают. Ну так я в будку пойду, пообедаю.

Не успел дядя Петя сделать шаг, как Коля и Вася сорвались с места, подхватили лежавшие на шпалах совок, ведро с мазутом и помазком, метлу и побежали к будке. Сок достался Васе, ведро – Коле. Ребятышки одновременно ухватились за метлу, потянули каждый в свою сторону, да так и побежали впереди дяди Пети.

Из будки они вышли уже шагом. Когда отошли достаточно далеко, Вася спросил Колю:

– На кладбище?

– На кладбище, – ответил Коля, кивнув головой в знак согласия, и побежал по шпалам. Двигая руками наподобие поршней, он стал шипеть и гудеть, изображая паровоз. Вася побежал следом.

– Поехали, путь свободен!

– Чуххх-чух, чуххх-чух, чух-чух-чух, чух-чух-чух. У-уууууу!

– Сворачивай в депо!

Добежав до стрелки, ребята свернули к депо. Здесь им встретилась еще одна стрелка, от которой отходило ответвление в сторону. Метров через двести путь пересекал высокий деревянный забор. Забор был сплошной. Рельсы скрывались под огромными воротами, запертыми на большой замок. Створки ворот были окованы толстыми полосами железа, оканчивающимися массивными петлями.

Ребята подбежали к воротам, остановились и принялись оглядывать их.

– Ну, лезем, – сказал Вася: ему уже надоело смотреть на ворота, не первый раз видит их. Коля тоже не первый раз видит, а все смотрит. Что он нашел в них хорошего?

Коля взглянул на приятеля и мечтательно сказал:

– Ох, и тяжелые, наверно, ворота! Вот быть бы таким сильным, чтобы можно было открыть их!

Однако Вася, настроенный на деловой лад, не склонен был мечтать. Он с удивлением глянул на Колю и сказал:

– Зачем открывать, если можно подлезть под ворота? Я лезу...

И опустил на колени, чтобы выполнить свое намерение.

– А если ворота сорвутся с петель? – высказал сомнение Коля.

– Сорвутся? Так раньше они не сорвались же?

– То раньше, а то сейчас. Теперь петли поржавели, вдруг сорвутся?

Вася с опаской посмотрел на ворота, на петли и поднялся на ноги. Кто их знает, может, и в самом деле их ржа переела и полотнища еле держатся...

– Э, струсил! – со смехом закричал Коля, довольный, что ему удалось запугать товарища. – Разве такие петли ржа переест? Сто лет будет есть – не переест.

– А я совсем и не испугался, – попытался оправдаться Вася. – Я просто петли хотел посмотреть...

Но смущенный вид Васи говорил, что это не так. Коля рассмеялся еще громче и решительно заявил:

– Врешь, Васька, меня не обманешь. Струхнул, да?

Васе надоело терпеть эти насмешки. Он лег на живот и полез под полотнище. Коля последовал за ним. Так как смеяться, лежа на животе, было неудобно, то он замолчал, чему Вася, не отличавшийся большой смелостью, был очень рад.

Паровозное кладбище

Ребята подлезли под ворота и очутились на паровозном кладбище. Сколько раз уже Коля и Вася видели открывшуюся сейчас перед ними картину, но всякий раз она притягивала их к себе с новой силой, покоряя своей таинственностью, грандиозностью, мощью, которая, казалось, затаилась до поры до времени.

Путь, идущий от ворот, разветвлялся на множество параллельных путей, уходящих в глубь кладбища. На этих многочисленных путях стояли впритык один к другому длинными рядами паровозы. В своей мертвенной неподвижности они казались стадом каких-то допотопных чудовищ, застывших на месте.

Здесь стояли и маленькие кукушки с непомерно высокими дымовыми трубами и игрушечными тендерами, и тяжеловесные, неуклюжие декаподы времен Гражданской войны, и стройные, стремительные пассажирские паровозы на громадных ведущих колесах, на которых кое-где сохранилась красная краска. Были здесь и половинки паровозов. Вот стоят, точно стрелки без хвоста, одни котлы с частями будок машинистов. На другом пути длинной цепочкой стоят одни тендеры.

Паровозы, видимо, стоят здесь давно, так что рельсы успели сильно поржаветь и зарастить травой, в которой колеса скрывались почти полностью. На всем лежала печать запустения и покоя: здесь давно уже никто не бывал, если не считать ребятишек из пристанционного поселка. Впрочем, они приходили сюда очень редко, лишь для того, чтобы, как Коля и Вася, не попадаться на глаза взрослым, на свободе пострелять, побегать.

– Давай сюда, – сказал Коля, махнув рукой и сворачивая в промежуток между двумя длинными вереницами паровозов. Забравшись в глубь прохода, он осмотрелся и добавил: – Смотри, со всех сторон закрыто. Кто первый будет стрелять?

– Я, кто же еще...

Вася достал из бездонного кармана самопал, спички и кусочек мела. Мел он передал Коле и сказал:

– На, нарисуй мишень вон на той дверце.

И Вася указал на дверцу будки пассажирского паровоза, стоящего напротив ребят. Коля внимательно посмотрел на дверцу и заметил:

– Так она железная.

– Ну и пусть, – сказал Вася.

– Как же пусть, если ее наша пуля не пробьет? Дверь железная, а пуля свинцовая, вот и отскочит.

– Ну и пусть отскакивает, – невозмутимо ответил Вася, налаживая самопал. – Нам лишь бы в мишень попасть, в круг. Рисуй, чего стоишь...

– Заладила сорока: пусть да пусть. Вот как отскочит, да тебе по лбу, тогда узнаешь, – сердито проворчал Коля. – И следа на двери никакого не останется. Дырки-то не будет? Как ты узнаешь, попал в цель или не попал?

Видя, что Вася задумался, Коля уже с большей уверенностью закончил:

– Пойдем вон к тому паровозу, у него дверца деревянная.

И, не дожидаясь приятеля, побежал к паровозу, стоявшему метров на сорок дальше. Возбравшись на подножку, Коля толкнул дверцу рукой, но та не поддалась. Тогда он нарисовал на ней мелом кружок величиной с тарелку, в середине нарисовал кружок поменьше и соскочил на землю.

Вася уже стоял напротив дверцы, держа самопал наготове.

– Сейчас как вдарю, – сказал он, поднимая руку на уровень глаз, – так только щепки полетят.

– Хвалисьсь...

Тем не менее, опасливо озираясь на приятеля, Коля отошел в сторонку и принялся смотреть, как товарищ целится в мишень.

Самопал стрелял от спички, которая прилаживалась сверху ствола так, что ее головка закрывала небольшое отверстие в трубке. Вот Вася прицелился, чиркнул коробкой по спичке, та загорелась. Мальчики зажмурили глаза. Раздался выстрел.

Сейчас же вслед за выстрелом до ребят ясно донесся болезненный стон со стороны паровозной будки. У приятелей ноги приросли к земле. Не стовариваясь, точно по команде, Коля и Вася бросились бежать, потом взобрались на какой-то тендер и спрыгнули по другую сторону. На их пути оказалась паровозная будка, стоящая прямо на земле. Ребята юркнули в нее и забились в угол. Оба дрожали, точно они только что выскочили из проруби. Сердца их бились часто и гулко.

Первым пришел в себя Коля. Он шевельнул ногой, пытаясь сесть поудобнее. Вслед за ним расправил затекшие ноги и Вася. Коля посмотрел в щелочку: немного наискось, недалеко от них, стоял знакомый паровоз. Только теперь он видел его с другой стороны. Кто же там был? Может, Вася ранил кого-нибудь? Или это ему показалось? Да нет, Васька вон тоже бросился бежать, значит, и он слышал стон... Разве спросить Ваську?

Коля опять прильнул к щелке и чуть не вскрикнул: дверца будки отворялась. Отворялась тихо-тихо, едва заметно для глаз. Значит, там действительно кто-то есть.

Колю снова охватила неудержимая дрожь. Его стало бить, точно в лихорадке. Вася почувствовал это и прошептал:

– Ты что?

– Смотри, смотри!.. – только и мог вымолвить Коля, не в силах оторваться от щели. Вася посмотрел – и весь похолодел: из будки показалась голова в тюбетейке. Одна щека была перевязана пестрым платком. Из-под платка текла кровь.

Неужели виной этому Вася? Что будет, если человек найдет их?

Между тем голова посмотрела по сторонам, высунулась дальше. Вот показались плечи, наконец человек вылез и стал на подножку. Судя по одежде, это был казах. На нем полосатый халат из верблюжьей шерсти, мягкие ковриковые сапоги с ярким рисунком. Человек, озираясь по сторонам, точно опасаясь быть обнаруженным, соскочил с подножки и, пригибаясь, побежал. В руках он держал зеленый ящик величиной с чемодан. Вот он завернул за один из паровозов и скрылся. Только теперь ребята свободно вздохнули: судя по всему, человек не хотел, чтобы его видел кто-нибудь здесь, на кладбище. Значит, он не станет их искать. Но почему он все-таки скрывается? И что это за ящик, который он понес?

Таинственный казах не на шутку растревожил ребят. Они тут сколько раз были и ни разу никого не встретили. Правда, в этом уголке кладбища они сегодня впервые... Нет, здесь что-то нечисто. Иначе этот казах раскричался бы на все кладбище, когда Вася ранил его. Значит, он скрывался в паровозной будке и, когда к ней подошли ребята, затаился, боясь быть обнаруженным. Вот и получил... Они же не знали, что в будке человек... Определенно, здесь дело нечисто.

Ребята совсем осмелели.

– Бежим следом? – прошептал Коля приятелю.

– А если он увидит? – тоже шепотом ответил Вася.

– А мы так, что не увидит. Надо узнать, что он здесь делает.

Ребята выбрались из будки и, скрываясь за колесами, перебегая от паровоза к паровозу, бросились в погоню. Казах был все время на виду. Вот он поднялся на буфер и скрылся за тендером. Ребята тоже полезли на другую сторону вереницы паровозов, но не по буферам, а под ними. Казах бежал все дальше, ребята – за ним. Он оглянулся – ребята шарахнулись под колеса пассажирского паровоза. Но они ни за что на свете не отказались бы теперь от своей

цели – узнать, куда побежит казах. Прильнув к земле, они выглянули из-под паровоза. Но казах уже не было.

– Может, он прячется где-нибудь? – высказал предположение Коля.

– А ну его... – скучным голосом протянул Вася и даже зевнул, чтобы показать, как ему скучно бегать за казахом. На самом же деле его одолевал страх, что неизвестный человек, притаившийся, возможно, поблизости, вдруг выскочит и... мало ли чего сделает с ними... Нет уж, лучше подальше от греха, как говорит его мать. Впрочем, вслух он ничего этого не сказал: еще Колька смеяться будет.

Коля в это время внимательно смотрел вперед. Он еще больше высунулся из-под паровоза, огляделся, обернулся и махнул Васе рукой, приглашая двигаться следом. Тот неохотно побрел за ним: оставаться одному еще страшнее. Пока они перебежали открытое пространство между рядами паровозов, Вася поминутно оглядывался назад: ему все казалось, что казах крадется следом за ним и вот-вот схватит его за ногу...

Но казах пропал, точно сквозь землю провалился. Да и немудрено скрыться человеку среди многих десятков стальных громадин. Здесь было столько надежных укрытий в виде паровозных будок, тендеров, топок, угольных бункеров и других мест на паровозах, сколько не найдется в самом дремучем лесу. И как в дремучем лесу, здесь можно было легко заблудиться. На что Коля и Вася считались самыми отчаянными ребятами в поселке, но и они иногда поднимались на паровозные будки и оглядывались, чтобы определить направление и попасть к воротам или к дыре под забором.

Почувствовав, что и у товарища пропало желание вести дальше преследование, Вася сказал:

– А ну его к бесу. Пойдем домой.

– Ладно, пойдем. Давай только посмотрим, как выбраться...

Ребята влезли по колесам на переднюю площадку ближайшего паровоза, а оттуда по лесенке на котел. Коля лез впереди, Вася – следом.

– Подсади-ка, – сказал Коля и с Васиной помощью взобрался на самый верх котла. Ухватившись за край трубы, Коля поднялся и вдруг присел за трубой.

– Что там? – спросил шепотом Вася, наблюдая за товарищем.

Но Коля только состроил страшную физиономию и, погрозив Васе пальцем, снова осторожно высунулся из-за трубы.

То, что привлекло внимание Коли, находилось метрах в пятидесяти от паровоза. Там проходил забор, огораживающий паровозное кладбище. Около забора тянулся небольшой ровик, весь заросший полынью, лопухами и крапивой. Очевидно, он служил для стока воды. Кое-где в ровике виднелись колесные пары. У одной из таких колесных пар, согнувшись, стоял раненный Васей казах. Коле были видны лишь его голова и спина. Казах сидел в ровике и что-то делал: было видно, как двигаются его руки. Вот человек поднялся на ноги, выскочил по ту сторону ровика, ощупал карманы халата и пошел вдоль забора, трогая доски. Одна из них качнулась, отодвинулась в сторону – и казах скрылся в отверстии. Доска стала на свое место.

Не говоря ни слова (ведь Вася все равно не поймет, он не видел всего того, что только что видел он), Коля скатился с котла, чуть не сев Васе на голову, и прыгнул на землю. Тут только на ходу он прошептал Васе:

– Казах видал? Он в дыре скрылся.

– В какой дыре?

– В заборе. Отодвинул доску и пролез. Давай за мной, посмотрим, куда он пошел.

Говоря это, Коля бежал к ровику. Но Вася не очень спешил за приятелем: кто его знает, этого казах, может, он там стоит за забором и подкарауливает их? Лучше обождать немножко. К тому же за забором с этой стороны открытое поле, куда они скроются, если казах их заметит?

– Колька, стой! – негромко крикнул Вася. Тот с неохотой остановился, обернулся к товарищу.

– Ну что?

Вася высказал свои мысли насчет казаха.

– Струсил? – возмутился Коля и решительно двинулся вперед.

Вася решил схитрить:

– А когда же ты стрелять будешь?

Это подействовало на Колю, точно заклинание. После непродолжительного раздумья он вернулся к Васье: и выстрелить хочется и за казахом бежать нужно.

– Это ты правильно, – сказал он. – За тобой два выстрела.

Коля сорвал в канаве большой лопух и прикрепил его на шатуне. Вася достал из кармана пузырек с порохом, крупную картечину и принялся заряжать самопал. От испуга, только что пережитого ребятами, не осталось и следа. Зная, что казаха уже нет на паровозном кладбище, они совсем осмелели.

Коля выстрелил в лопух один раз, другой. Мишень оставалась целехонькой.

– Барахло твой самопал, – с презрением сказал Коля, не найдя в лопухе ни одной, даже самой маленькой, дырочки. – Из него только дохлых ворон стрелять.

– Сам ты барахло! – с обидой воскликнул Вася и спрятал оружие в карман.

– У него ствол кривой, – продолжал Коля. – Ни одна пуля даже в «овечку» не попала, нигде метки нет.

– Ну и пусть. А у тебя и такого нет.

– Нет, так будет. В тыщу раз лучше сделаю.

– Видали мы таких, – с усмешкой сказал Вася.

– А вот и сделаю. Подумаешь, хитрость большая.

– Ну и делай.

– И сделаю, тебя спрашивать не стану.

Коля презрительно посмотрел на товарища и полез на овечку – паровоз марки «ОВ». Вася молча следил за его действиями. Между тем Коля забрался в будку и принялся выламывать из арматуры котла медную трубку. Выломав, он стал рассматривать ее: прямая ли?

Вася расхохотался.

– Смотри, выстрелит! Ты б еще кочергу взял. Действительно, трубка была так изогнута и скручена, что совершенно не годилась для самопала. Коля выбросил ее в окошко и взялся за другую трубку. На этот раз он не стал ее выламывать, а принялся осторожно отсоединять от ниппелей, откручивая накидные гайки. Гайки были закручены очень крепко и не поддавались. Коля слез с паровоза, нашел костыли, опять забрался в будку и принялся откручивать гайки ударами костыля. Наконец он отсоединил трубку и показал ее Васе:

– Во, видал? Такой пистолет сделаю – ахнешь. На сто метров будет бить.

– Уж и на сто!..

– Пospорим?

– Кто спорит, тот ни копейки не стоит. Ладно, пойдем домой, – переменял разговор Вася. Мальчишки направились домой.

– Да, – вспомнил вдруг Вася, – где, ты говоришь, он доску отодвинул?

– А вон там, – указал Коля на забор трубкой. – А вот здесь, в канаве, он сидел, прятался.

– Может, он хотел перепрыгнуть канаву да и свалился в нее? – высказал предположение Вася.

– Нет, прятался, – уверенно заявил Коля. – В этом месте канаву можно легко перепрыгнуть.

– Легко?

– Конечно, легко.

- А вот и не легко.
- Хочешь, докажу?
- Докажи, попробуй, а я посмотрю. Чего ж ты, прыгай.
- И прыгну. Только ты тоже прыгай, идет?

Коля подтянул трусы, пригнулся – и побежал, отчаянно работая локтями. Вот он подбежал к канаве, взмахнул руками, с силой оттолкнулся...

В этом месте ровик имел в ширину не более двух метров, но, насколько он был глубоким, не было видно: дно канавы густо заросло лопухами, полынью и крапивой. Возможно, Коля перепрыгнул бы канаву в этом месте, но его подвела трубка: в момент прыжка она попала между ног. Коля вскрикнул и покатился кубарем прямо в канаву, на крапиву.

- Вслед за ним, подстегиваемый страхом, легко перепрыгнул Вася.
- Мешок с трухой, тоже прыгать взялся! Вот как нужно прыгать.

Коле некогда было препираться с приятелем: надо было срочно выбираться из крапивы. Точно ошпаренный, он выскочил из канавы и с ожесточением принялся плевать на ладонь и растирать обожженные места. В довершение ко всему, падая, Коля ударился обо что-то твердое. Обо что же он ударился?

Коля посмотрел в канаву и под смятыми кустами полыни и крапивы увидел угол ящика. Постой-постой, так ведь это, кажется, тот самый ящик, который нес казах? Ну, конечно, тот самый!

Коля, мгновенно забыв все свои несчастья, спрыгнул обратно в канаву и ухватился за ящик. Вася был уже рядом. Легко подняв ящик, они вынесли его наверх и положили у забора.

- Смотри, железом окован! – удивленно прошептал Вася, проводя пальцем по крышке ящика.
- Все равно как сундучок, и даже ручки по бокам. Интересно, что там внутри?
- А вот сейчас посмотрим, – пробормотал Коля, пытаясь открыть крышку. Но та не поддавалась. И нигде не было видно запора. Как же он открывается, этот ящик? Наверно, какой-нибудь потайной запор имеет...

Случайно Коля нажал на одну из металлических полосок, и она ушла в крышку. Коля убрал руку – полоска стала на свое место.

– Секретный запор! – восхищенно воскликнул Вася. – Поднимай крышку, теперь она откроется.

Коля попробовал поднять крышку, но та по-прежнему не открывалась. Он ощупывал ящик и с одной, и с другой стороны, но у него ничего не выходило. Вот он нажал на железную полоску одной рукой, а другой потянул за край крышки. Неожиданно та приподнялась.

– Есть! – удовлетворенно произнес Коля и откинул крышку совсем. Ребята разом заглянули в ящик – внутри было пусто, если не считать множества перегородок из тонких планок, которые разделяли внутренность ящика на четырехугольные ячейки. Ячейки пусты. Что же в них находилось?

- Интересно, что здесь было? – задумчиво сказал Коля.
- А может, ящик так и был пустой? – заметил Вася.
- Казах не дурак тащить его с собой. Наверно, в карманы все переложил и унес.
- Заберем ящик?
- Сейчас?
- Да.

– Нет, сейчас нельзя, увидит еще кто-нибудь: ящик вон какой хороший. Мы его оставим пока здесь, а вечером придем и заберем.

- А чей он будет? – спросил Вася.

Коля подумал, посмотрел на приятеля, с тревогой ожидавшего ответа, и строго сказал:

- Общий, конечно. А если не хочешь, то мой будет.
- Нет-нет, хочю, что ты! – поспешил заверить Вася.

– А хочешь, возьми его весь себе, а мне дай твой самопал.

– Ишь ты какой хитрый: за половину ящика целый пистолет. Нет, так не пойдет.

– Не за половину, а за целый: ящик нашел я, тебе даю половину только так, по дружбе.

А тебе паршивого самопала жалко за такой ящик. Еще товарищ называется...

Приятеля спрятали ящик в канаве и пошли домой, так и не договорившись.

История с казаком очень заняла ребят. Кто он, этот казах? Наверно, шпион. Иначе отчего бы он стал прятаться от людей, скрываться среди паровозов? И этот ящик: уж очень подозрительный ящик, хотя и красивый с виду, прочный. Все это предстояло выяснить приятелям как можно быстрее. Но с чего начинать?

– Надо рассказать дяде Пете, – предложил Коля.

Вася неуверенно ответил:

– А... может, не надо?

– Почему?

– Так... Может, он совсем не шпион? Тогда мне попадет... за самопал... Да и не найдут его на кладбище, казаха. Он туда, наверно, больше и не придет.

Васька явно трусил. Колька не на шутку рассердился и зло спросил:

– А если это шпион, тогда что? Трус. Вот взорвет депо, тогда узнаешь. Да только поздно будет.

– Так уж и депо?..

– Ну, стрелки или еще чего-нибудь. Ну, расскажем?

Васька молчал. Колька подождал немного, а потом заявил:

– Ну и не надо, подумаешь. Я и сам расскажу дяде Пете.

И решительно свернул с дороги в сторону переезда. Васька раскрыл рот, хотел было что-то сказать, но в отчаянии махнул рукой, как бы говоря: «А, была не была!», и бросился следом.

...Телегин выслушал ребят с большим вниманием. Несколько раз переспрашивал их, уточнял приметы неизвестного человека, место потайного лаза в заборе и другое. А потом предупредил ребят, что они должны молчать об этом событии на кладбище, никому не рассказывать: ни родителям, ни друзьям или другим знакомым и незнакомым людям. Если же они еще что-нибудь узнают о казаке, то пусть немедленно бегут к нему.

Возвращаясь домой, приятели вглядывались во всякого встречного: а вдруг встретится их казах? Но каждый раз с разочарованием убеждались, что ошиблись. «Шпион» не попадался: ни на одном из встречных людей не было повязки. Впрочем, кто-кто, а Васька был даже доволен этим обстоятельством: встретишь – а он не шпион? Как снимет ремень да как отлупит за то, что они его ранили. А если шпион, так еще страшнее!

На одной из улиц ребята встретили девочку лет девяти с тоненькими косичками, в которые были вплетены красные бантики.

– Смотри, Нинка Долова, – толкнул Вася Колю в бок. – Опять увяжется.

– Ничего, может, не заметит...

Но было уже поздно: Нина подняла глаза и увидела мальчишек. Глаза ее засияли. Перебегая улицу, она радостно кричала:

– Мальчики, вы куда? А я искала-искала вас! Вы куда ходили?

Ребята остановились. Вася выставил одну ногу вперед и заложил руки за спину. На девочку он поглядывал с пренебрежительной улыбкой. У Коли был скучный вид, однако он ответил Нине:

– Мы на паровозном кладбище были.

– А что вы там делали?

Тут Вася, видя, что разговор идет и без него, живо сказал:

– Стреляли. Во, видала?

И Вася на миг вынул из кармана самопал.

– Как трахнул, так в самое яблочко.

– В яблочко, – засмеялся Коля. – А ты видал?

– Ну и не видал, а знаю. Если б не казах, так увидал бы. А то сам первый бежать бросился.

Струсил, да? Ха, ха!

– Сам трус... Если б не ты, так давно бы уже выследили казаха.

– Ребята, а какой это казах?

Только тут товарищи опомнились. Надо же им было проболтаться!.. А ведь Телегин предупреждал, чтобы никому не говорили...

– Коля, какой это казах?

Коля отвернулся и засопел носом. Что же ей сказать? Соврать ему помешал облезлый пес. Он бежал прямо на них, тыкался носом в подворотни, останавливался у заборов, вынюхивал что-то на земле.

Вася, верный своей привычке, поднял камень и бросил в собаку, но промахнулся. Пес заворчал и потрусил дальше.

Вдруг Коля просиял: у него блеснула мысль

– Нина, где Пират? – быстро спросил он.

– Дома.

– Веди его сюда!

– Зачем?

– После расскажу. Веди быстрее, а то не успеем...

– Ничего я не поведу. Расскажи, зачем Пират, тогда приведу. И кто такой казах? А то ишь, хитрый.

– Ты чего надумал? – спросил товарища Вася. Коля сердито посмотрел на девочку, потом отвел приятеля в сторонку, пошептался с ним и сказал Нине, грозя пальцем:

– Только смотри никому не говори!

Ребята рассказали девочке о происшествии на паровозном кладбище, о том, что кроме них об этом знает Телегин, и он запретил им болтать.

– Ой, как интересно! – воскликнула Нина. – Вы подождите меня, я сейчас за Пиратом сбегаю.

Доловы жили на этой же улице, и Нина вскоре была дома. Мать накрывала на стол. Отец, пришедший на обед, резал хлеб. У ног его сидел Пират.

– Пират, – шепотом позвала Нина из коридора.

Но мать услышала этот шепот.

– Ты куда собралась? – спросила мать.

– Я? Я... я погулять... с Пиратом.

– После погуляешь, – сказал отец. – Садись обедать.

– Мне... я... меня... мальчики ждут.

– Ничего, подождут.

– Нельзя ждать, – убежденно сказала Нина. – Им Пират нужен.

– Пират? Зачем он им понадобился? А ну-ка, иди сюда, расскажи все по порядку, что они там затеяли.

Нина была послушной девочкой и все рассказала отцу. Отец, выслушав сбивчивый рассказ Нины, велел ей сказать ребятам, что Пират нужен отцу.

– И возвращайся обедать, – добавила мать.

– А как же шпион? – спросила Нина с явным разочарованием.

– Положим, еще неизвестно, кто он, – ответил отец. – Возможно, это и не шпион. Но найти его, конечно, нужно. Я бы на месте ребят не оставил этого дела так. Присматривался бы к людям, примечал бы, искал. Бдительными должны быть не только взрослые, но и ребята, ты это скажи им от своего имени. Они ведь пионеры. А пионеры должны помогать взрослым во

всем, в чем могут. Ты ничего от меня не скрывай. Не станешь скрывать? Ну и хорошо, будешь умницей. Ступай, да быстрее возвращайся, а то обед остынет.

Но сам Долов не стал обедать. Он быстро надел фуражку, взял на поводок Пирата и отправился на стрелки. Он знал, что Телегин сейчас дежурит. Узнав от стрелочника некоторые подробности, комендант отыскал дыру в заборе паровозного кладбища, перелез в нее с Пиратом и принялся за поиски зеленого ящика. Он обшарил всю канаву возле забора. Ящика не было...

А приятели тем временем шли вразвалку домой. Их очень разочаровало, что Нина не привела Пирата. Лица у них были кислые. Шли молча.

– Ладно, в другой раз возьмем Пирата, – сказал наконец Колька угрюмо. Потом оживился, точно вспомнив что-то приятное, и продолжал с возбуждением: – Знаешь, Васька, давай все время выслеживать казаха, а? Нинка глупая глупая, а верно сказала, что нужно следить. Ха! Как она сказала: «На вашем месте я бы и без Пирата стала бы следить». Умора! На нашем месте.

Экспедиция начала работу

Коля ужинал, когда по улице мимо их мазанки прошумела автомашина. Остановилась она где-то недалеко: было слышно, как тихо работал мотор на малом газу. Коля выглянул в открытое окошко – грузовик стоял у ворот краснобаевского дома. Но вот мотор зарычал громче, и грузовик скрылся в воротах.

Коля бросился к забору. Прильнув глазом к щели, он посмотрел во двор краснобаевского дома. Машина уже стояла у крыльца. К ней подошел геолог Кротов и еще какой-то небольшой человек с перевязанной рукой. Наверное, второй геолог...

Из кабины вышел шофер в красноармейской форме, открыл борт грузовика и стал помогать геологам сгружать на крыльцо и на землю чемоданы, ящики, треноги, какие-то инструменты. Часть из них Кротов сразу же перенес в дом, а некоторые в небольшой сарайчик, где, как знал Коля, Телегин держал дрова.

Все вещи сгружены. Геологи поблагодарили шофера за помощь, и машина ушла. Кротов закрыл ворота, подошел к человеку с перевязанной рукой и что-то сказал, указывая на сарайчик. Человек отрицательно качал головой, на лице появилось сердитое выражение. Кольке очень захотелось узнать, о чем это они говорят. Но те хоть и спорили, это было видно, но разговаривали, не повышая голоса.

Коля оторвался от щели и побежал к воротам: оттуда было ближе до геологов. Но не успел он приблизиться к воротам, как открылась калитка, и на улицу вышел Кротов. Коля в нерешительности остановился, потом медленно зашагал мимо ворот, точно они его никогда и не привлекали.

Геолог, оглядывая улицу, заметил мальчика.

– Послушай, любезный, ты не знаешь, где бы мне тут у вас подводу нанять?

– Подводу? А в колхозе. Там и верблюды есть, и лошади.

– И верблюды и лошади? Отлично! А где правление колхоза находится?

– Это вон туда надо идти, – сказал Коля. – Свернете направо, в пятой хате от угла и будет правление колхоза. Там еще вывеска такая, на железе. Идемте, я покажу.

– Идем, идем!

Председателя они встретили у самого правления колхоза. Это был коренастый, среднего роста человек в хромовых пыльных сапогах, серой рубашке, подпоясанной тонким наборным ремешком и бархатной тубетейке на круглой голове. У него были большие рыжеватые усы, мохнатые брови и слегка вьющиеся с проседью на висках волосы. На вид ему было лет сорок пять – сорок семь, не больше. В руках председатель держал ременную плетку.

Завидев его, Коля крикнул:

– Дядя Кузьма, к вам за подводой.

– А, Коля, – приветливо улыбнувшись, сказал дядя Кузьма, и его усы поползли вверх. – Насчет какой подводой?

– Это мне нужна подвода, – вступил в разговор подошедший Кротов. – Простите, с кем я разговариваю?

– С председателем колхоза Курочкиным.

– Очень приятно. Я Кротов, начальник геолого-разведывательной партии...

– Они в краснобаевском доме остановились, – заметил Коля, не поборов искушения принять участие в разговоре взрослых.

– Нас двое, – продолжал геолог. – Подвода необходима нам для разездов по степи: не потащишь же все оборудование, аппаратуру на себе? Да и незачем, это не в горах, где на подводе не проедешь.

– А вам на какой срок? – спросил Курочкин.

– Недельки на две, на три. Я буду очень благодарен...

– Гмм... Многовато... Трудно оторвать от хозяйства подводу на такое время.

– Нам ведь не для себя, а для общего дела нужна подвода, для государственного.

– Это самое. Что искать-то будете?

– Нефть будем искать. Прошу учесть, из нефти бензин, керосин вырабатывается, а эти продукты сейчас весьма нужны для страны, для армии. С Кавказа нефть далеко возить, исключительно трудно: фашисты совершают налеты с воздуха, бомбят поезда, нефтеналивные баржи. А найдем нефть здесь – поможем фронту.

– Это хорошо. Значит, не опасаетесь, что сюда фашисты придут? От фронта ведь всего двести километров!

– А ваше мнение?

– Мое? Ха?.. Я так считаю, что Гитлеру в Сталинграде шею сломают. И думаю я, что если уж решили у нас нефть искать да ее добывать, то в Кремле, мил человек, уверены в наших силах. Не допустим фашиста сюда, ясно. – Курочкин весело взглянул на геолога и твердо добавил: – Хорошо, дам подводу. Вижу, это самое, не пустое дело затеяли. В таком деле грех не помочь.

– О, я весьма рад! Родина вас не забудет, почтенный.

– Вам парную подводу?

– Необязательно. Мы народ невзыскательный.

– Конюх нужен?

– Помилуйте, зачем? Сами управимся. С какой стати отрывать от работы еще и человека? Народу-то, наверно, маловато в колхозе осталось?

– Мужчин маловато, а женщин достаточно. Да ведь они у меня не хуже мужиков работают. По полторы-две нормы в день вырабатывают. Я извиняюсь, – вдруг переменял тему разговора Курочкин, – у вас есть документы, что вы партия геологов?

– О, конечно! – воскликнул Кротов с улыбкой и полез во внутренний карман куртки. – Сделайте одолжение.

– Нет, сейчас не надо. Пойдемте в правление, там и оформим все, как положено. Вы уж извините, это самое, война.

Кротов и Курочкин пошли в правление колхоза. Коля остался один. Он не обиделся, что о нем забыли: у взрослых и без него дел много. Зато ему было что рассказать Васе. И он побежал к приятелю: уже темнело, и пора было идти на паровозное кладбище за ящиком с секретным замком.

Васю он нашел за сараем: тот сидел на корточках и чистил кирпичом медную трубку самопала.

– Пойдем за ящиком! – позвал Коля товарища, стараясь не смотреть на самопал: ему очень хотелось иметь такую штуку.

Вася особенно старательно протер тряпочкой ствол самопала, рукоятку и протянул оружие Коле.

– На, – сказал он. – Ну, бери, чего рот разинул? Просил, так бери, пока не раздумал. А ты мне ящик, как сам говорил. Идет?

– Идет! – радостно воскликнул. Коля и взял самопал. – Он заряжен?

– А то нет. Пойдем за ящиком?

– Пошли.

И ребята направились на паровозное кладбище. Они пролезли сквозь потайной ход в заборе и принялись искать в канаве ящик. Но ящика на месте не оказалось...

* * *

На другой день рано утром из ворот краснобаевского дома выехала подвода. Кротов шел сбоку телеги и, держа вожжи в руках, управлял серым конем. На повозке сидел Сорокин, лежали ящики, треноги и какие-то непонятные вещи.

Доехав до базарной площади, подвода свернула в боковую улочку, добралась по ней до окраины поселка и выкатилась на широкую грейдерную дорогу. Дорога огибала депо, паровозное кладбище, пересекала железнодорожное полотно и пропадала в степи.

Переезд был устроен недалеко от входной стрелки, рядом с будкой стрелочника. Сейчас было дежурство Натальи Чекаловой. Смазывая стрелки, она увидела подводу, подъезжавшую к путям. В едущих Наталья узнала своих нахлебников. Вот подвода въехала на переезд, прогрохотала по настилу и остановилась. Кротов подошел к Наталье. Он уже видел ее сегодня – приходил утром за бараниной, которую она жарила им в дороге.

У будки на лавочке сидели Коля и Вася и мастерили к воздушному змею хвост из мочалы. Кротов спросил Наталью:

– Трудно работать-то?

– Нет, ничего, привыкаю...

– Говорите, – с улыбкой возразил Кротов. – Я думаю, руки-то да спину наломаешь как следует, пока смена закончится. Вы как дежурите, в какое время?

– Мы меняемся сменами... Когда как дежуриим.

– А... – протянул Кротов. – А то я хотел так рассчитать время, чтобы вернуться, когда вы дома будете, чтобы не сидеть голодными. Впрочем, это не важно. Да, у меня к вам есть еще один вопрос.

– Какой?

– Видите ли, в чем дело, я хотел узнать, есть ли здесь другая дорога в степь? Нам хотелось бы объехать степь вот так, с юга на север, и вернуться обратно вон оттуда. – И Кротов показал рукой, как они хотели бы объехать степь.

Наталья проследила за рукой и ответила:

– Здесь нет другой дороги, кроме той, по которой вы едете.

– Куда она ведет?

– А вон в ту сторону, к Зеленой балке.

– Весьма благодарен вам.

Кротов ушел. Коля проводил его взглядом и повернулся к Васе: тот толкнул его локтем в бок.

– Ты чего? – спросил он Васю.

Вася хитро посмотрел на приятеля и сказал с ехидной улыбкой:

– А твоя мать соврала Кротову.

– Чего соврала?

– А то. Она сказала ему, что когда как дежурит. А у самой расписание в будке висит.

– Ну, знаю, висит.

– Ага, вот! А геологу сказала, что когда как.

Между тем Наталья прислонилась к стене будки метлу, совок, подошла к ребятишкам и села на скамейку. Вася оторопело посмотрел на мать Коли: он так увлекся обличением приятеля и его матери, что не заметил, как она подошла. Вот если она слышала, как он, Вася, сказал, что она соврала геологу! Еще за уши выдерет...

Но Наталья, поправив на голове косынку и обернувшись к ребятам, спокойно произнесла:

– А зачем ему знать мое расписание?

– Зачем знать? Так он же сказал. Вы ж им обеды готовите.

– Ну, ничего не случится, если приедут из степи и не застанут меня дома. Сами приготовят.

– Мама, но у тебя же есть расписание дежурств, а Кротову не сказала, – вступил в разговор Коля. Он никак не хотел поверить, что его мать просто соврала. Ведь она же всегда учит его, что врать плохо!

– Да, сынок, говорить нужно всегда только правду. Только здесь дело такое, что всякому и необязательно знать. Да и расписанию здесь незачем висеть. – И она сорвала его со стены.

– Наверно, он рассердился, – сказал Коля.

– Он человек умный, видать, и не рассердится, – ответила Наталья. – Должен понять, что это военная тайна.

– А разве это военная тайна?

– Еще бы. Смотрите, никому не говорите о расписании смен. И вообще ничего не болтайте о железной дороге: какие грузы перевозят, какие поезда идут, сколько их проходит за день. Чужая душа – потемки. Держите ухо востро, не зевайте.

Ребята переглянулись: они сразу же вспомнили о таинственном казаке. Конечно, он шпион, теперь это ясно. Недаром он был на паровозном кладбище. Сидел себе на том паровозе и считал, сколько поездов проходит за день. Сейчас, наверно, тоже где-нибудь сидит и высматривает.

Коля подмигнул Васе, кивнул в сторону забора и шепнул:

– Айда?

– Давай.

И ребята, бросив змей, рысцой направились к паровозному кладбищу. Спустившись к насыпи, Коля шепнул: «Ложись!» – и шлепнулся пузом о серебристую полынь.

– А то еще заметит, – пробормотал он, точно лягушка двигая ногами. – Давай под ворота.

Коля полез впереди, Вася – позади. Вот и ворота. Пробравшись на территорию кладбища, ребята подползли к колесам ближайшего паровоза и поднялись на ноги. Вблизи – ни одной живой души. Двинулись дальше. Вначале они держались возле паровозов и шли с оглядкой, но потом осмелели.

Вдруг за колесами мелькнули ноги в ботинках. Приятели разом замерли на месте. Из оцепенения их вывел звук шагов по железу. В будке одного из паровозов показался человек.

– Ай! – вскрикнул Васька и бросился бежать. За ним сорвался с места Коля.

– Ребята! – закричал вслед человек. Беглецы обернулись: это был Телегин.

– А мы думали... – испуганно произнес Колька.

– Тут и думать нечего. Вот болтик один понадобился, так я сюда пришел.

И они вместе направились к щели в заборе.

...А подвода с геологами, то пропадая в низине, то показываясь на степи, катилась все дальше и дальше от станции. Постепенно она превратилась в небольшое серое пятно на горизонте, а затем пятно растворилось в дрожащем мареве, стоящем вдали над степью.

...Подвода поднялась на вершину холма – впрочем, эти едва заметные в степи возвышенные места мало походили на холмы – и остановилась. Кротов оглянулся: станция Степная тонула в трепещущей дымке. Изредка оттуда доносились гудки паровозов.

Стоял полдень. Вокруг – бесконечная, бескрайняя степь с выгоревшими травами. В небе, высматривая добычу, парил степной орел. Кроме него, вокруг не было видно ни одного живого существа.

Вот орел камнем бросился вниз, а затем взмыл вверх, держа в когтях добычу.

Кротов огляделся вокруг, подумал и сказал Сорокину:

– Сделаем привал вон в той балочке: там и травка позеленее и прохладнее будет. Но-о, Серый! – И Кротов задергал вожжами.

Сорокин молча кивнул головой.

Повозка спустилась в небольшую балочку, переходившую дальше в овраг, остановилась. Тут и там видны были норы сусликов. Вот один зверек при виде подводы и людей бросился к своей норке, стал около нее на задние лапки, тревожно свистнул несколько раз, поглядел туда, сюда и юркнул головой в норку. Тревожное посвистывание послышалось и в других местах. В траве замелькали серые спинки сусликов, послышался шорох. Затем все стихло.

– Ого, да тут их целая колония! – с удивлением произнес Кротов, распрягая лошадь. – Игнат, приговаривай аппаратуру.

Сам Кротов распряг лошадь, стреножил ее и занялся установкой каких-то треног.

Сорокин, повозившись в вещах на повозке, стал помогать ему налаживать приборы на треногах. Некоторые из приборов были самопишущие. Часа через три у геологов была целая куча лент с ломаными линиями на них.

Минут через двадцать пять – тридцать после этого с запада послышался характерный звук: летели фашистские бомбардировщики, прикрываемые истребителями. Вот они пролетели над головой геологов, сделали широкий разворот и взяли курс на станцию Степную. В воздух поднялись советские истребители, но их сковала группа прикрытия, состоявшая из «мессершмиттов». Завязался воздушный бой. Бомбардировщики тем временем прорвались сквозь огонь зенитных батарей и стали бомбить станцию. До людей, расположившихся в степи на пригорке, донеслись глухие разрывы фугасок. В поселке и на станции занялись пожары.

Отбомбившись, стая стервятников легла на обратный курс. Разбойничий налет не обошелся ей даром: в ней не досчитывалось трех бомбардировщиков и трех истребителей.

Самолеты скрылись. Сорокин принялся приговаривать обед.

Пообедав, геологи легли отдыхать, расстелив на земле кошмы. Когда поднялись, солнце стояло уже низко. Кротов поймал коня, который пасся поблизости, запряг его в повозку, и геологическая партия двинулась дальше. Но теперь геологи не удалялись в степь от железной дороги, а двигались параллельно ей. Появились посева пшеницы, тут и там раскинулись бахчи, поля подсолнечника.

Было уже темно, когда Кротов свернул с дороги и поехал прямо степью.

– Не сбились? – спросил он Сорокина. – Будь любезен, проверь-ка по карте. Тпруу!..

Сорокин достал из кармана карту, расстелил ее на чемодане и осветил электрическим фонариком. Поискал нужный пункт и сказал:

– Все верно, еще полтора-два километра на восток...

– Не свети зря, – сказал Кротов, трогая коня.

Сорокин усмехнулся, но фонарик погасил. Карту он свернул уже в темноте.

Оступаясь на норах сусликов и хорьков, конь медленно тащил по степи телегу. Через полтора-два километра впереди, преграждая подводе дальнейший путь, показался овраг. Геологи остановили коня и подошли к оврагу. Очевидно, овраг, или балка, как его называли местные жители, был глубок, так как дна его в наступающей темноте не было видно.

– Зеленая балка... – как бы про себя пробормотал Кротов, безуспешно стараясь разглядеть дно оврага. – Кажется, тут... Ты оставайся здесь, а я полезу.

Кротов подошел к подводе, достал оттуда моток веревок, заступ и вернулся к Сорокину. Размотав веревку, он обвязался одним концом, передал веревку Сорокину, а сам с заступом стал осторожно спускаться в темноту. Сорокин, расставив ноги, травил веревку...

Часа через четыре, на рассвете, геологов с подводой можно было увидеть в степи, километрах в семи от Зеленой балки. Ничто, казалось, не изменилось в геолого-разведывательной партии за эту ночь: так же, как и во время дневного привала, геологи спали, завернувшись в кошмы, конь пасся, звякая путами и по временам шумно фыркая. Повозка стояла в низине, вещи на ней... Впрочем, наблюдательный глаз мог бы заметить, что вещей в повозке прибавилось, может быть, не намного, но прибавилось...

...Ранним утром по полевой дороге катила повозка, запряженная парой верблюдов. В повозке сидели старик в соломенной потрепанной шляпе и мальчик с выгоревшими добела волосами. Мальчику было лет десять-одиннадцать. Верблюдами правил дед, а мальчик глядел по сторонам. Вдруг он встрепенулся, присел на корточки и, указывая пальцем в степь, сказал:

- Дедушка Архип, смотри, чего они там делают?
- Кто? – не оборачиваясь, спросил дед.
- А вон те люди, что в степи. Что-то копают, рассматривают...

Дед посмотрел в ту сторону. Действительно, там виднелась повозка, в которую был запряжен серый конь, и двое людей, занятых непонятным делом. Впрочем, дед Архип сразу же сообщил, кто они: конечно, это те самые геологи, которым Курочкин дал подводу и Серого. Курочкин говорил об этом ему, деду Архипу. А говорил потому, что вчера зашел разговор о посылке деда сторожить дальние колхозные бахчи: арбузы и дыни поспели и за ними нужен был глаз: мало ли прохожих на дорогах... Правда, бахчи лежат в стороне от дорог, но ведь вору дорога не нужна, он может свернуть с дороги на бахчу.

По-настоящему-то надо было начать караулить бахчи уже недели три-четыре назад, да людей в колхозе маловато, многие колхозники в армию ушли. Вот и он до войны только тем и занимался, что сторожил бахчи. А в этом году Курочкин, председатель-то колхоза, как ни вертел, а вынужден был уступить просьбе деда Архипа и поставить его главным конюхом. А в помощь дал несколько пареньков, вот таких, как его внук Федя. И ничего, справлялся. А почему сейчас опять сторожем? Потому что позавчера вернулся с фронта на поправку после ранения отец Феде, Кузьма, и сразу же пошел на конюшню. Тут у них с Курочкиным и состоялся душевный разговор. И ведь уломал-таки председателя Кузьма, скажи ты пожалуйста! Теперь месяца два-три конюхом будет, а поправится, окрепнет – в армию вернется. А его, деда Архипа, вчера в срочном порядке сторожить бахчи послали. Попросил было он Серого в повозку запрячь, а его, оказывается, председатель геологам отдал. Вон он, Серый, сюда смотрит. Видно, узнал...

- Действительно, Серый, посмотрев в сторону дороги, заржал.
- Дед, так это же наш Серый! – радостно воскликнул Федя, узнав коня.
- Он самый. Сиди, не вертись, а то свалишься.
- А кто эти люди?
- Это геологи, нефть ищут. Кажись, нам тут сворачивать: степью поедем, так ближе.

Солнце поднялось невысоко и еще не успело налить зноем степь. Играли капельки росы на кустах полыни, верблюжьей колючки, молочая, в свежем воздухе разносилась монотонная трескучая музыка кузнечиков и сверчков, свист сусликов. Где-то кричали чибисы. Со жнивья поднялось стадо куропаток и, треща крыльями, понеслось в сторону горы Лев, задернутой туманной дымкой. Навстречу пролетела стая ворон и опустилась на жнивье. Птицы, переваливаясь с боку на бок, важно шагали по полю, останавливались и сосредоточенно долбили комки земли толстыми, тяжелыми носами. А вот чуть не из-под ног верблюдов вырвался жаворонок и камнем взвился вверх, в синее-синее небо, глубокое до головокружения, и залился торжествующей песней. Она точно звала посмотреть с высоты на степь с ее утренними красками, прохладой и ароматами трав, слиться с медленным и важным полетом степного орла, купающегося в нежных лучах восходящего солнца, и полной мерой испытать прелесть раннего утра в степи.

Но неумолимое солнце взбирается по небосклону все выше и выше, роса испаряется, краски блекнут, дали меркнут в дрожащем мареве, и степь охватывает мертвящее оцепенение.

Повозка свернула с дороги и покатила по целине. Справа раскинулось поле, где недавно скошили пшеницу. Дед посмотрел на него, с сожалением покачал головой и произнес, рассуждая сам с собой:

– Эх, страдалица, наша земляца. Совсем плохой урожай... Да и где тут быть хорошей пшеничке, если вокруг, куда ни глянь, сухие степи, ни речки, ни озерка? Землица-то – камень... И дождичка уже три недели не было.

Слева потянулась глубокая балка. В нее, точно ручьи в реку, вливались мелкие овраги. Пересекая один из таких овражков, дед заметил на влажной глине следы колес. Следы были совсем свежие. Между ними виднелись отпечатки подков.

– Геологи проезжали, – сказал дед и хлестнул верблюдов хворостиной. Те заревели и вынесли повозку на верх балки.

– А почему геологи? – спросил Федя. – Может, кто другой?

– Больше тут некому проезжать, нечего здесь другим делать. Они от Зеленой балки едут, по следу видно. А тележка, видать, здорово нагружена: земля-то сухая на степу, а след от колес виден ясно... Вот она, Зеленая балка. Так и есть, они были здесь. И в балку лазили, все кустики на краю помяли. И как это они головы себе тут не сломили? Такая крутизна, а им хоть бы что. Видать, недаром людей учили наукам...

Весь этот монолог дед Архип произнес, сидя на повозке, которую он остановил на краю балки как раз в том месте, где ночью Кротов спускался на веревке.

– Дедушка, а где твоя бахча? – спросил Федя, оглядывая окрестности.

– А вон там, недалече отсюда. Чек, чек! – закричал дед на верблюдов. Те с места взяли рысью, и тележка запрыгала по неровностям почвы.

Бахча находилась шагах в пятидесяти от балки. Дед остановил повозку рядом с копной соломы, заготовленной для шалаша. Под копной можно было заметить жерди для каркаса, так что строительный материал уже был припасен. Дед с внуком распрягли верблюдов и приступили к строительству шалаша.

...Во второй половине дня, отправляя внука домой, дед Архип говорил ему:

– Чай, денька через три-четыре уже за арбузами приедут, и ты тогда приезжай. Дорогу-то помнишь?

– Помню.

– Ну, трогай.

Таинственный вагон

Коля разогнался, перепрыгнул через широкий кювет и, подтянув штаны, с шиком сплюнул: знай наших. Огляделся, но никого не было видно. Жаль, Васьки рядом нет, а то бы он показал ему не такой класс. Коля поежился от утреннего холодка и вприпрыжку пустился по шпалам.

Было раннее утро. Солнце только что взошло и, казалось, высматривало, все ли в порядке на земле и стоит ли ее греть.

В дальнем конце путей прокукукал маневровый паровоз, послышался лязг буферных тарелок, как будто вагоны забормотали во сне. Протрубил одиноко рожок стрелочника, опять паровоз подал голос, и вагоны задвигались.

На соседнем пути стоял воинский эшелон. На платформах под зелеными пятнистыми полотнищами брезента застыли стальные громады. Танки... Ох, и стукнут теперь немца! И в лоб, и по загривку попадет...

Коля посмотрел вверх – нет ли самолетов? С недавних пор немецкие самолеты стали появляться над станцией Степной всегда в тот момент, когда на путях стоял один или несколько воинских эшелонов. Но на этот раз небо было чисто.

Сбив кепку набекрень, Коля засунул руки в карманы и с независимым видом, вразвалку прошагал мимо часового, стоявшего у тормозного вагона. Скосил глаза вбок, на крышу вагона: там, высываясь из люка, четко вырисовывался на голубом небе узкий ствол зенитки. В голове и хвосте состава тоже были вагоны с зенитными установками. Коля даже присвистнул восхищенно – пусть только сунутся теперь стервятники, враз крылья пооборвут, только перья полетят. А там еще зенитчики у переезда помогут, у водокачки тоже хорошо работают – об этом все говорят. А вот что у известкового завода, так те послабее...

Коля посмотрел на высокую трубу известкового завода, стоявшего на окраине поселка: она была хорошо видна отсюда. Эх, был бы он большой, он показал бы, как надо стрелять. Только бы сунулись «юнкеры», а он из своего орудия – бабах! – и ваших нет, р-раз! – и другой закувыркался. Р-раз!..

Коля так увлекся, что выхватил из кармана рогатку и, вложив в нее гладкий камешек, выстрелил в воробья, сидевшего на крыше вагона. Камешек звонко щелкнул по железу и покатился по крыше. Воробей чирикнул и улетел.

– Ты што балуешься? – с хрипотцой проговорил солдат, выглядывая из вагона.

– А ну, друг, давай подальше от состава, – добродушно пробасил часовой с платформы с танками. – Нечего тебе здесь делать. Да пушку свою спрячь, а то глаз кому-нибудь выбьешь.

– А на посту не разговаривают, – сказал хмуро Коля, пряча рогатку в карман: еще позарятся, отберут. Взрослые всегда отбирают интересные вещи...

Солдат усмехнулся и проворчал:

– Ну-ну, иди. Ишь, вояка...

Коля не спеша прошел мимо вагона, в приоткрытых дверях которого стоял заспанный солдат, мимо вагона с часовым и, перешагнув рельсы, направился к пакгаузу, где под крышей носились стаи воробьев. Он вытащил было рогатку, но заметил другого часового и сунул ее обратно в карман. Что он здесь сторожит? Под навесом ничего нет... Может, вон тот вагон, что стоит у самой разгрузочной платформы?

Не нужно забывать, что любопытство было главной чертой характера Коли, поэтому, бросив взгляд в сторону часового, Коля подошел к вагону. Вагон был не совсем обычный. У него четыре оси и восемь колес. Но не это поразило мальчика: вагоны с восемью колесами – не редкость, он их целыми составами видел. Колю поразила одна особенность: вместо обычной тормозной площадки во всю ширину вагона стояла тормозная будка, какие делают на желез-

нодорожных платформах или цистернах, причем эта будка располагалась не на уровне пола вагона, а была приподнята, точно голубятня, и возвышалась над крышей вагона в половину своей высоты. Дверки будки закрыты. В них прорезаны окошечки. Окошечки были и в задней и в передней стенках будки. К дверцам вели железные лесенки, по одной с каждой стороны. У лесенок сделаны перильца.

Коля обошел вагон вокруг: один люк открыт, щеколда на двери отброшена. Ясно, вагон пуст. Иначе люки были бы закрыты, а на дверях висели бы пломбы.

Коля нагнулся и нырнул под вагон, чтобы выбраться на другую сторону – не обходить же кругом? Тут ему что-то капнуло за шиворот. Коля присел. Вдруг над головой захлопал крыльями и закукарекал петух. Коля выскочил из-под вагона и остановился, оглядываясь: никакого петуха нет. Но тут до него опять донесся крик петуха – и Коля понял, что петух находится в вагоне. Как он туда забрался?

Не успел Коля задуматься над этим странным обстоятельством, как из вагона послышался резкий треск звонка. Коля вздрогнул, посмотрел, разинув рот, снизу вверх на таинственный вагон и побежал к переезду: звонок напомнил ему, зачем он поднялся в столь ранний час. Шел уже седьмой час утра, и мать, наверно, заждалась его. Он ведь теперь ее помощник. Можно сказать, тоже на транспорте работает. Он и сигналы знает, и как фонарь на стрелке заправить – тоже знает, а на сигнальном рожке играет так, что любого взрослого за пояс заткнет, десять очков вперед даст.

– А ну – хоп! – И Коля перескочил через кучу шпал, сваленных на междупутье. Поискав вокруг глазами, он с удивлением произнес: – Ого, уже починили, засыпали! А ведь ямища такая была, что «ФД» мог свободно влезть. Чудеса!

Впрочем, Коля давно уже знал, что чудес на свете не бывает, а все делают люди. И воронку от авиабомбы засыпали люди, и путь починили люди, путейцы. Наверно, всю ночь работали...

Коля оглянулся на вагон, тяжело вздохнул и запрыгал по шпалам дальше. Ладно, никуда он не пропадет, этот вагон. Вот пойдет обратно домой и заглянет в него. В крайнем случае можно будет в люк забраться... А мать-то, наверно, ждет не дождется. Поди, устала, спать хочет... С непривычки оно, конечно, хоть кому доведись, из сил выбьешься. Тут и за сигналами смотреть нужно, и стрелки переводить, и за чистотой следить, а там, глядишь, в будке звонок заверещит – к телефону беги. Отец делал все это быстро, легко, а матери где уж там... Стрелочницей стала работать совсем недавно, еще не освоилась. Вот и приходится ей помогать: хоть стрелки почистишь – и то ей легче.

Коля прибавил шагу. Вскоре из-за состава порожняка показалась будка у переезда. Начались стрелки. Вот стрелка номер три. Ишь, уже почищена... Что же это мать не подождала его? И номер пять почищена... Вот он сейчас спросит ее...

Мать работала на следующей стрелке. Нагнувшись, она протирала мазутной тряпкой стальную полосу, по которой скользят «перья» стрелки, когда ее переводят. Заслышав шаги, мать посмотрела из-за плеча на сына и разогнулась.

– Прибежал? – тихо произнесла она.

– А то!

– Помощник... А я, видишь, последнюю стрелку привожу в порядок.

– И лампы заправила?

– И лампы заправила. Ты больше так рано не вставай, я теперь сама справляюсь. Поди, спать хочешь?

Мать любовно и одновременно жалостливо посмотрела на сына, хотела поправить ему кепку, совсем съехавшую на правое ухо, но, взглянув на выпачканные мазутом руки, со вздохом опустила их и сказала:

– Поправь кепку-то. Избегался ты у меня совсем. Носишься целыми днями, точно угорелый, бездумная твоя голова. Совсем от рук отбился.

Коля поправил кепку и шмыгнул носом.

– Мам, дай я стрелку помажу.

– Тебе дай, а ты опять весь перемажешься?

– Не перемажусь. Тогда я не умел, а теперь умею. Я теперь рукава заверну. А, мама?

– Нет-нет, не проси. Я сама доделаю.

Мать наклонилась и опять стала протирать стальную полосу. Коля стоял, насупившись, и никуда не уходил.

– Что ж я теперь, зря пришел? – мрачно сказал он.

Мать взглянула на сына и с грустью произнесла:

– И всегда ты вот такой непослушный. Говорила же тебе, чтобы не приходил сюда, без тебя управлюсь. Прыгаешь тут по рельсам, еще под поезд попадешь. Хочешь, посиди в будке, а то здесь подожди меня, вместе домой пойдем.

Коля сморщил нос, точно понюхал что-то неприятное, засунул руки в карманы и посмотрел на будку. Что-то не хочется идти домой. Вспомнил о таинственном вагоне...

– Лучше я домой пойду, – сказал Коля.

– Ладно, иди.

Коля пошел обратно. Посмотрел налево – там тянулся забор паровозного кладбища. Припомнилась история с казахом. О том, что с ними случилось там, они никому, кроме Телегина и Нины, не рассказывали. К этому были, конечно, свои причины, кроме предупреждения дяди Пети. Если рассказать матери, то может попасть за стрельбу из огнестрельного оружия, за то, что чуть человека не убили. Может, тот казах и не шпион? И дядя Петя молчит, ничего не говорит. Если же рассказать Федьке или другим ребятам, то не поверят. Или будут смеяться, что проворонили такой хороший ящик. А почему проворонили? Потому что Васька трус, испугался, что казах будет их подкарауливать. Зря он, Коля, обратно отдал Ваське самопал. Поменял самопал на ящик? Поменял. Сам предложил, никто его за язык не тянул. Пропал ящик? Пропал. Но ведь он уже был Васькин, ящик-то? Конечно, Васькин! А что он пропал, сам Васька виноват, так ему и надо... Хотя ладно, хорошо сделал, что вернул пистолет: Васька сглумил, что поменялся заранее. Зачем же пользоваться его глупостью? А что Васька глуп, так это точно...

Утешив себя такой мыслью, Коля побежал к пакгаузу. Но где же вагон? Солнце стояло уже высоко и светило прямо в глаза. Может, из-за этого он, Коля, и не замечает вагона?

Коля прищурил правый глаз, затем закрыл его ладонью, но все равно не увидел вагона. Таинственный вагон пропал...

Дом на колесах

По тем путям, где недавно стоял необычайный вагон, двигался воинский эшелон. Его подавали к пакгаузу на разгрузку. Платформы и вагоны, переговариваясь буферами, плавно катились мимо Коли. Вот они остановились. Коля пошел вдоль эшелона, разглядывая танки на платформах. Так он дошел до конца состава. И вдруг увидел четырехосный вагон с тормозной будкой, поднятой выше крыши. Он стоял дальше эшелона на том же пути, за пакгаузом, напротив высокой кучи шпал, сложенных в клетку.

Коля перебежал пути, приблизился к вагону и увидел деревянную лесенку. Дверь отодвинута и внутри видны край стола, стул с круглым сиденьем и гнутой спинкой.

– Держи, держи Фрица! – раздался вдруг крик. – Лови!

Коля не успел сообразить, в чем дело, как мимо него, подбрасывая зад с коротким хвостиком, пробежал серый кролик.

– Лови, чего стоишь! – опять раздался крик, и мимо Коли промчался мальчик в матроске. Коля, недолго думая, пустился вслед.

Кролик забрался под вагон и притаился у колеса.

– Заходи Фрицу с правого фланга! – зашептал мальчик в матроске, оборачиваясь к Коле. Они стояли на коленях и упирались руками в землю, собираясь забраться под вагон. – Да тише сопи! Тут тебе не тыл, а фронт.

– Фронт! – усмехнулся Коля, останавливаясь. – Интересно, кто ты такой, чтобы мне приказывать?

– Командир, вот кто.

– Видали мы таких... самозванцев. Командир. Ха! Мальчик презрительно посмотрел на Колю, тоже усмехнулся и сказал:

– И что ты понимаешь в войне? Солдат не должен возражать командиру. Видно, тебя еще учить да учить надо.

– Война! – опять бросил реплику Коля с усмешкой. – Это с кроликом-то война?

– Вот и видно, что ты ничего не понимаешь. Это не кролик, а фашист. Ясно? Заходи с тыла, а то улизнет. Сейчас мы возьмем его в клещи.

Мальчик в матроске говорил так убедительно, что Коля невольно подчинился и, крадучись, стал заползать на четвереньках в тыл кролику, то есть с другой стороны вагона.

А кролик, казалось, не обращал никакого внимания на мальчишек. Очевидно, он не подозревал, что его хотят взять в клещи. Он спокойно жевал травку, пробивавшуюся у шпалы, и лишь водил своими длинными ушами, стоявшими торчком на голове. Коля, затаив дыхание, тихо-тихо подкрадывался на корточках сзади. Вот он протянул руку, нацелился на уши кролика и... рраз! – бросился вперед. Но длинноухий трусишка был, оказывается, великим тактиком: он мгновенно положил уши на спину, повернулся и прыгнул под Колины руки, затем шмыгнул между ног, и был таков.

А Коля, споткнувшись о шпалу, больно ударился лбом о колесо... Теперь наверняка шишка вскочит... Косой черт! Ну, погоди же, попадись только... А этот, в матроске, еще смеяться будет...

Потирая лоб, Коля вылез из-под вагона и в нерешительности остановился, не зная, что делать. Из замешательства его выручил мальчик в матроске.

– Ну, где Фриц? – спросил он, слезая по лесенке. Пока Коля сидел в раздумье под вагоном, он успел уже сбегать в вагон за мешком, который держал сейчас в руках.

– Не знаю, – пробормотал Коля. – Сиганул куда-нибудь...

– Больно ушибся?

– Да нет... Чешется только... Где же теперь кролик? Наверно, убежал.

– Никуда он не убежал, он у меня далеко не бегает, боится далеко бегать от дома.

– Какой же это дом, это вагон, – возразил Коля.

– Нет дом, дом на колесах, – уверенно заявил мальчик. – Мы в нем от самого Гулова ехали. Моего папу сюда работать перевели.

– Вова, с кем ты разговариваешь? – послышался из вагона женский голос. Вова обернулся, посмотрел на дверь вагона, потом на своего нового товарища и спросил шепотом:

– Тебя как звать?

– Николаем...

– А меня Владимиром. Только ты зови меня Вовкой или Володей, не люблю, когда зовут Вовой или Вовиком.

Все это Володя произнес быстрым шепотом. Затем обернулся и громко ответил:

– Я с Колей разговариваю. Это мой новый товарищ.

В вагоне слышались шаги, и в дверях показалась молодая женщина с косами, закрученными на затылке в тугой узел. Через плечо у нее висело суровое полотенце, в руках она держала чайное блюдечко. Это была Ольга Петровна Зимина, мать Володи. Она внимательно и ласково посмотрела на Колю, улыбнулась и сказала:

– Ладно, играйте, но далеко не отходите, а то вагон могут перегнать на новое место. – И скрылась в вагоне.

Мальчики принялись искать кролика.

– Наверно, в этот дзот забрался, – сказал Володя, подходя к клетке из шпал. Действительно, кролик сидел в щели между шпалами.

– Сейчас мы ему мешок устроим, – сказал Володя. – Заходи с той стороны и гони на меня – я его тут караулить буду.

– Так он тебе и полез в мешок, – с сомнением произнес Коля.

– Ползет или не ползет, а он уже в мешке.

– Аа... – догадался наконец Коля. – Это как на войне – мешок?

– Ага. Ну, иди и закрой выход. Теперь ему не миновать котла. Ты знаешь, я какой злой на Фрица. Вынес его на травку, а он взял и убежал. Целый час гоняюсь за ним.

Коля зашел с другой стороны щели и стал бросать в кролика мелкие камешки. Кролик – скок, скок – приблизился к выходу, где притаился Володя. Подгоняемый Колей, длинноухий переступил передними лапками, оттолкнулся задними и очутился у отверстия. Но не успел он выставить голову наружу, как высунулась володина рука и быстро схватила его за уши.

Когда злополучного кролика отнесли в вагон, Володя предложил:

– Пойдем травы нарвем кролику. Где у вас здесь много травы?

Коля наморщил лоб, силясь вспомнить, где у них много травы.

– С травой у нас туговато, – точно кому-то подражая, солидно растягивая слова, произнес он наконец. Здесь кругом пески, сушь. Трава, которая и была, так вся уже посохла...

В словах мальчика слышалась недетская озабоченность. Пусть он повторял чужие слова, но по тону чувствовалось, что Коля и сам понимал, как плохо, что стоит засуха, а кругом пески и нет ни единого пруда, не говоря уже о речке.

– Пойдем в станционный садик, – сказал он Володе. – Может, там еще осталась трава.

По дороге новые приятели разговорились.

– Вы откуда сами-то? – спросил Коля.

– Мы из Гулова. Отца назначили сюда начальником станции. У вас что, не было своего начальника? Или его уволили?

– Был, – со вздохом ответил Коля. – Только его немцы разбомбили.

– Разбомбили? – с удивлением переспросил Володя.

– Ну да. Прилетели ночью и спустили бомбочку килограммов в пятьсот. Прямо в вокзал. А там как раз начальник по телефону разговаривал... Теперь на том месте одни развалины, вот увидишь...

Володя недоверчиво посмотрел на Колю и спросил:

– Как же это так: ночью – и прямо в вокзал. Наверно, светомаскировка была плохая?

– Нет, хорошая была. Говорят, фашистский шпион ракету пустил над вокзалом. Весь поселок потом прочесали – и не нашли. Вот ведь гад какой.

– А ты тоже прочесывал?

– Еще бы!

Коля хотел еще что-то сказать, но, вспомнив, что в тот налет они с матерью всю ночь просидели в погребе, осекся и замолчал, искоса поглядывая на товарища: поверил тот ему или нет?

– А кем работает твой отец? – спросил Володя.

– У меня нет отца... Он на стрелке погиб... во время налета...

– А-а-а... – сочувственно протянул Володя. – Как же ты теперь?

– Теперь мама работает на его месте... А я помогаю, – неожиданно для себя добавил Коля: он не хотел говорить об этом, ведь сейчас-то он не помогает, да как-то само вырвалось...

– Заливаешь? – полувопросительно-полуутвердительно произнес Володя и с сомнением взглянул на Колю.

– Чтоб мне провалиться на этом месте! – воскликнул тот. – Ты думаешь, откуда я шел, когда тебя повстречал у вагона? – Оттуда, со стрелок шел. Чистил, смазывал, междупутья подметал. Работы – гибель! Без меня мать не справилась бы...

Коля почувствовал, что хватил лишку и замолчал, глядя себе под ноги, утопавшие в пыли. Володя или не заметил хвастовства нового приятеля, или сделал вид, что не заметил, но только ничего не сказал, потому что на улицу вступила какая-то воинская часть. Шла кавалерия, танки: разгружались эшелоны. Отсюда войска должны были дойти до Волги, пересечь ее и выйти на правый фланг фашистов, подступавших к водному рубежу. Пыль клубами поднималась из-под ног и гусениц, тучами взвивалась вверх, закрывая солнце, толстым слоем оседала на лицах, гимнастерках, сапогах, броне танков, лезла в рот, нос. Ржали кони, тархтели зарядные ящики, раздавались слова команды.

– Ух, силища! – восхищенно произнес Коля, во все глаза глядя на войска. – Ну, теперь держись, Гитлер.

...В станционном садике росли кусты акации и два тутовых дерева. Трава здесь мелкая, чахлая и почти вся вытоптана пассажирами. Кроме того, в садике вырыты щели, где можно спрятаться от осколков бомб во время налета вражеских самолетов. Было ясно, что травы здесь не набрать. Но ребята не упали духом. Ползая на коленях, Коля весело говорил:

– Ничего, соберем травки твоему Фрицу. Здесь не хватит, в другое место пойдем, на кладбище.

Вдруг раздался пронзительный звук сирены.

– Воздушная тревога! – крикнул Коля и бросился к выходу из садика, возле которого он собирал траву. – Айда за мной, тут недалеко бомбоубежище есть.

Володя стремглав бросился за Колей. Не успели они выскочить из садика, как услышали пальбу зениток возле известкового завода, а вслед за пальбой характерное завывание самолетов, идущих на заход. Нет, не успеть ребятам добежать до бомбоубежища.

– Давай обратно в щель! – прокричал Коля. Но на этот раз Володя не обратил внимания на приказание товарища. Правда, он остановился, но продолжал раздумывать: может быть, бежать домой, а то мама волнуется, наверное? Минуту подумав, он припустился за Колей. Пробежали мимо автомашины, стоявшей возле палисадника. Вот и щель. Ребятишки примостились у стенки канавы, присев на корточках.

Володя огляделся. Народу в щели было немало. Одни стояли и, вытягивая шеи, старались выглянуть наружу и найти в небе завывающие самолеты, другие, сидя на корточках, курили или просто разговаривали, изредка посматривая вверх.

Вдруг Володя спохватился: «А где же мешок?» – и стремглав выскочил из щели.

– Куда ты? – крикнул Коля, но Володя лишь рукой махнул: не до разговоров. Мешок лежал на земле, возвышаясь небольшой горкой. Он притягивал Володю, точно магнит: ведь там была трава для кролика, еще кто-нибудь унесет ее... вместе с мешком. Пропали тогда все труды. И вдобавок еще за мешок попадет от мамы, если он затеряется, пропадет...

Все эти мысли промелькнули в голове мальчика моментально, лишь только он выскочил из щели и увидел мешок. Но не успел он сделать и двух шагов, как следом за ним вымахнул какой-то человек.

– Стоп, борода! Задний ход! – крикнул он, схватил Володю за плечи, поднял и опустил обратно в щель.

Володя не сообразил как следует, что такое с ним случилось, как над головой послышался хватающий за душу, все возрастающий вой пикирующего бомбардировщика, затем свист бомб – и воздух потряс грохот взрыва... Что было потом – Володя не помнил: ему сделалось очень страшно. А когда пришел в себя – вокруг шел тихий разговор:

– Уходит... Стороной пошли...

– Нет, к нам заворачивает...

– И заметь, всегда в гости заявляются, когда здесь войска есть. Какая-нибудь гадина доносит.

– Ну как, борода, жив?

Последние слова были, очевидно, обращены к Володе, так как голос раздался совсем рядом. Володя поднял глаза – прямо перед ним стоял высокий человек с большими черными усами. В глазах и уголках рта под усами таилась добрая усмешка. Плечи широкие, руки сильные... Наверно, это он вытащил Володю в щель.

Пока Володя раздумывал, как ему держать себя с этим человеком и что ему ответить, к ним протискался Коля и сказал, обращаясь к усатому человеку:

– Дядя Петя, это мой товарищ, его Володей зовут.

– Вот как. Что же ты, старина, плохо смотришь за своим корешком? Вы зачем пришли сюда?

– Мы за травой для Фрица.

– Для Фрица?

– Это я кролика так своего зову, Фрицем. А то я вытащил его из вагона на травку, а он взял и убежал. Насилу поймали с Колей.

– Они из Гулова приехали ночью, – пояснил в свою очередь Коля, указывая на товарища глазами. – Его отец теперь у нас начальником станции будет...

Коля хотел еще что-то добавить, но в этот момент закричали: «Есть, загорелся!» – и все посмотрели вверх, туда, где слышался гул фашистских самолетов. Один из них, оставляя за собой черный дымный хвост, резко пошел к земле.

– Есть! – радостно закричали и ребяташки, но тут же замолчали: советский истребитель, сбив еще одного бомбардировщика, загорелся. В следующий момент от истребителя оторвался комочек и стал стремительно падать. Потом над ним заколыхался белый зонт.

– Вот здорово! – с восхищением сказал Вовка. – Как он здорово, а?

– А сам выпрыгнул! – восторженно подхватил Коля. – И «юнкерс» угробил. Рр-раз – и в щепки! Вот это летчик! Вот бы мне таким быть!

Все выбрались из щели и принялись смотреть на небо, стараясь увидеть, где упадут самолеты. Но те уже скрылись за домами. Вскоре откуда-то издали донесся сильный гул.

– За известковым заводом упали, – определил Коля. Вот здорово там зенитчики сегодня работали! А я думал, они мазилы: прошлый раз фашисты с той стороны прорвались к станции...

– Смотри-ка, – испуганно проговорил в это время Володя.

Коля посмотрел туда, куда смотрел Володя: там, где только что стояла грузовая автомашина, чернела огромная воронка.

– Вот это да-а!.. – только и могли сказать оба. Затем Коля спросил Володю:

– Где твой мешок? Не у машины оставил?

– Вон он, у калитки... лежит...

Ребята сбегали за мешком и принесли его к щели. По дороге обратно Коля сказал Володе:

– Хорошо, что дядя Петя тебя обратно втащил, а то б плохо было.

– А чего плохо? Может, и успел бы сбегать за мешком, – пытался бодриться Володя, а у самого при воспоминании о взрыве мурашки пробежали по спине.

– Как же, успел бы, – с усмешкой сказал Коля. – Ишь, герой выискался. Видал, как твой мешок землей засыпало? Да еще булыжник какой на нем лежал. Подбежал бы к мешку, а тебя ка-а-ак трахнуло бы по голове, так успел бы.

– А вот и не трахнуло бы! – возразил упрямо Володя. – Еще бабушка надвое сказала, когда упал булыжник: когда я подбежал бы или когда не подбежал...

– Все равно могло осколком задеть. Вон смотри, весь забор осколками иссечен.

– А вот и не задело бы, – продолжал стоять на своем Володя. Втайне он был согласен с Колей, что, не втащи его дядя Петя обратно в щель, ему, Володе, пришлось бы очень плохо, это верно, но с Колькой он никак не мог согласиться: пусть не смеется. А то, ишь, зубы скалит...

Конечно, это была серьезная причина, чтобы возражать Коле, но была и другая причина, которая заключалась в том, что иногда Володей овладевало «непонятное упрямство», как говорила мама, он мог дойти до иступления и со слезами на глазах утверждать, например, что ему ни капельки не хотелось мороженого, а две порции подряд съел лишь потому, что одну купил папа, а другую мама.

Мама часто говорит, что ему, Володе, нужно избавляться от упрямства. Только мама не совсем права: она велит Володе брать пример с папы, потому что он настойчивый, всегда своего добьется. А он, Володя, весь в папу, уж этого никто не станет отрицать, даже сама мама. Значит, он не упрямый, а настойчивый, как папа...

Неизвестно, до каких пор спорили бы ребята, но тут к ним подошел дядя Петя и строго сказал:

– Идите-ка домой, а то матери, наверно, тревогу бьют. Подумают, бомбой убило. Вы где стали?

– Они еще в вагоне, дядя Петя, – сказал Коля, выскакивая вперед. – Вагон длинный, четырехосный, с такой тормозной будкой, что выше крыши. Он за пакгаузом стоит, около шпал.

– Ну вот и бегите, да не сбейтесь с курса, – продолжал дядя Петя, обращаясь к Володе. Но Коля никак не желал оставаться в стороне от столь важного события, как возвращение нового товарища домой, то есть в вагон, и торопливо сказал:

– Дядя Петя, я его провожу, не тревожьтесь. – И к Володе: – Иди за мной!

Поглядывая то на небо, то под ноги, что не мешало ребятам частенько спотыкаться, они побежали в сторону пакгауза. Дядя Петя проводил их взглядом, отряхнул брюки от приставшей земли и направился к станции.

Новый начальник

Утомившись, ребята пошли шагом. Володя спросил приятеля:

– Кто это, с усами? Он моряк?

– Дядя Петя?

– Да.

– Это стрелочник и еще киномехаником работает. Он бывший моряк. Знаешь, у него в клубе такая будочка, и вся железом изнутри обита. И аппарат на таких высоких ножках. А пахнет там как хорошо – ужас! Это пахнет, как ее... уксусной эссенцией.

Коля с блаженством прищурил глаза и причмокнул губами от величайшего наслаждения, которое он испытывал при одном только воспоминании об этой уксусной эссенции. Очевидно, она действительно хорошо пахла...

Но тут Володя авторитетно заявил:

– Не уксусная эссенция, а грушевая. Мне папа говорил, что ею ленты кинокартин склеивают. А уксусную эссенцию в горчицу кладут, для вкуса.

– Не знаю, врать не буду, – примирительно согласился Коля. – А что ею дядя Петя ленты склеивал, то верно, сам видал. Пойдем сегодня к дяде Пете?

– А что там делать?

– Как что? Вот чудак! Покрутим такую машину, на которой ленты перематывают, а может, и в зал попадем: сегодня «Чапаев» идет. Дядя Петя свойский, сколько раз пропускал меня в зал.

– Просто за так? – спросил Володя, недоверчиво глядя на товарища.

– А то нет.

– Врешь.

– А вот сам увидишь. Ты только приходи.

– Ладно, приду...

В это время позади послышались шаги и какие-то странные звуки, похожие на всхлипывание. Кто-то позвал Володю:

– Вова! Вовочка!

– Мама! – Володя обернулся и попал в объятия матери вместе с мешком.

Мать прижала его к себе и взволнованно говорила:

– Вовочка, мой дорогой, жив! А я уж не знаю, что подумала... Бомбы падают, взрывы, кругом ад крошечный, а тебя нет со мной... Все кругом обегала, а тебя нет, негодный мальчишка. Где ты пропадал? Тут налет, бомбы, а он разгуливает. На что это похоже? Да и сама виновата, что отпустила...

Володя, прижавшись щекой к платью матери, молчал. Стоять было неудобно: мешал мешок, застрявший между ним и матерью, но он не замечал этого. К горлу подкатывался комок и хотелось плакать. Володя почувствовал себя сейчас маленьким-маленьким и очень несчастным. И лишь присутствие Кольки, который торчал перед глазами, мешало дать волю слезам.

Но вот мать присела на корточки, заглянула сыну в лицо и спросила ласково:

– Испугался?

– Испугался, – признался Володя и тут же покосился на Колю, стараясь определить, как тот относится к его словам, не смеется ли.

Но Коля делал вид, что его ни капельки не интересует семейная сцена. Отвернувшись и заложив руки за спину, он с таким интересом разглядывал большой палец правой ноги, точно увидел его сейчас впервые в жизни. Вот он поставил ногу на пятку, приподнял ступню и пошевелил пальцем – работает исправно. Какое бы занятие ему придумать? Взгляд упал на круг-

лый камешек, валявшийся на дороге. Коля попробовал схватить его большим пальцем ноги, но безуспешно.

– Коля, идем, – позвал его Володя, направляясь с матерью в вагон.

– Иду. Давай, я мешок понесу.

– Ничего, я сам.

– А что там? – спросила мать.

– Трава для Фрица.

– Все-таки нарвали?

– Нарвали.

– Больше я никуда не отпущу тебя одного.

Они подошли к вагону. Дверь вагона была открыта, но внутри и поблизости никого не было.

– Вот побежала тебя искать, даже дверь не закрыла, – пробормотала мать сердито, взбираясь по лесенке в вагон.

– А папа где?

– Не знаю. Как ушел с утра, так и не приходил... Наверно, есть хочешь?

– Хочу. Сейчас я только Фрицу травки дам.

И Володя полез в вагон. Коля, вспомнив, что тоже давно не ел, сказал:

– Ну, я пошел, а то живот подвело. Я приду после обеда. Приходить?

– Конечно, приходи. Мы будем фрицеву клетку чистить. А потом я тебе свои книжки покажу. У меня, знаешь, такие мировые книжки, что ахнешь.

– Ладно, приду, – сказал Коля и отправился домой.

* * *

Не успел Володя поесть, как прибежал Коля.

– Лезь сюда, – пригласил Володя приятеля в вагон. Тот поднялся по лесенке и остановился в дверях, оглядываясь. Чего только не было в вагоне! Здесь стояли буфет, кровать, шкаф, стол, стулья, какие-то свертки, ящики, цветы и многие другие вещи, не знакомые Коле. Особенно поразил Колю вид большого растения в кадке. Кадка стояла прямо на полу, а верхушка растения касалась крыши вагона и даже немного согнулась. Листья его были величиной с лапоть, как определил Коля про себя. Интересно, что это за растение такое? На их станции ни у кого таких нет.

– Это рододендрон, – старательно выговаривая, ответил Володя на робкий вопрос приятеля. – Ты вот куда смотри. – И повел Колю за шкаф, где в углу вагона стояли две деревянные клетки. В одной из них сидели две курицы и петух, в другой – знакомый уже Коле кролик. Он уморительно двигал носиком и жевал тоненькую былинку. Былинка дрожала и постепенно исчезала во рту кролика.

– Сейчас мы вытащим клетку из вагона и будем чистить, – сказал Володя, берясь за клетку.

Однако чистку клетки пришлось отложить: в этот момент в вагон вошел среднего роста мужчина в железнодорожной форме и очках. Кисти рук его были тонкие, жилистые, худощавое лицо чисто выбрито, на лбу залегли складки.

– Строгий какой, наверно, отец Вовки... – отметил про себя Коля. Да, это был отец Володи – Дмитрий Александрович Зимин, новый начальник станции Степной. При его появлении Ольга Петровна поднялась из-за стола и спросила:

– Ну как, Митя?

Дмитрий Александрович сел, снял фуражку и положил ее на стол, затем расправил короткие рыжеватые усы и произнес неопределенно:

– Дела плохие... – Посмотрел на Колю и спросил: – Это чей мальчик?
– Это Коля, – ответил Володя. – У него отец был стрелочником и мать сейчас стрелочница.

– А, знаю, – в задумчивости произнес Зимин, продолжая разглядывать Колю. – Твоя фамилия Чекалов?

– Чекалов.

– Хороший был стрелочник, мне рассказывали...

– Ты ответь, где мы жить будем? – сказала Ольга Петровна озабоченно.

– С квартирами здесь туговато...

– Значит, в вагоне останемся?

– Нет, зачем же? Я нашел частную квартиру.

– Тогда нужно немедленно переезжать, а то здесь опасно оставаться.

– Я беспокоился о вас. Хотел уже бежать сюда, но дежурный сказал, что вагон цел: он проходил мимо и видал. А тут как раз Телегин зашел – это один из стрелочников – и предложил переехать к нему. Он и подводу предложил устроить, если машины не достану.

Дмитрий Александрович надел фуражку и вышел из вагона. Коля восторженно глянул на товарища и прошептал ему на ухо:

– Телегин рядом с нами живет. Соседями будем. Вот здорово! Верно?

– Не плохо... – пробормотал Володя, занятый собственными мыслями. – Теперь некогда клетку чистить, сейчас переезжать будем. Давай мелкие вещи выносить. – И Володя взялся за стул.

– Постой, постой, куда? – остановила его мать. – Еще неизвестно, когда машина придет. Может, еще ночевать придется в вагоне. Оставь стул.

Минут через двадцать вернулся отец и сказал озабоченно:

– Машины не будет.

– Ну вот, я так и знала, – устало проговорила мать.

– Не могла ты знать: машину только что бомбой уничтожило, во время налета.

– Как же теперь быть? Надо хоть подводу найти. Только где ее найдешь?

– А на базаре! – вырвалось у Коли непроизвольно. Взрослые посмотрели на него. Затем Дмитрий Александрович сказал:

– Дельное предложение. Только есть ли сегодня базар? Не разогнала его бомбежка?

– Есть, сегодня у нас базарный день, – с готовностью ответил Коля. Он был очень рад помочь родителям Володи найти подводу. – А бомбежек у нас не боятся, разбегутся в разные стороны, а потом опять приходят к подводам. У нас большие базары бывают, вот увидите.

Все это Коля проговорил быстро, залпом, не переводя дыхания. Остановился и выжидательно уставился на Зимина. Казалось, он даже дышать перестал от волнения. А волновался он сильно: если дядя Митя согласится пойти на базар, то он должен взять его в проводники. Иначе ему не найти базара, заплутается в кривых улочках и переулках. Вот Ваське будет завидно! Небось ему еще ни разу не приходилось провожать на базар самого начальника станции.

Но тут пришла мысль, что новый начальник станции может не взять его на базар – и Коля от волнения проглотил слюну, перевел дыхание и еще шире раскрыл глаза, устремленные на дядю Митю. А тот подумал, посмотрел на Ольгу Петровну и сказал:

– Да, мысль не дурна. В крайнем случае, если и там не достану подводу, то придется обратиться за помощью к Телегину: он сегодня свободен от дежурства, поможет перебраться на квартиру.

Коля уже хотел было предложить себя в проводники, как Володя спросил:

– Папа, а нам с Колей можно?

– Что можно?

– А на базар. Когда мы ехали сюда, ты обещал мне купить самый большой арбуз, какой только найдется на базаре. И дыню-дубовку. Обещал?

– Ну?

– Нет, ты скажи: обещал?

– Ну, обещал...

– Вот и покупай теперь. Ты еще говорил тогда, что я сам буду выбирать арбуз. Значит, бери на базар.

– Да-а... припер к стене, что называется, – сказал с улыбкой Дмитрий Александрович жене. – Придется взять, ничего не попишешь: обещал. А Коля нам дорогу будет показывать. Верно, Коля?

– Конечно, покажу! – радостно воскликнул Коля. – Я вас прямехонько к базару проведу. И арбуз помогу выбрать. Здесь есть такие черные. Большие! Больше любого чугунка, не обхватишь.

– А если опять будет налет? – сказала Ольга Петровна.

– Налетов больше не будет, – жестко ответил Дмитрий Александрович. – По крайней мере до вечера.

– Ты говоришь таким тоном, точно сам распоряжаешься этими налетами.

– Распоряжаться не распоряжаюсь, а предполагать могу. Понимаешь, мне пришлось беседовать на эту тему с комендантом станции. Так он сообщил мне... – Дмитрий Александрович взглянул на ребят, словно сомневаясь, стоит говорить или нет, и продолжал: – В общем, он сказал мне, что фашисты совершают теперь налеты на станцию только наверняка, то есть лишь тогда, когда здесь ожидают или стоят эшелоны. Вот сегодня мы могли еще раз убедиться в этом: стал эшелон под разгрузку, а через двадцать минут «юнкеры» были уже над станцией. И так всякий раз: придет эшелон, а через двадцать минут начинается бомбежка, налет. Очевидно, каким-то путем противник узнает о точном прибытии поездов на станцию... Ну вот, а сегодня до ночи мы не ожидаем ни одного поезда. Так что налетов днем больше не должно быть...

Мать посмотрела на Володю грустным взглядом и сказала:

– Ну что ж, пусть идет на базар. Только не отпускай его от себя, а то потеряется или под телегу попадет. Да не задерживайтесь там: до вечера нам нужно обязательно переехать, слышишь?

– Слышу, – ответил Дмитрий Александрович, поворачиваясь в двери. – Пошли, арбузники.

Эти слова Дмитрий Александрович произнес почти веселым голосом, но Кольке почему-то показалось, что он совершенно не думает сейчас ни о предстоящем походе на базар, ни о них, ребятах. Лицо его было нахмурено и озабочено.

– Мешок взять? – деловито осведомился Володя.

– Возьми, – сказала мать.

– А ножик?

– У меня есть перочинный, – бросил через плечо отец. Он уже спустился до половины лестницы, и в дверном просвете виднелась лишь его голова да половина кителя. Вот отец потрогал левой рукой карман кителя – там ли деньги – и спустился на землю. Следом за ним спрыгнули ребята, глухо стукнув босыми ногами по сухому песку железнодорожного полотна.

До базара от вагона было километра полтора. Улицы, примыкавшие к нему, жили кипучей, шумной жизнью. Люди шли пешком или ехали. Средствами передвижения служили автомашины различных марок, волю, впряженные в огромные арбы, лошади, ослы и верблюды. Все это бежало, ехало, скакало или, наоборот, тащилось так медленно, точно из последних сил.

Но вот и базар. Он действительно оказался большим и оживленным. Тесно составленные возы образовывали длинную неширокую улицу, у задков повозок, тарантасов, арб, бричек, рессорных тележек непрерывной толпой двигались покупатели.

Каждая подвода представляла собой в свою очередь как бы маленький базарчик. Володя остановился около одного из таких возов, пораженный разнообразием товаров на нем: он никогда в жизни не видел подобной картины. Прежде всего в глаза бросалась большая корзина, полная румяных яблок, каждое из которых было не меньше двух кулаков Володи. Под корзиной лежали мешки с грушами: один из мешков был развязан, и хозяин, пожилой колхозник, отвешивал груши покупателю. На самом дне повозки виднелись крутобокие белые тыквы. В передке лежал мешок с ярко-зелеными, в пупырышках, огурцами, рядом – связки моркови, зеленого лука, укропа, хрена, петрушки, лукошко с яичками и кусками коровьего масла. Но это еще не все. На земле, возле повозки, были навалены горкой полосатые арбузы, ярко-желтые дыни, испускавшие ароматный запах. Под задком повозки стояла плетушка с курами, а у передних колес, на земле, в тени, где было прохладнее, выстроились в ряд красно-бурые обливные крынки с топленным молоком, запечатанные аппетитной темно-красной сморщенной пенкой.

Пока ребяташки рассматривали продукты, колхозник кончил отвешивать груши и полез ложкой в кадку за квашеной капустой. Володя удивился: он думал, что эта кадка принадлежит другому колхознику, воз которого стоял рядом. Но тогда и вторая кадка этого же колхозника? И как только все это уместилось у него на возу?

Володя заглянул во вторую кадку – и у него брови полезли на лоб: в кадке плавали в воде самые настоящие полосатые арбузы. Вот так штука!

– Коля, зачем это их в воду? – спросил Володя.

– Это соленые арбузы, – ответил Коля, заглянув в кадку.

– А зачем их солят?

– Вот чудак – зачем! Понятно, чтобы есть. Их в зиму солят.

– Чтобы есть? – недоверчиво переспросил Володя, – Они же сладкие – и вдруг соленые.

Вот смешай соль с сахаром, в рот не возьмешь.

– Может, и не возьмешь, а соленый арбуз – ух, какой вкусный! – воскликнул Коля и проглотил слюну. – У меня мать каждую осень по две кадки арбузов солит. Вот пойдем ко мне, угощу соленым арбузом. У нас хоть и сгорел дом, а погреб с кадками уцелел...

Коля хотел еще о чем-то рассказать, но подошел Дмитрий Александрович и сказал:

– Вы что же тут застряли? Пойдемте дальше.

И они пошли дальше. Дмитрий Александрович часто останавливался и справлялся у возчиков, не смогли бы они перевезти ему вещи, но пока у всех еще был нераспроданный товар, и никто не соглашался на предложение начальника станции. Иногда разговор затягивался, так как хозяин подводы хотел посоветоваться с кумом или братом, или сватом, который, как назло, только что был здесь и ушел, а «теперь его треба шукаты». Начинались поиски, зачастую длившиеся по десять – пятнадцать минут. Впрочем, еще не было ни одного случая, чтобы этот найденный наконец кум, брат или сват посоветовал хозяину свалить нераспроданный товар на землю и ехать перевозить домашние вещи этому совершенно незнакомому им человеку. И Зимин шел дальше. Но шел, как мы видим, очень медленно. Так что ребята подолгу стояли на одном месте, и Володя с интересом разглядывал арбузы, дыни, людей в тюбетейках, лисьих малахаях, кепках, соломенных шляпах, лошадей, волов, верблюдов.

Один из верблюдов надолго приковал внимание ребят. Правда, Коля видел этих верблюдов тысячи раз, если не больше, но за компанию можно еще раз посмотреть, чтоб Володе не было скучно одному.

Верблюд, подогнув ноги, лежал на брюхе. Важно поводя маленькой головой, насаженной на длинную изогнутую шею, он лениво пережевывал жвачку. Вот он перестал жевать – и вниз по горлу побежал бугорок: верблюд проглотил жвачку. Затем такой же бугорок пробежал по шее вверх – отрыжка, – и отвисшая толстая губа опять медленно, не спеша задвигалась слева направо, справа налево. Из-под губы виднелись длинные, косо посаженные, желтые,

точно прокуренные, зубы. Круглые глаза смотрели не мигая куда-то вдаль, точно верблюд мечтал. В одной ноздре его горбатого носа торчал деревянный колышек величиной с указательный палец взрослого человека. К колышку была привязана тонкая веревка из верблюжьей шерсти.

– Зачем этот колышек? – спросил Володя Колю. – Ему же больно, верблюду.

– Не больно, он привык. Это чтобы править. У коня есть удила, а у верблюда – колышек. Вон, смотри.

Володя посмотрел в указанном направлении и увидел верблюда, важно шагавшего по дороге. Между горбами, как в седле, качался казах в лисьем малахае и полосатом халате. В одной руке казах держал камчу – ременную плетку, в другой – конец веревки, идущей от колышка в ноздре верблюда.

– Ловко! – воскликнул Володя.

Король-арбуз

Вначале ребята шли вслед за Дмитрием Александровичем по правой стороне базара. Здесь было так много арбузов, что у Володи глаза разбежались: и этот хорош, и тот, а третий еще лучше. А вон там, на самой верхушке воза, чернеет лаковыми боками такой гигант, что просто дух захватывает.

Володя подбежал к отцу, взял его за руку и потянул к возу:

– Папа, вон тот возьмем, черный.

– Имей терпение, сынок. Настоящий покупатель, знаешь, как покупает, когда приходит на базар?

– Как?

– А так. Прежде чем что-либо купить, он раза два-три пройдет по базару из конца в конец, рассмотрит товар, приценится, узнает цены и только потом покупает необходимые продукты или вещи. – И Коле снова показалось, что новому начальнику нет дела ни до этого арбуза, ни до всего базара, ни до них, ребят. Печать озабоченности лежала на его лице. Чувствовалось, что мысли его где-то далеко.

Володя тоже смотрел на отца: не понять, шутит он или говорит серьезно? Как будто улыбается, а сам серьезный.

– Но пока мы будем ходить, его кто-нибудь купит! – произнес наконец Володя.

– Не купит. А если и купит, то другой найдем. Еще больше. Ты только примечай, где какой, потом выберем.

И наши покупатели пошли дальше.

Когда обошли базар с одной стороны, а потом с другой, Володя убедился, что отец был прав: на одном возу он заметил такой арбуз, что одному ему, наверно, и не поднять.

– Папа, смотри, какой арбузище. Давай спросим почем он.

Дмитрий Александрович подошел к возу. На грядке телеги сидел хозяин и выжидательно смотрел на них: очевидно, он слышал просьбу мальчика.

– Сколько стоит вон тот, маленький? – спросил Дмитрий Александрович.

Хозяин посмотрел на арбуз, на который указал покупатель, и с обидой произнес:

– Это рябой-то маленький?

– Конечно. На базаре есть куда больше.

– Ой ли? Даже такого кавуна не найдете еще на базаре, не только больше. Это король-кавун.

– Король-кавун?

– Эге. Больше его во всей округе нет, уж я знаю.

– Ишь ты, король-кавун. И сколько же ты хочешь за своего рябого короля? Мелковат все-таки твой король...

Зимин протянул руку и ловко накатил арбуз на ладонь. Затем подбросил его вверх, точно пробуя на вес, пощелкал пальцем: спелый ли?

– Ну, так сколько же?

– Десять карбованцев.

– Дороговато...

– Дороговато? Побойтесь Бога. Это же дешевка – десять карбованцев.

– Что? За такой немудрящий – целых десять рублей? – раздался за спинами покупателей чей-то голос.

Ребята и Зимин обернулись – позади стоял Телегин и указывал пальцем на предмет торга.

– А, это вы, товарищ Телегин, – сказал Зимин. – А мы вот арбуз покупаем. Как, по-вашему, спелый он?

– Сейчас узнаем...

Дядя Петя взял арбуз, поднес к уху и сдвинул ладонями. Арбуз затрещал.

– Спелый. Вы уже сторговали его? – спросил Телегин и небрежным жестом положил арбуз на воз.

– Нет еще. Он говорит, это король-арбуз.

– Какой там король. Ему красная цена – пятерка. Сейчас я вам сторгую его.

– Ну что же, попробуйте.

Телегин подошел ближе к возу и, растопырив перед носом продавца пальцы правой руки, решительно сказал:

– Пять.

– За такого красавца? Десять!

– Пять! Получай гроши, пока не отчалил.

– Ну, давай девять карбованцев. Себе в убыток, да хочется добрым людям угодить.

– Не смейся народ. Бери шесть – и дело с концом. В другом месте дешевле найду.

– Шесть за такой кавун? Да за шесть я его сам съем.

– Отчаливай, ребята, – сказал Телегин, отворачиваясь от воза. – Чтоб ему с этим арбузом зазимовать здесь...

Ребята разочарованно посмотрели на дядю Петю, но тот решительно повернул их за плечи и подтолкнул в спины. Впрочем, сам он больше суетился, чем отходил от воза. Все же на продавца подействовала «психическая атака». Да и то, если подумать, прошло полдня, а продано совсем мало. Негоже покупателей упускать. И хозяин арбузов крикнул:

– Эй, хлопцы, гражданин хороший, вернитесь.

– Ну, что? – как бы нехотя произнес Телегин, обернувшись к возу.

– Давай восемь – и забирай кавун. Нехай мне будет в убыток.

– Бог ты мой! – чуть не плача, воскликнул дядя Петя. – Можно подумать, что не арбуз продает, а целый дом. Вот тебе мое последнее слово: шесть с полтиной – и ни гроша больше. Коля, держи мешок.

И не успел хозяин опомниться, как арбуз величиной с ведерный котел очутился в мешке у ног мальчика. Хозяин выпучил на Телегина глаза и пробормотал:

– Ты что же, дарма хочешь забрать кавун?

– Какое там дарма. Эге, дарма – шесть с полтиной. С ума нужно сойти. Держи деньги. –

И дядя Петя вынул из кармана кошелек.

– Ну, прибавь ще карбованец.

– Коля, вытряхай!

Арбуз мигом выкатился из мешка.

– Ну, хоть полтину!

– А, чтоб тебя!.. Держи. В расчете?

– Ну вот, теперь добре. Кушайте на здоровьечко. – Колхозник завязал деньги в кисет, спрятал его в карман и сказал: – Дыньку не желаете? Дюже гарная, дубовка. Не желаете? Ух и духовитая! Так и шибает в ноздрю.

Хозяин взял дыню и с блаженным выражением лица принялся нюхать ее. Володя взглянул на отца. Тот поднял с земли арбуз – ребятам было бы тяжело нести его, – с улыбкой посмотрел на ребятшек, на Телегина и сказал:

– Что ж, можно и дыню...

Дыня была куплена и уложена в мешок. Мешок napросился нести Коля, хотя он и был ему явно не под силу. Через несколько минут он был вынужден отказаться от этой ноши. Мешок взвалил на себя Зимин.

Идя по базару, Телегин спросил Зимина:

– Когда же будете переезжать? Я уже и комнату приготовил.

Зимин смущенно посмотрел на Телегина и ответил:

– Понимаете, как получилось: понадеялся я на машину, которую мне обещал Пахомов...

– Дальше можете не говорить: остались без транспорта?

– Да.

– Я так и знал. На Пахомова надейся, а сам не плошай. Ну, ничего, мы это дело сейчас поправим, найдем подводу. Держитесь за мной.

Плетеная корзина

Телегин пошел по базару, выискивая взглядом подводу. Вдруг навстречу из толпы вынырнул геолог Кротов. С тех пор как он с товарищем уехал на разведку нефти, прошло много дней. Рана на голове зажила, и повязки уже не было.

– Кротов? – с удивлением сказал Телегин. – Разве вы уже вернулись?

– Да, мы только что из степи, работы много было, – ответил Кротов, подавая руку Телегину. – Пришел вот продуктов подкупить. Может, баранчика удастся подыскать, на котлеты. – И геолог улыбнулся. – А то ведь в степи магазинов да базаров нет, один песок. Удивляюсь, откуда только всего этого навезли. Ведь кругом пески, я поездил по степи, видал.

– Значит, не везде были. Многие наши колхозы понарыли себе прудов и занимаются поливным огородничеством. А кое-кто приехал с берегов реки, которая отсюда в сорока километрах. Там очень богатые колхозы, миллионеры. У каждого колхозника дом – полная чаша... А я вот подводу ищу, – переменял разговор Телегин. – Новые жильцы к нам в дом переезжают.

– Простите, кто такие? – равнодушно спросил Кротов.

– Наш новый начальник станции, – ответил Телегин, указывая глазами на подходившего Зимина. – Я вас познакомлю сейчас...

Когда состоялось знакомство, Кротов спросил Зимина:

– Позвольте узнать, нашли подводу?

– Нет, ищем.

– Тогда, если разрешите, вместе будем искать. Вон тот казах, кажется, уже распродался, один барашек остался. Может, я сторгую его...

Кротов подошел к повозке, в которую была запряжена пара верблюдов. К заднему правому колесу привязан жирный курдючный баран. В задке повозки лежала кучка соломы, прикрытая кошмой. Немного подальше, сложив калачиком ноги в мягких сапожках, сидел в пестрой тюбетейке и ватном халате казах. Он сидел так неподвижно, что казалось, спал. Тем более, что глаз, обращенный в сторону Володи, был закрыт. Но казах, конечно, не спал: он едва заметно постукивал рукояткой плетки по своему колену.

– Гляди, кривой! – тихо шепнул Володя товарищу. Но тот уже и сам пристально вглядывался в лицо казаха: что-то было знакомо Коле в этом лице. Где он видел его? Или он ошибается и никогда его не видал?

И вдруг в голове мелькнула мысль, от которой его прошиб холодный пот! Что, если это тот казах, которого подстрелил Васька? Они же видели сами, как у того текла кровь из-под платка. Значит, он был ранен? Вот он и окривел, это же ясно. Сейчас казах увидит его, Кольку, и тогда... тогда все раскроется.

Колька попятился назад и спрятался за Кротова. Потом выглянул из-за широкой спины геолога, в удивлении раскрыл рот: кривой казах смотрел на него обоими глазами. Фу ты, вот напугал. Значит, это совсем не тот казах. Да и одежда на нем совсем другая... А все-таки похож на того, так, немного... И шрам на щеке... Вот бы рассказать Вовке. Только дядя Петя не велел болтать. А может, того казаха уже поймали? Как бы спросить об этом дядю Петю?

Между тем взрослые некоторое время стояли молча около повозки. Зимин прикидывал, можно ли на повозке перевезти вещи, а Кротов смотрел на барана. Затем подошел к нему и пощупал курдюк. Казах посмотрел на покупателя, но промолчал.

– Сколько стоят сейчас бараны? – тихо спросил Кротов Телегина.

– Смотря какой баран, – ответил тот. – Давайте, я сторгую вам по самой дешевой цене.

– Пожалуйста, сделайте одолжение.

– Тогда считайте, что барашек ваш. – Телегин ткнул пальцем в барана и сказал казаху: – Эй, дядя, почем барашка продашь?

Казах даже не пошевелился, будто вопрос относился не к нему, а к самому барану. Но Телегина не смутило молчание казаха. Он знал эту привычку степняков – не тратить слов понапрасну. Логика у них проста: если человеку нужен именно барашек, а не курица, то он не поленится спросить еще раз. Вот тогда с покупателем можно вести настоящий деловой разговор. А если это праздный базарный зевака, любитель приценяться, то, не получив ответа на свой вопрос, он пойдет дальше и оставит в покое и хозяина, и барана. Это тоже хорошо.

Телегин потрепал барана за курдюк, потом вцепился руками в шерсть на спине, крикнул и приподнял барана над землей.

– Однако пуда полтора есть, – пробормотал Телегин, опустив барана.

– Три пуд! – внезапно выпалил казах, сердито посмотрев на покупателя.

– Ну, это ты своей бабушке скажи, – возразил Телегин. – Барана в три пуда я не поднял бы.

– Поднял, не поднял, а здесь три пуд. Не веришь – гуляй мимо. Твой базар шалтай-балтай, а не дело делай.

– Ну хорошо, пусть будет три пуда в твоём барашке, шайтан с ним.

– Зачем шайтан? Зачем худой слова говоришь? Барашка хороший. Слова худой – человек худой.

– Да ты не нервничай, мил человек, а скажи толком, за сколько барашка отдашь?

– Дэнга бар?

– Есть, не беспокойся. Так сколько же?

– Моя хочет пять сто монат.

– Пятьсот за эту дохлятину? – не мог сдержаться Телегин. – Ты смотри, он еле живой стоит, качается. Кожа да кости.

– Уй, какой худой слова болтаешь! – сердито проговорил казах. – Зачем неправда говоришь? Когда будешь есть – одна сала увидишь. Сейчас бульна жарка, а барашка в шуба запрятан, курдюк тяжелый, вот он и шатаится.

...Поторговавшись, сошлись на трехстах рублях. Кротов заплатил деньги и сказал казаху, указывая глазами на Зимина:

– Вот этому человеку, любезный, нужно перевезти со станции на квартиру домашние вещи, понимаешь?

Одно только мгновение казах колебался, но, встретившись глазами с Кротовым, закивал головой.

– Понимай, понимай.

– Так вот, если хочешь подзаработать, он наймет тебя. Идет? Заодно и барашка мне подвезешь: я в том же доме живу.

– Хорошо, поехали, – согласился казах. Спрятав деньги за пазуху, он спрыгнул с повозки, подошел к верблюдам, лежавшим на брюхе, и поднял их, приговаривая: «Чек, чек!» Затем опять взобрался на повозку и, разбирая волосяные вожжи, спросил Кротова: – Куда едем, бачка?

Кротов взвалил на повозку барана, предварительно связав ему ноги, и обратился к Зимину:

– Вы не будете возражать, если мы сначала заедем к нам, отвезем барашка, а потом подвезем к вагону? Мы быстро справимся.

– Пожалуйста, пожалуйста! – с готовностью согласился Дмитрий Александрович.

– Папа, а нам можно? – спросил Володя, с мольбой глядя на отца. Зимин, помня наказ жены не оставлять сына одного, не отпускать от себя, хотел было запретить ехать Володе на подводе, но Телегин, точно прочитав мысли Зимина, пришел ребятам на помощь и сказал:

– Пусть прокатятся, Дмитрий Александрович, я присмотрю за ними. К тому же и покупки отвезут на квартиру, не надо будет таскаться с ними. А то вон какой арбузище, все руки вам, наверно, оттянул. Давайте-ка его сюда.

– Ну что ж, ладно, пусть прокатятся, – согласился Зимин, отдавая мешок Телегину. Тот взял его и положил в повозку. Кротов уже сидел рядом с казахом. Позади них лежал связанный баран. Дальше лежала кошма. Коля хотел было забраться на нее, но казах, обернувшись, запретил садиться на кошму.

– Нельзя, там вещи, можно раздавить.

Пришлось сесть рядом. Мешок с арбузом и дыней он положил себе на колени. Володя взобрался на повозку и уселся по другую сторону кошмы, спиной к Коле. Он вынул арбуз из мешка и положил его рядом с собой. Места на повозке уже не было, а Телегин еще не сел.

– А мы вот как сделаем, – сказал он и подал арбуз Володе. – Держи, борода.

Володя взял арбуз и положил его на колени. Вернее, на колени положил его Телегин, а Володя лишь обхватил арбуз руками. Телегин сел на освободившееся место, хотел взять арбуз у Володи, но мальчик не захотел отдавать его.

– Он же тяжелый, не удержишь, – предупредил Телегин.

– Удержу, я сильный, – ответил Володя и еще сильнее прижал арбуз к животу. Арбуз был холодный и приятно охлаждал живот сквозь рубашку.

Но вот все уселись, и казах стегнул верблюдов. Те дружно заревели и пустились бежать. Володя посмотрел назад: в базарном ряду, там, где только что стояла повозка, образовалась брешь. В толпе мелькнула железнодорожная фуражка и опять пропала.

Колеса мягко катились по пыльной колес. Верблюды бежали быстро, так что базар вскоре остался позади. Иногда колеса наезжали на камень, и тогда повозку резко подбрасывало. Володя, стараясь в таких случаях сохранить равновесие, откидывался назад, на кошму. Под кошмой чувствовалось что-то твердое, легкое и скрипучее. Легкое потому, что легко подавалось и подвигалось под нажимом Володиной спины. Наверно, там какая-нибудь корзина: чувствовалось по ребристому краю. Да и скрипит, как плетеная корзина, в которой мама держит всякие старые вещи...

Из-за нехватки места Володя сидел, поджав ноги под себя. Очень неудобное положение, да еще когда приходится держать на коленях огромный арбуз, который так и норовит выскользнуть из рук и вывалиться на дорогу. Коле хорошо. У него дыня в мешке, легко держать. Да и меньше она, не такая скользкая. Сидит барином и под колеса смотрит, как земля бежит...

Володя поддался соблазну и тоже захотел посмотреть, как бегут колеса по пыли. Наклонился... Но тут колесо наехало на камень, повозку подбросило, и Володя, потеряв равновесие, наклонился вперед.

– Ой! – воскликнул он и схватился одной рукой за кошму, чтобы удержаться на повозке. Арбуз, как будто давно поджидавший такого момента, скатился с колен и прыгнул на дорогу, где раскололся пополам. Между тем кошма не удержала Володю от падения, а поползла вслед за ним, как скатерть, которую сдергивают со стола. И если бы не дядя Петя, подхвативший Володю на сильные руки, быть бы ему на дороге в пыли рядом с арбузом.

Когда Володя вскрикнул, все обернулись. Коля тоже обернулся. Он увидел, как Телегин усаживал Володю на прежнее место. В руке у того все еще был зажат край кошмы. Часть ее свисала с телеги, приоткрывая плетеную корзину, сделанную сундучком. В тот момент, когда Коля смотрел на корзину, Телегин дернул за кошму, чтобы приподнять ее и опять накрыть ею задок повозки, как это и было прежде. При этом кошма задела за выступающий конец какого-то прута крышки, крышка приоткрылась и опять захлопнулась. Все это произошло в какой-то миг, но его оказалось вполне достаточно для любопытного Коли, чтобы заглянуть в корзину.

Впрочем, после подобного молниеносного исследования корзины Коля весь остаток пути больше не проявлял к ней ни малейшего интереса: корзина была пуста.

Тем временем казах остановил верблюдов и бросился помогать Телегину наводить порядок в задке повозки, как будто дядя Петя один не мог справиться с кошмой. Коля с укором посмотрел на Володю, вернее, на его затылок, соскочил с повозки и побежал подбирать поло-

винки арбуза, красные, точно кровь: в пыли испачкались только бока половинок. В рассыпчатой, бархатистой мякоти чернели крупные семечки...

Глядя, как товарищ несет к повозке половинку арбуза – сразу две половинки Коля не мог поднять, – Володя грустно вздохнул: «Эх, растяпа, растяпа! Не мог арбуза удержать»...

И хотя Володе не было высказано ни слова укора по поводу катастрофы с арбузом, он чувствовал себя сейчас очень виноватым и очень несчастным. Впрочем, оттого, что его никто не ругал, он чувствовал себя еще несчастнее и виноватее. Хотя бы кто-нибудь слово сказал, а то молчат, точно все слепые и глухие и ничего не заметили... Лишь в конце пути, когда подъезжали к воротам краснобаевского дома, Телегин ободряюще сказал Володе:

– Не тужи, борода, по арбузу, я тебе сегодня еще больший доставлю, вот только освобожусь.

Володя с благодарностью взглянул в его по-особенному улыбающиеся глаза. Казалось, что Телегин сделал сегодня что-то особенно значительное, только не хочет говорить об этом.

Опять зеленый ящик

Улицы были узкие, кривые. Но верблюды бежали себе и бежали, точно дорога была давно знакома им.

Интересно, откуда казах знает, куда ехать? Ведь Кротов не сказал ему своего адреса. А может, говорил, но он, Коля, не слышал?

...Повозка въехала в следующую улицу, и Володя увидел степь. Окраина. Улица оканчивалась мазанками. Правый порядок замыкался большим кирпичным домом с железной крышей. Верблюды направились прямо к нему. Вот и ворота. Кротов соскочил с повозки и скрылся в калитке. Через минуту огромные полотнища ворот медленно распахнулись, и повозка въехала во двор. Ребята прыгнули на землю.

– Вот мы и дома, – весело сказал Телегин, подходя к ребятам. – В гостях хорошо, а дома лучше. Хотите посмотреть комнаты?

– А баран? – сказал Володя.

– Что баран?

– Ему же больно так лежать. Его надо развязать и пустить во двор, пусть бегают.

– Ах, вот ты о чем! – весело воскликнул дядя Петя. – Ничего, борода, тут и без нас с ним управятся. Идемте.

Дом был просторный. В нем было четыре комнаты, кухня, обширный коридор. В коридор выходило три двери. Первая заперта на висячий замок: там, как сказал дядя Петя, жили геологи. Вторая дверь вела в комнаты, предназначенные семейству Зиминых, третья – в кухню, откуда был ход в комнату, занятую самим дядей Петей.

– Печкой я не пользуюсь, – сказал дядя Петя Володе, – так что камбуз будет в полном распоряжении твоей мамы.

– А погреб есть? – спросил Володя. Он хорошо помнил, как мать задавала отцу этот вопрос, когда они переезжали в Гулове на новую квартиру.

– Еще бы! – с самым серьезным выражением лица ответил дядя Петя. – Пойдем во двор.

Но в этот раз ребятам не пришлось увидеть погреб. Помешал казах: стоя на дворе, он махал перед носом Кротова руками и гневно выкрикивал:

– Надо ехать! Базар нанимал – моя поехал! Теперь скорей ехал – скорей дэньга получай! Моя не хочет шалтай-балтай!

– Что ж, придется ехать, – сказал Кротов Телегину. Тот обернулся к ребятам и спросил их:

– Слышали, браточки? Придется в другой раз посмотреть погреб. Пора отчаливать, а то Дмитрий Александрович заждался нас, наверно. Живее в повозку! Коля, где дыня?

– В кухню отнес. И арбуз там.

– Ну, добро. Полный вперед!

Ребята уселись в задке на кошме. Верблюды дернули повозку, и Коля откинулся назад. Ища опору, он уперся рукой позади себя, рука мягко утонула в кошме. Но там же должна быть корзина! Коля не мог упустить удобного случая посмотреть, что под кошмой. Он приподнял кошму – корзины там не было.

– Смотри, – шепнул он Володе, – была корзина, а сейчас нет.

– Ну и что же? – так же шепотом ответил Володя. – Казах не дурак, чтобы оставить корзину на повозке: ее тогда наши вещи раздавили бы. У нас есть такой сундучище, что не только плетеную корзинку, даже повозку может раздавить. Ох, и тяжелый!

– Так нужно вещи из него вынуть.

– Нет, это он пустой такой тяжелый. А когда в него наложишь книг, так его десять человек с места еле-еле сдвигают.

– А почему книг?

– Потому что папа в нем книги держит, когда переезжаем. А когда переедем – книги на полки, а сундук в коридор. Этот сундук нам вместо кладовки. В него никакой жулик не залезет. Там, знаешь, какой замок?

– Какой?

– С музыкой!

– Во саду ли, в огороде? – со смехом сказал Коля.

– Как ты сказал? – не понял Володя.

– Я говорю, играет песенку «Во саду ли, в огороде»?

– Не веришь? Ну и не верь, больно мне надо... – И Володя отвернулся в сторону, обидавшись на товарища.

Коля гордо восседал на повозке и поглядывал по сторонам: по пути встречались знакомые ребята, одноклассники, товарищи по пионерскому отряду. Правда, из его звена остались здесь немногие. Вот Вовку и можно принять в свое звено... если согласится...

– Ты в какую школу поступишь? – спросил Коля Володю.

– В железнодорожную – ясно...

– А в какой класс?

– В четвертый.

– И я в четвертый перешел, – радостно произнес Коля. – Хочешь, будем в одном классе учиться и на одной парте сидеть?

– А ты не хулиганишь? – подозрительно поглядел на товарища Володя. – Я не люблю, когда на уроках балуются. На перемене – там еще можно.

– Нет! – воскликнул Коля. – У меня пятерка по поведению. Мы даже в одном звене будем. Идет? – Коля даже мысли не мог допустить, чтобы Володя не был пионером.

– Ладно.

– Знаешь, я завтра соберу звено и познакомлю тебя со всеми ребятами: с Васькой Потаповым, Федькой Сапожковым...

– А остальные где?

– В лагерях. Скоро должны вернуться. С ними вожатый отряда поехал. Когда уезжал, так наказывал мне тут фронту помогать чем можно...

– И ты помогаешь? – спросил Володя.

Коля отвернулся, посмотрел на убегавший назад телеграфный столб и виноватым голосом ответил:

– Не знаю... Никак не придумаю, чем помочь фронту...

– А ты почему не поехал в лагерь?

– Не захотел. Без меня тут мамке было бы тяжело одной. Я и в очереди за хлебом постою, и обед дяде Пете снесу, и по дому что-нибудь сделаю, а то все это пришлось бы самой матери делать после дежурства вместо того, чтобы отдыхать...

Повозка подкатила к вагону. Перед ним на земле уже стояли гардероб, комод, большой сундук, про который Володя рассказывал Коле, стол, стулья, большое зеркало, зашитое в толстое ватное одеяло, и много различных мелких вещей. Клетки с курами и кроликом стояли в вагоне.

Приступили к погрузке вещей на повозку. Прежде всего погрузили сундук с книгами. Он действительно был очень тяжел: его еле-еле подняли четверо грузчиков, приглашенных Зиминым из пакгауза, сам он, Телегин и казах впридачу, который, впрочем, больше мешал, чем помогал. Затем на повозку погрузили гардероб, письменный стол. Между его тумбой и ножками мать поставила чемодан с посудой, а сбоку узел с постелью. На самый верх положили связанный полосатый матрас и стулья. Получился огромный воз.

Когда воз был уже увязан веревками, Володя вдруг вспомнил о кролике:

– Пойдите, клетку забыли! Я сейчас! Коля, давай за мной.

Ребята мигом взобрались по лесенке и скрылись в вагоне. Затем оттуда послышалось пыхтение, скрип, скрежет, и в дверях показалась клетка с кроликом.

– Папа, помоги, – попросил Володя.

– Может, в другой рейс? – спросил отец, опуская клетку на землю. – Очень уж твой кролик неряшлив. Видишь, клетка снизу мокрая? Вещи можно испортить.

– Нет-нет, я хочу сейчас. Можно сделать так, что не попортит.

– Ну ладно, попытаемся сделать...

Отец освободил па гардеробе местечко, положил на него старую чертежную доску, на доску поставил клетку с кроликом.

– Кажется, можно отправляться, – сказал Зимин. – Смотри, Володя, чтобы клетка не свалилась, она не привязана. Так и кувыркнется вниз.

– Нет, я буду смотреть, – с важным видом ответил Володя и стал напротив клетки. – Я буду здесь идти.

Телегин улыбнулся и сказал:

– Не беспокойтесь, Дмитрий Александрович, я посмотрю.

– Я тоже пойду с вами, – сказала Ольга Петровна.

Воз тронулся. В пути Телегин несколько раз поправлял клетку, сползавшую с доски. Когда воз въезжал во двор, дядя Петя остался у ворот, чтобы закрыть их. В этот момент и случилось несчастье: клетка, оставшаяся без присмотра – ребята загляделись на верблюдов, – от резких толчков сползла на край доски и грохнулась на землю.

– Ой! – вскрикнул в испуге Володя и бросился к клетке. – Убился!

Но кролик не убился: придя в себя, он вдруг выскочил в дверцу, открывшуюся от сотрясения, и запрыгал по двору.

– Колька, лови! – закричал Володя, бросаясь в погоню за беглецом. Коля ринулся наперерез длинноухому. Тот заметался по двору. Наконец ребята загнали кролика за сарай, в тупик, поросший бурьяном. Они уже торжествовали победу над своим противником, как вдруг длинноухий плутишка пригнулся и юркнул в щель в стене сарая. Ребята бросились к щели. Оказывается, нижняя доска в стене сарая с одного края была оторвана и отодвинута со своего места.

Ребята прильнули к щели.

– Вот он! – прошептал Коля. – На поленнице сидит. Ишь, косой, куда забрался. Теперь его и не достанешь.

– Достанем, – уверенно заявил Володя. – Скажем дяде Пете, он откроет сарай и поймает кролика.

– Постой, а зачем говорить? – возразил Коля, пробуя рукой доску. – Смотри, на двух гвоздиках держится...

Он потянул за доску, гвозди слегка взвизгнули, и щель в стене расширилась.

Кролик сидел на самом верху поленницы березовых дров. Положив одно ухо на спину, а другое выставив, точно пику, вперед, он искоса поглядывал на показавшегося в дыре Колю. Когда тот влез в сарай и бросился к поленнице, кролик перемахнул на другую сторону сарая. Коля рванулся за ним и прыгнул на кучку соломы, валявшуюся посреди сарайчика. Солома сбилась в сторону, и Коля увидел плетеную корзину. Он сразу же забыл о кролике и, присев на корточки около корзины, тихо воскликнул:

– Вовка, корзина! Помнишь, у казаха в телеге лежала? А я-то думал, куда он подевал ее? Вот она где!..

– Подумаешь, корзины не видал, – тоже шепотом сказал Володя, заглядывая в дыру. – Лови скорее, а то казах зайдет. Подумает, в корзину забраться хотели.

– Не подумает, она пустая...

И Коля с пренебрежением толкнул корзину ногой. Он ожидал, что та легко поддастся и Вовка своими глазами увидит, что она легкая, а значит, и пустая. Но корзина лишь скрипнула

и осталась на месте. Ого, да в ней никак что-то есть? Как же это так получилось? В самом деле, корзина была пуста, когда лежала на повозке, а сейчас в ней что-то есть? Что мог положить туда казах? Ведь у него не было ничего такого, что бы он мог сложить в корзину. Или корзина по-прежнему пуста и он, Коля, ошибается? Коля еще раз попытался сдвинуть корзину – на этот раз уже руками, но та не имела ни малейшего желания сдвинуться с места. Значит, в ней все-таки что-то есть. Нет, как бы там Вовка ни шипел, ни торопил, а он откроет и посмотрит. Заглянет одним глазом и тут же закроет. Корзине ничего не сделается...

– Ты скоро там?

– Сейчас, – пробормотал Коля, даже не посмотрев на товарища. Он хотел приподнять крышку, но корзина оказалась запертой на замок. Тогда Коля приподнял угол крышки и заглянул в образовавшуюся щель.

Володя, все время наблюдавший за Колей, заметил, как у того изменилось выражение лица. Тогда и он быстренько пролез в дыру и подошел к корзине.

– Ну, что там увидел? – спросил Вовка, присев на корточки и тоже стараясь заглянуть в щель. Но Колька уже опустил крышку, и щель закрылась.

– Наш ящик!.. – пробормотал Коля с таким растерянным видом, точно увидел в корзине нечто ужасное.

– Ваш? – с удивлением переспросил Володя. Ему сразу же представилось, как казах крадет у Коли из дома или кладовки ящик и прячет в корзину. Эта мысль показалась ему такой нелепой, что он улыбнулся. Но Коля не смеялся, ему было совсем не до смеха. При виде ящика он вдруг до мельчайших подробностей припомнил происшествие на паровозном кладбище, неизвестного человека, кровь на повязке, ящик в канаве и последующее его исчезновение.

Так вот почему этот казах показался ему знакомым: это все-таки тот самый казах, которого они с Васькой видели на кладбище и ранили из самопала.

Коля задрожал от страха: казах мог в любую минуту зайти в сарай. Вот уж тогда он обязательно узнает его, Кольку: ведь он, наверно, смотрел на них в щелочку там, на паровозном кладбище, если Васька попал ему прямо в лицо. А если узнает, то быть большой беде...

Не отвечая Володе, Коля молча быстро завалил корзинку соломой и бросился ловить кролика. Володю удивила ретивость товарища, однако это не помешало ему помогать ловить увертливого зверька. Наконец кролик оказался в углу, и четыре маленьких руки крепко вцепились в пушистую шерсть на его спине...

Выбравшись из сарая, ребята пристроили доску на свое место и вышли на двор. Воз уже был разгружен, и казах выводил верблюдов на улицу. Вещи сиротливо стояли на огромном дворе.

На крыльце показался дядя Петя и спросил ребятшек:

– Ну, как, герои, сделаем еще один рейс или решили в дрейф лечь?

– Мы здесь останемся.

– Отлично. А кролика можно будет устроить в дровяном сарае.

Дядя Петя сошел с крыльца и направился к тому самому сарайчику, где только что были ребята. Дверь сарайчика была на замке. Дядя Петя пошарил по карманам, достал ключ, но вдруг передумал и сказал:

– Пожалуй, лучше вам занять вот эту каюту.

И дядя Петя перешел к соседнему сараю, стоявшему под одной крышей с первым. Здесь на двери не было замка. Телегин открыл ее и сказал:

– Прошу. Располагайтесь, как дома.

– Это теперь наш сарай? – спросил Володя, все еще держа кролика на руках.

– Ваш. Здесь и трюм есть, вот крышка. Нельзя же без погреба. Особенно в наших краях. Вон Коля знает. Верно, борода?

– В натуре.

Коля солидно крякнул и хозяйским взглядом посмотрел вокруг. Сарай пуст. С соседним сараем граничит вон та стена...

Коля дождался, когда Телегин ушел, и подбежал к стене. Ага, вот щелка. В нее видна кучка соломы, под которой спрятана корзина. А там – зеленый ящик. Надо посмотреть, что в том ящике. Тогда он был пуст, а сейчас может оказаться не пустым. Вот только казах уйдет со двора... Интересно, как же это случилось, что ящик оказался в корзине? Не иначе как его положили здесь, на краснобаевском дворе.

Вот рассказать об этом Вовке – рот разинет. Наверно, ящик положил в корзину Телегин. Ведь это его сарай? Его. И ключ от сарая у него. Наверно, дядя Петя сходил тогда на паровозное кладбище и взял ящик из канавы. А они-то с Васькой потом искали его, ящик-то. И как это они не догадались тогда, что ящик мог взять дядя Петя? Вначале где-нибудь так хранил, а теперь в корзину положил.

– Про какой это ящик ты говорил тогда? – спросил вдруг Вовка приятеля.

Коле очень хотелось рассказать обо всем Вовке, но ведь он дал слово дяде Пете молчать...

А что, если взять с Вовки клятву?

Коля глубоко вздохнул, таинственно взглянул на приятеля и прошептал:

– Дай слово, что будешь молчать.

– О чем молчать?

– Ну, о том, о чем я тебе расскажу.

– Ну, даю.

– Нет, не так. Ты поклянись.

– Ну, клянусь.

– Да не ну, клянусь! – раздраженно воскликнул Колька. – Ты поклянись чем-нибудь, что тебе дорого.

– Ну хорошо, – с нетерпением произнес Вовка. – Чтоб мне в четвертом классе на пятерки не учиться.

Колька подумал, изучающе поглядел на Вовку, точно прикидывая, много ли Вовка потеряет, если не будет учиться на пятерки, и сказал:

– Нет, ты еще чем-нибудь, а то ты можешь только на четверки, это тоже не плохо.

– А чем же еще? – рассердился Вовка. – Вот пристал. Ну, чтоб мне на второй год остаться. Но Кольку и эта клятва не удовлетворила. Он подумал, а потом сказал:

– Дай честное пионерское.

Вовка дал честное пионерское, и Колька стал шепотом рассказывать ему о зеленом ящике.

Володя очень заинтересовался историей с зеленым ящиком. С разгоревшимися глазами слушая товарища, он то и дело перебивал его вопросами, отчего рассказчик часто сбивался, повторял уже сказанное, возвращался назад или перескакивал с одного события на другое, так что Володя не все понимал.

Впрочем, говоря между нами, Коля вообще рассказывал достаточно бестолково, так что его не могли понять с первого раза, без всяких дополнительных вопросов. Вот в этом была его слабая сторона. Его учитель Пал Палыч постоянно напоминал ему, чтобы он учился рассказывать связно, пересказывать прочитанное, развивал бы устную речь, но он относился к этому легкомысленно. Мало того, он считал, что он отличный рассказчик, что все мальчишки с его улицы понимают его с первого слова. Им длинно не нужно говорить. Только глянет, свистнет – и всем уже понятно, что он задумал...

Пал Палыч говорит, что такая самоуверенность лишь мешает человеку исправлять свои недостатки, стать лучше, чем он есть. И мать твердит о том же. Наверно, они сговорились между собой...

Так или иначе, но в конце концов Володя был введен в курс всех событий, случившихся с Колей и его приятелем Васей на паровозном кладбище, а попутно и в курс всех событий, которые случились с ними год или два назад. Какое отношение они имели к зеленому ящику, Володя так и не понял. Но что на таинственный ящик необходимо посмотреть, это крепко засело в его голове. И не успели ворота захлопнуться за подводой, как он, не дослушав Колю, выскочил из сарая. Коля бросился следом и вдруг налетел на Вовку: тот неожиданно остановился, уставившись на геологов, входивших в калитку. Кротов нес баранью шкуру, а Сорокин – заднюю часть бараньей туши. Мясо Сорокин понес домой, а Кротов со шкурой в руках направился к деревянному сарайчику. Ребята переглянулись и попятнулись в дверь. Здесь они прильнули к щели в стене сарая и увидели, как геолог расстелил на соломе шкуру барана и вышел. Конечно, он не подозревал, что под соломой корзина.

Когда Кротов ушел, Вовка зашептал Коле на ухо:

– Может, геолог и не знает, что под соломой лежит корзина с ящиком?

– А как же она попала в сарай? – спросил Колька. – Потом, корзинка была пустая, когда стояла на повозке, я сам видел. А тут вдруг в ней ящик очутился.

– Тогда надо обо всем геологам рассказать или моему отцу. Может, казах шпион, верно? А то зачем бы ему прятаться на паровозном кладбище?

– Ну, конечно, это шпион! – воскликнул Коля. – Я уже рассказывал дяде Пете о нем. Мы с Васькой ходили тогда к нему на стрелки. Он никому не велел говорить об этом.

– Вот и хорошо. Теперь мы опять ему расскажем. Бежим к вагону. Вот удивится, когда узнает, кто этот казах!

Но у вагона ребята никого не застали: вагон был пуст. Значит, они разминулись с подводой. Наверно, казах поехал другой улицей. Обратное шли шагом: устали. Свернули на свою улицу – и бросились обратно за угол: навстречу ехал их казах. В задке повозки чернела баранья шкура. Казах покачивался на повозке и что-то напевал себе под нос. На ребят он даже не взглянул. А может, и не заметил их.

Повозка проехала мимо, и мальчишки бросились бежать. Но дяди Пети они не застали дома. Геологов тоже не было видно. Родители Вовки носили в дом вещи. Что ж, придется ждать дядю Петю. Зашли в сарай. Вовку так и тянуло посмотреть на корзину, хотя бы в щелочку. Бараньей шкуры в сарае уже не было. Значит, это ее увез казах. Вовка взглянул на приятеля и сказал:

– Давай еще раз посмотрим на ящик? Я ведь не видел, только ты видел. Интересно посмотреть, какой он, твой ящик.

Они выскочили из сарая, обежали его и очутились перед знакомой уже доской в задней стенке дровяника Телегина. Забраться внутрь для них не составило теперь особого труда. И вот ребята опять возле плетеной корзины. Она по-прежнему на замке и завалена соломой. Колька отгреб солому и приподнял угол крышки. Вовка заглянул в щель и с недоумением взглянул на Кольку.

– Ну, видал? – с надеждой спросил Колька. – Хороший ящик, верно?

– Никакого там ящика нет, – не скрывая удивления, ответил Вовка. – Там одни камни.

– Какие камни? – изумился Колька. – Там ящик, а не камни. Я сам видал.

– Тебе приснилось, – усмехнулся Вовка. – Сначала сам посмотри, а потом говори.

Колька посмотрел – и в смущении уставился на Вовку. Да, действительно, камни. Неужели ему показалось в тот раз, что это ящик? Как же это так получилось? Да, ошибся...

Вовка тактично молчал. Он не хотел затрагивать самолюбие товарища. Ну, ошибся, так что же из того? В темноте очень легко ошибиться. К тому же Колька все время думал о ящике, вот ему и показалось, что это ящик. Очень просто. Но так как дальше молчать было неудобно, то Вовка сказал:

– Вот хорошо, что мы не рассказали Телегину. А то бы он на смех нас поднял. Теперь не станем говорить, верно?

Колька в знак согласия кивнул головой. Конечно, лучше не говорить. Корзину казах, наверное, выменял на баранью шкуру. А камни? Что ж камни! Это, наверное, не обыкновенные камни, а образцы каких-нибудь полезных ископаемых, которые отыскивают геологи.

Коля вылезал из сарая так медленно, что даже застрял в дыре, и Володе пришлось подталкивать его сзади. Коля хотел было обидеться на Володю, но раздумал и позвал товарища к себе: показывать все свои сокровища и богатства, состоявшие из набора слесарных инструментов, оставшихся после отца, нескольких вещей, сделанных своими руками с помощью тех же слесарных инструментов, и книжек с картинками. Володя охотно согласился и пошел к товарищу посмотреть, как он живет.

Но не успели они подойти к двери мазанки, как из-за угла выскочил Вася, остановился перед Колей и быстро заговорил:

– Ой, Колька, а я какую пушку сегодня видел – страсть! Где ты пропадал? Весь день искал и никак не мог найти. Бежим быстрее, может, пушка еще там.

– А где она?

– У Сухой речки стоит. Бежим?

Коля взглянул на Володю, как бы молча спрашивая того, как он относится к предложению паренька, не думает ли он сбегать вместе с ними на Сухую речку посмотреть необыкновенную пушку? Но тот смотрел на незнакомого мальчугана и думал, отчего у него такие рыжие волосы? Рыжий тоже взглянул на Володю и спросил:

– Ты чей? Что-то я тебя не видал никогда.

– Я только сегодня приехал, с папой и мамой...

Паренек улыбнулся при словах «папа» и «мама». Коля поспешил сказать:

– Ты, Васька, не очень-то. Это Володя Зимин, у него отец – начальник станции. – И, обращаясь уже к Володе, продолжал, кивнув на Васю: – Мой дружок, Васька Потапов. У него отец – помощник начальника станции. Пойдем смотреть пушку или нет?

Володя подумал, посмотрел на краснобаевский дом, на забор и ответил, подавив тяжкий вздох:

– Нет, не пойду: маме надо помочь.

– Ну, как хочешь. А может, все-таки пойдешь с нами?

Володе очень хотелось пойти с ребятами на Сухую речку и посмотреть на пушку, но мама строго-настрого приказала никуда не отлучаться. И чего она боится? Ребята идут – и он мог бы пойти, чем он хуже их? Еще подумают, что трусит... Разве пойти?

Володя строго посмотрел на ребят и ответил:

– Нет, не пойду. Вот в другой раз – тогда пойду. А сейчас мы переезжаем, некогда.

– Как хочешь, – сказал Коля, и ребята ушли.

Однако в этот день Коле не удалось побывать на Сухой речке: мать заставила его сидеть дома. Ей нужно было сходить в магазин, а ключ от замочка, которым запирали дверь дома, затерялся. А тут Васю позвали домой. Остался Коля один. Чтобы не скучать, он достал слесарный инструмент и принялся что-то пилить.

Володя в это время принимал самое активное участие в хлопотах по устройству на новом месте. Он то брался устанавливать мебель, то принимался переносить со двора книги.

Разгруженный сундук поставили в коридоре, так как в комнатах не хватало для него места. Стенки сундука были массивные, прочные, обиты железными полосами, петли толстые, а крышка такая тяжелая, что Володя, сколько ни старался, не мог ее поднять. Но особенно замечательным у сундука был замок. Ключ к этому замку имел две бородки, причем с таким множеством прорезей и выступов, что их могло бы хватить на десяток ключей. Кроме того, замок имел секрет. Благодаря всему этому сундук служил Дмитрию Александровичу не только

для книг, но и хранилищем различных ценных бумаг: метрик, облигаций, всяких справок; кроме того, он держал здесь паспорта, деньги, диплом об окончании института.

Наконец остались такие дела, в которых Володя, к счастью, мог не участвовать. Он пошел на улицу. Посидел на скамейке возле дома, услышал визг напильника, доносившийся из мазанки Чекаловых, и пошел к Коле.

Коля сидел на пороге мазанки и пилил какую-то железку, зажатую в ручных тисках. Тут же, у дверей мазанки, на пеньке сидел Кротов: он принес Чекаловой баранину и другие продукты и ожидал ее.

Володя подошел к приятелю, присел возле него на корточки и спросил:

– Ты что делаешь?

– Не видишь? Ключ.

– Какой ключ?

– А такой. Много будешь знать – скоро состаришься. – Коля замолчал. Молчал и Володя.

Коле очень хотелось рассказать товарищу, какой ключ он делает, но Вовка такой вредный, нарочно замолчал. Спросил один раз – и все, как воды в рот набрал.

Наконец Коля не стерпел и равнодушно произнес, указывая глазами на порог:

– Вот такой делаю, к замку от хаты. А то у нас потерялся, не замкнешь хату.

Вовка взял с порога маленький замочек, посмотрел и пренебрежительно сказал:

– Подумаешь, замок. Тут и делать нечего.

– Нечего? – хмуро переспросил Коля.

– Ясно.

– А ну, сделай тогда, а я погляжу.

И Коля протянул Вовке напильник и тиски. Вовка чуть-чуть отстранился и в прежнем тоне заявил:

– Ишь, какой умный. Буду для него делать, а он будет смотреть. Сам делай, если слесарь такой выискался.

– И сделаю, не такое делал.

– Так уж и делал?

– Вот и делал.

– Ну и пусть, а ключ все равно не сделаешь.

– Вот этот не сделаю?

– Ну, этот сделаешь, а вот такой, какой от нашего сундука, что в коридоре стоит, не сделаешь. Он очень сложный.

Володя глянул на Кротова, как бы приглашая его подтвердить, что ключ действительно сложный: геолог видел его сегодня, когда отец отпирал сундук. Но Кротова совершенно не интересовал ребячий разговор. Он зевал и смотрел по сторонам.

Колю возмутило недоверие к его способностям слесаря. Он в упор посмотрел на Вовку и решительно сказал:

– Тащи ключ. Посмотрим, сделаю или нет.

– Ишь, какой быстрый! – воскликнул Вовка. – Так я тебе и принес. У папы там дела всякие, ключ нельзя брать.

– А где отец? – спросил Кротов, зевая.

– Дома.

– Он давно работает на железной дороге?

– Давно.

– А ты кем хочешь быть?

– Легчиком. Ох и задал бы я фашистам!

Кротов сказал с улыбкой:

– Похвальное желание. Но разве тебе не хочется быть железнодорожником, как твой отец? Ведь железнодорожники делают сейчас большое дело. Пожалуй, твой отец сделает за дежурство для фронта больше, чем один летчик, а?

– Так летчик «юнкерсы» сбивает, а начальник станции не сбивает. Вот один летчик в последнем бою три самолета сбил, а потом и сам загорелся.

– Честь и хвала ему, – сказал Кротов спокойно. – Только твой отец за одно дежурство сделает не меньше, чем тот летчик, уверен в этом. А возможно, и больше, все зависит от того, сколько и каких поездов пройдет за дежурство через станцию. Ведь если, допустим, через станцию благополучно прошли эшелоны с пехотой, с танками, так это же огромная помощь фронту. Да и работы по разгрузке эшелонов разные. Ты-то здесь недавно, а Коля вот знает, сколько эшелонов проходит за смену да какие войска идут. Ты только спроси его – ахнешь! Вот тогда и суди, кто больше сделает для фронта: летчик или твой отец. Ты спроси, спроси!

Вовка разинул было рот, но спросить не успел.

– Ой! – вскричал Колька и схватился за палец. – Уффффф...

– Больно? – спросил Вовка с сострадательным выражением лица.

– Нет... Только так, немного, да и то уже прошло. – Коля подул на палец, помахал им в воздухе.

– Как же это ты?

– Так, нечаянно...

Тут как раз пришла мать Коли. Кротов отдал ей кошелку с провизией, сказал, что нужно сварить и ушел. Немного погода ушла и мать – за чугуном к соседям, чтобы сварить геологам баранину.

Коля настороженно огляделся, наклонился к самому уху Вовки и прошипел:

– Ты что, одурел?

– А что?

– А то! Это ж военная тайна – про поезда, а ты хотел спросить меня! Пришлось из-за тебя по пальцу напильником. Чучело гороховое!

– Сам ты чучело, – обиделся Володя. – Думаешь, не знаю я, какая военная тайна, а какая нет? Получше тебя знаю.

Володя ушел от Коли, не попрощавшись. Ишь, чучело. Сам чучело...

В ожидании ужина Вовка сидел за столом и осматривал комнату: все ли стоит так, как следует? Может, шкаф передвинуть на место комода, а комод на место шкафа? Или так оставить? Вот сундук поставить бы в комнату...

Володя посмотрел в открытую дверь на сундук. Пожалуй, и там ему ничего не сделается: вон какой крепкий, полосками железными обит. Тот зеленый ящик, по словам Кольки, тоже полосками обит...

За ужином мать сказала отцу:

– Митя, я думаю, мне лучше пойти работать, чем дома сидеть. Верно?

– Конечно. Сейчас каждая пара рук на счету. Ты много можешь сделать для фронта, для обороны.

– Только вот как с Вовой быть...

– Ничего, Володя уже большой, будет дом сторожить, – с улыбкой сказал отец и глянул на сына. – В такое время сидеть дома здоровому человеку – преступление. Ты же окончила курсы медсестер. Даже в госпитале работала. А здесь можешь работать в амбулатории или в больнице. Здесь есть больница, мне Долов говорил.

Мать с благодарностью взглянула на отца и сказала:

– Я так и предполагала. Значит, не возражаешь?

– Понятно, нет. А с Володей мы устроимся. Не ты, так я буду дома. Телегин рядом, геологи. В случае, если скучать будет один, пригласит к себе своего приятеля Колю Чекалова. Верно, Володя?

– Угу... – промычал в ответ Володя, откусывая огурец. Однако в глубине души он был не согласен с тем, что его хотят сделать сторожем дома. Как же, очень интересно сидеть дома... Сами будут для фронта работать, а ему не дают. Он тоже мог бы что-нибудь сделать для фронта, пусть только скажут...

Было уже поздно. Ковш Большой Медведицы опрокинулся и висел на небе ручкой вниз. Поселок заснул. В доме Краснобаева тишина. Окна закрыты ставнями. Темно. Все спят. Но нет. Вот чуть слышно скрипнула половица – и на крыльце показался высокий человек. Это Телегин. Он огляделся, подождал немного, прислушиваясь к темноте, а потом вышел на улицу и направился быстрыми шагами к станции. На одной из привокзальных улиц Телегин остановился возле небольшого домика с тремя окошками, огляделся и скрылся в калитке.

...Еремин не был женат. В доме хозяйничала его мать. Но дома Еремин бывал очень мало, приходил только ночевать, да и то не всегда. Сейчас он был дома. Он сидел за столом, откинувшись на спинку стула, и задумчиво смотрел в раскрытую ученическую тетрадь. В тетради нарисован прямоугольный треугольник, в треугольник вписан квадрат. Дана сторона квадрата, дан угол треугольника. Нужно определить стороны треугольника. Интересная задача. Трудная. Верно ведь? Да... А что, если вот так попробовать? Если найти гипотенузу, то катеты определить легко. Легко? Легче легкого: острый угол равен тридцати градусам. Или найти вначале малый катет? Только ни гипотенуза, ни малый катет никак не находятся. Нечего сказать, задача. Настоящая головоломка. Так? Еще бы не так. Может, у этой задачи нет решения? Да нет, не может быть. Уж если есть задача, то должно быть и решение. А как же иначе? Вот так. Да... Кто же все-таки сообщает противнику о прибытии эшелонов? Вот тоже сложная задача. С тремя неизвестными. Не успеет прийти эшелон, как уже летят бомбардировщики. Кто сообщает – один вопрос. Как сообщает – другой. Где тот человек скрывается – третий. Кажется, не осталось такого места, где бы не проверил людей. Нужно будет в степь послать людей. Завтра. Это будет верный ход. Верный? Несомненно. Вот так. А ну, опустим вот сюда перпендикуляр на эту сторону... Кажется, получается. Хотя нет.

Ход был неверный. Перпендикуляр не помог. Задача решалась каким-то другим способом. Однако Еремин не отступил. Он подпер голову руками и опять задумался. Он настойчиво отыскивал решение, независимо от того, какие задачи он решал, те, которые ставила перед ним жизнь, или те, которые он находил в задачниках.

Еремин очень увлекался математикой. Особенно он любил решать геометрические задачи. В его голове всегда вертелась одна или две очередные задачи. Обычно он решал их в уме. Этим он занимался во всякую свободную минуту. Еремин считал, что занятие математикой, в особенности решение задач, да еще в уме, развивает память, вырабатывает наблюдательность, оттачивает сообразительность, без чего советскому разведчику никак нельзя обойтись. Правда, Еремин увлекался математикой и до войны, но теперь он поставил это увлечение, если можно так выразиться, на службу Родине, отчего увлечение перешло в страсть, а потом в привычку. Задачам он посвящал все свои короткие досуги.

Вот и сегодня он засел за геометрическую задачу, которая давно уже не давала ему покоя. Вдруг в дверь постучали. Еремин открыл дверь – у порога стоял Телегин.

– Добрый вечер, – сказал он, решительно переступая порог. – Я не надолго. У меня к вам чертовски важное дело...

Новые товарищи

Дмитрий Александрович только что проснулся: он отдыхал после ночного дежурства. Заложив руки за голову, он с улыбкой смотрел на сына, Володя сидел за столом и, склонив голову набок, закусив нижнюю губу, что-то рисовал.

Раздался слабый стук в дверь.

– Да, войдите, – сказал Дмитрий Александрович. Дверь чуть-чуть приоткрылась, и показался вздернутый нос Коли.

– Входи, входи, – подбодрил его Володя, оборачиваясь. – Чего ты там?

– Со мной товарищи, – ответил Коля в нерешительности.

– И товарищей зови.

Нос Коли скрылся. За дверью послышался шепот: «Пойдем, не бойся!» Затем Коля вошел в комнату, поздоровался. Следом за ним из-за двери показалась ярко-рыжая голова Васи Потапова. Оглядев комнату, он вошел с таким видом, точно был не совсем уверен в том, что здесь ему не устроили западню. Как будто он, вождь могикан Великий Змей, вошел в вигвам коварных ирокезов: ребята только что играли в индейцев.

Впрочем, заметив Дмитрия Александровича, Вася растерянно пробормотал «здравствуйте», остановился у самой двери и с таким видом принялся смотреть на муху, сидевшую на потолке, точно решил загипнотизировать ее, чтобы она упала на пол.

Но почему же больше никого нет? Коля подождал секунду-вторую – и опять выглянул в коридор.

– Дед, входи! – сказал он кому-то громко. И тут же посторонился: между ним и дверью пролез еще один мальчуган. Волосы у него на голове до того выгорели на солнце, что казались льняными. Потому-то его и прозвали «Дедом». Этот мальчик был немного пониже всех остальных ребят. Войдя в комнату, он стал с интересом оглядываться вокруг. Остановился он около Васи, затем решительно спрятался за его спину и поэтому почувствовал себя несколько свободнее и храбрее, чем Вася.

Дмитрий Александрович с интересом наблюдал за ребяташками. Он уже подумал, что теперь собралась все, однако тут же понял, что поспешил с заключением, так как Коля спросил деда:

– Федя, а где Нинка?

– Она там осталась, в коридоре, – медленно ответил Федя. Голос у него был низкий, басовитый, как у взрослого.

– Позови-ка ее...

– Она не идет.

– Ладно, я сам позову.

И Коля скрылся за дверью. В коридоре послышались шум, возня, пыхтение, и вдруг тонкий голосок пропищал:

– Не пойду, отстань! Ой, отпусти косу! Вот я матери скажу!..

– Ябеда...

– Сам ябеда. Кто отцу на меня пожаловался, когда я тебе нос поцарапала? Ты. Вот и есть ябеда.

Шум и голоса затихли. Коля вошел в комнату. Вид у него был хмурый, недовольный, обиженный. Можно было подумать, что это не он только что тянул девочку за косы, а наоборот – девочка вцепилась ему в волосы и по крайней мере половину из них вырвала с корнем.

– Не хочет идти, – сказал он. – Она на крыльце подождет.

– Ну и пусть ее, – набрался смелости сказать Вася.

– Пойдем с нами на улицу, – предложил Коля Володе. – Это вот Федя, недавно с бахчи приехал.

– Идем арбузы есть, – вставил свое слово Федя, глядя на Володю. – Я на колхозный двор целую арбу привез. А дед на бахче остался вместо меня...

– У нас есть арбузы, – ответил Володя с достоинством. – На базаре купили.

– Ну и пусть купили. А это прямо с бахчи, не битые, не мятые. Как сахар, сладкие, вот увидишь. Дедушка умеет выбирать арбузы. Идем.

– Идем! – дружно подхватили Коля и Вася. Володя взглянул на отца. Тот кивнул головой, а затем сказал:

– Иди погуляй. Да смотри арбузов много не ешь, а то живот заболит.

– А мама когда придет? Что-то она долго не идет.

– Закончит дежурство и придет. А может, задержится. Сам знаешь, каково работать медсестрой. Помнишь, был у мамы в гуловском госпитале? Ну а здесь, в больнице, дел не меньше. Когда мама приходит домой, ты не надоедай ей, жалей ее: она очень устает. А пока придется без мамы побыть, посидеть дома одному. А если хочешь, то пусть и товарищи твои будут здесь, когда вернешься с прогулки. Если они, конечно, согласятся на это.

– Мы все придем, – с готовностью заявил Коля.

Ребятишки шумной гурьбой вышли из комнаты. Во дворе к ним подошла девочка лет девяти, с косичками.

– Вот Нина Долова, – указал на нее Коля, обращаясь к Володе, – у нее отец – комендант станции, главный начальник здесь. Привязалась – и везде ходит с нами.

– И не привязалась совсем, а потому что мне скучно одной. Вот! – решительно заявила Нина. Замолчала и принялась украдкой поглядывать на Володю. Тот сказал ей:

– Меня Вовкой зовут. Давай будем дружить?

– Давай. А почему у тебя нет красного галстука? Ты что, не пионер?

Володя глянул на грудь, на ребят и тут только обратил внимание на то, что все были с красными пионерскими галстуками. А он свой дома забыл. «Вот растяпа», – мысленно ругнул себя Володя, а вслух сказал:

– Я сейчас, подождите.

И бросился домой. Через несколько минут он присоединился к товарищам. На шее у него был повязан ярко-красный галстук. Взглянув на Нину, Володя выпятил грудь вперед и с гордостью произнес:

– Вот. А ты говоришь – не пионер. Я даже звеньевым был, не то что...

Володя хотел что-то сказать, но Коля громко заявил:

– Пойдемте в школьный сад, посмотрим, как там наши саженцы. – И обратился к Володе: – У нас при школе очень большой сад.

Володя вспомнил о другом саде и сказал:

– У нас при школе тоже был сад...

– Какой, фруктовый? – спросил Федя.

– Нет, простой.

– А у нас фруктовый! – хором сказали ребятишки. Затем Коля продолжал:

– Все деревья сами сажали. И я сажал, а Васька помогал.

– И вовсе не помогал, а тоже сажал! – с обидой протянул Вася.

– Так уж и сажал. Просто деревцо держал.

– А ты просто землю бросал лопатой.

– И совсем не просто, а вращуску, как Пал Палыч показывал. Засыпать корни главное, чем держать.

– Главное? – точно ужаленный, вскрикнул Вася и остановился напротив Коли. Остальные тоже остановились. На лице Васи было написано такое возмущение, обида, что казалось,

мальчик вот-вот заплачет. От волнения у него даже голос пропал, а по лицу пошли белые и красные пятна. Но вот он поборол волнение и продолжал гневно: – А что Пал Палыч говорил – помнишь?

– Что? А ничего.

– Ага, ничего! Вот и врешь. Он говорил, что деревцо при посадке нужно полегоньку встряхивать и ветки чтоб правильно, какие на север, а какие на юг. Иначе засохнет. Это поважнее, чем землю бросать...

Мальчишки ожесточенно заспорили. Володя немного посторонился, чтобы случайно не попало от новых знакомых, размахивающих кулаками. Было видно, что в очень уж трудных спорах кулаки играли немаловажную роль у этих товарищей. Еще подерутся...

Между тем Нина оставалась совершенно спокойной: очевидно, она уже привыкла к подобным перепалкам. Она посмотрела на Володю и вдруг сказала, склонив голову на правое плечо:

– А у меня Пират есть.

– Пират? А кто это?

– Это моя собака. Я Пирата в комнате заперла.

– Зачем заперла? – с удивлением спросил Володя.

– Чтобы следом не побежал. Он всегда за мной бегаёт. Если бы я вошла в комнату – и он со мной вошел бы. Потому я его и заперла.

– Так ты же не зашла к нам?

– А я почему знала, что не зайду? Я хотела зайти, а потом передумала. Меня Колька за косяк потянул – и мне расхотелось. А Колька и Васька всегда такие, всегда спорят, – неожиданно заключила Нина.

Спорщики, заметив, что Нина и Володя разговаривают, замолчали и выжидательно уставились на них. В их взглядах сквозила обида: подумаешь, нашел с кем разговаривать – с девчонкой. Неужели они хуже девчонки?

– Ладно, нечего тут прохлаждаться, – солидно заявил Федя, все время молчавший. – Пойдемте арбузы есть, а то нам ничего не останется, на станы разберут.

– А как же сад? – спросила Нина. – Я сегодня еще не была там. Может, в саду ночью упала бомба и погубила вишенки, которые я сажала...

– Подумаешь – вишенки! – презрительно заметил Вася. – Вот груши бергамот, которые сажал я, это поважнее. А бомбили здорово, мы до утра в погребе просидели.

– Конечно, в сад сходить надо, – обстоятельно начал Коля, – но упускать арбузы – тоже не резон. Вот что, бежим вначале на колхозный двор, а потом быстренько в сад.

Школьный сад

Двухэтажное школьное здание стояло на окраине поселка, в глубине густого фруктового сада. На крыше и зеленых стенах школы были намалеваны темные пятна, которые с воздуха должны были выглядеть как яблони. Очевидно, маскировка помогала, так как еще ни одна бомба не угодила в здание, хотя попытки разбить его были: вокруг здания всюду были видны воронки от авиабомб.

До недавнего времени школа стояла пустой, но несколько дней назад взрывом авиабомбы повредило помещение амбулатории и больницы, и их в целях безопасности перевели временно в здание школы. В больнице лежали местные жители, раненные при бомбежках.

Легко раненные выходили под вечер в пришкольный сад: гуляли по дорожкам или отдыхали на скамейках, которые поделал старый учитель Пал Палыч.

Пал Палыч был не только хорошим учителем, отличным плотником и столяром, но и большим любителем-садоводом. Он жил в небольшом флигеле, стоявшем во дворе школы. Днем старого учителя можно было найти в столярке, как он сам называл маленький сарайчик, где была устроена немудрящая столярная мастерская. Утром и вечером больные всегда видели его в саду. Он или ставил подпорки под отяжелевшие от груза плодов ветки, или поливал приствольные круги колодезной водой, или рыхлил почву, а потом зачем-то прикатывал ее тяжелым каменным катком. В этих работах ему частенько помогали ученики. Правда, сейчас на станции их осталось очень мало, но это ничего. Как говорится, капля камень долбит, из песчинок горы складываются... Этот сад в степи выглядел настоящим оазисом. Здесь были и старые деревья, и посаженные совсем недавно – прошлой весной.

С каждым годом сад расширялся, благо с одной стороны школы была степь.

– Вот засажу всю степь, тогда помирать можно будет, – не раз шутил Пал Палыч.

Когда ребяташки прибежали в сад, Пал Палыч стоял на коленях перед маленькой яблонькой с перебитым стволом и в задумчивости смотрел на излом. В нескольких шагах дальше в земле зияла воронка. Вчера ее здесь не было. Вчера здесь стояли три груши бергамот.

– Груши! – вымолвил пораженный Вася и остановился перед воронкой. – Колька, наши груши!..

Но Коля и сам все видел. У него даже слезы на глазах показались: так жалко было груш, посаженных собственными руками. Конечно, было обидно, когда гибли и другие деревья, но своих собственных было особенно жалко.

– Пропала яблонька, – с сожалением произнес Вася. – Теперь уж ее не вылечишь.

– Не каркай! – сердито забасил Федя. – Может, и не засохнет.

И вопросительно посмотрел на учителя, как бы спрашивая его, верно он сказал или нет? Учитель грустно улыбнулся.

– Может, и не засохнет, если как следует ухаживать за ней. Только сложное это дело – вернуть дерево к жизни. А у меня и без него работы по горло. Спилить надо...

Пал Палыч поднялся на ноги, безнадежно махнул рукой. Но на этот раз его ученики не хотели согласиться с ним:

– Пал Палыч, мы сами выходим, не спиливайте, – дружно заговорили они.

– Мы с него глаз не будем сводить, – заявил Коля.

– Поливать будем каждый день, – поддержал его Федя.

– Вы же сами говорили, что деревья нужно любить! – звонко выкрикнула Нина.

... Через несколько минут Нина и Володя с помощью учителя выпрямили яблоньку, обложили ее в месте излома паклей, тонкими узкими дощечками и обвязали мочалой. Сам излом Пал Палыч замазал предварительно какой-то замазкой, которую он называл садовой.

Учитель вбил рядом со стволом яблоньки большой кол, привязал к нему куском мягкой веревки деревцо и сказал:

– Ну, пионеры, теперь от вас будет зависеть, засохнет яблоня или будет жить.

– А что нужно делать? – спросил Володя: они с учителем уже познакомились, и Володе даже казалось, что Пал Палыч он знает давно-давно. У него такие добрые, хорошие глаза.

– Поливать надо, – ответил Пал Палыч, – землю рыхлить в приствольном круге, траву полоть, удобрения вносить, вредителей с веток обирать и уничтожать – мало разве дел? Я вам буду говорить, когда, что делать.

Между тем Коля, Вася и Федя обнаружили по другую сторону воронки несколько груш с покалеченными кронами и занялись ими. Ребята внимательно осматривали деревья, отыскивали поврежденные ветки и, если могли дотянуться до них или взобраться на дерево, аккуратно отрезали их. Только жалко было отрезать ветки с грушами.

После этого дети помогали учителю окапывать стволы некоторых деревьев, стоявших поблизости от воронки. Землю сбрасывали обратно в яму. Здорово устали на этой работе наши пионеры, но остались довольны. Да и как не быть довольным, если Пал Палыч заявил, что они спасли эти деревья. Пять груш и три антоновки спасли – это не шутка. И ветки на них же обрезали, срезы замазали. Теперь только полить осталось.

– Поливать вечером придем, – пообещал за всех Коля.

– Приходите, приходите. А скоро урожай будем снимать, работы прибавится.

– А если сюда фашисты придут к тому времени? – со страхом спросила Нина.

Учитель серьезно глянул на девочку, затем окинул взглядом весь сад и, остановившись на молоденькой яблоньке с перевязанным стволом, торжественно, точно слова клятвы, произнес:

– Не быть им здесь, друзья мои, никогда не быть. В этом я глубоко убежден. Иначе не стал бы беречь сад. – И уже будничным тоном предложил: – Давайте-ка инструмент приберем.

Пионеры помогли учителю собрать садовые лопатки, мотыги, ножи, пилки и отнесли все это в кладовку при школе. Когда выходили оттуда, Пал Палыч прихватил с собой корзину с двумя ручками. Ребяточки уже знали, для чего учитель взял ее: сейчас они пойдут в сад собирать яблоки, груши и сливы, сбитые с деревьев взрывной волной. Так оно и случилось.

Учитель провел пионеров в ту часть сада, где росли старые деревья. Под ними тут и там лежали яблоки, груши, сливы. Яблоки были величиной и с грецкий орех и с кулак. Некоторые уже поспели, другие были еще зеленые, кислые, хотя с виду казались очень вкусными, сладкими. Володя, обманутый видом большого красного яблока, поднял его и надкусил. Сейчас же рот его перекосило, точно судорогой. Тогда он огляделся и незаметно для других бросил надкусанное яблоко подальше в траву. Посмотрел, какие яблоки едят ребята, Нина. Что-то уж больно маленькие, невзрачные.

– На, попробуй, – сказала Нина, заметив взгляд Володи, и подала мальчику одно яблоко. Володя взял, откусил – и с удовольствием принялся жевать: яблоко было сладкое, точно мед.

– Это какой сорт? – спросил Володя девочку, уминая яблоки за обе щеки.

– Это коробовка. Она рано созревает. Ты когда-нибудь ел коробовку?

– Нет, не ел.

– А белый налив ел?

– Розовый налив ел, а белый – нет...

Но вот Пал Палыч остановился, поставил корзину на землю и сказал:

– Ну, пионеры, давайте соберем яблочек для наших больных. Собирайте вот под этими яблонями, а под те деревья не ходите: те еще не созрели.

...Примерно через полчаса корзина с фруктами уже стояла в коридоре амбулатории, откуда был ход в кухню. Оттуда появился высокий толстый повар в белом фартуке и колпаке. Заметив группу пионеров, он громко заговорил:

– А, потомки! Примите пламенный привет! Опять целую корзину приволокли? Я вижу, вы решили совсем избаловать моих больных: на завтрак среди прочего обязательно компот, обед тоже не обходится без фруктов, а вечером – это уж закон. Коля, сбегай, дорогой, за кладовщиком, он в учительской. Да среди вас новенький! Как же тебя звать, отрок?

– Его Володей звать, – поспешил ответить за товарища Вася. – У него отец – начальник станции. Они совсем недавно приехали сюда.

– Вот как! – сказал повар, глядя на Володю. Он стоял перед Володей, заложив руки за спину и выпятив перед собой большой живот. Было похоже, что у повара не настоящий живот, а поддельный, как все равно подушку засунул под фартук. Володю неудержимо потянуло ткнуть пальцем в этот живот: может, в самом деле подушка? Но все-таки удержался. Даже сделал полшага назад, чтобы не поддаться искушению.

Повар, заметив, что Володя пристально смотрит на его живот, отступил назад, громко рассмеялся, похлопал живот огромной ладонью и сказал:

– Что, испугался? То-то же. Не будь ты пионером, обязательно съел бы.

– Ничего я не испугался... – вымолвил наконец Володя сухо.

– Ну, если не испугался, то давай познакомимся. Меня зовут дядей Ваней. Да ты не сердись, я верю, что ты храброго десятка. Пойдем-ка на кухню.

Дядя Ваня поблагодарил учителя за фрукты и пообещал вернуть корзину с ребятишками. Потом он с пионерами скрылся на кухне. Повар пользовался всяким случаем, чтобы угостить детишек чем-нибудь вкусным, например, пирожным, тортом, пирожками с повидлом, мороженым или другими редкими в военное время вещами. Вот и сейчас он поставил перед ними тарелку с пирожными и, отойдя в сторонку, чтобы не смущать, уселся на стул. Стул жалобно скрипнул. Володя с уважением поглядел на дядю Ваню: вот это настоящий повар! И принялся за пирожное. Васька вон уже за вторым тянется. Рад на даровщинку... А яблоки хуже всех собирал.

– Надо Коле оставить, – сказала Нина, когда Вася потянулся за третьим пирожным.

Вася с сожалением посмотрел на оставшиеся три пирожных и медленно убрал руку. Нина проследила взглядом за рукой Васи. Когда угроза оставить Колю без пирожного миновала, она спокойным, назидательным тоном произнесла:

– Коля тоже любит сладкое, думаешь, ты один?

Пришел Коля. Пока он ел пирожное, остальные с деланным равнодушием смотрели по сторонам, точно их совсем не интересовало, что делает товарищ. А Нина даже нарочно дразнила ребят, откусывала от своего пирожного маленькие кусочки, причмокивала и приговаривала:

– Ах, как вкусно! Мне попало слаще всех. Володя, хочешь откусить? Только самую чуточку, а то оно очень сладкое.

– Нет, не хочу, – ответил Володя, мельком взглянул на Нину и опять отвернулся к огромной медной кастрюле. – Я не люблю, когда очень сладкое. Вот таких, как я ел, я бы еще съел...

Володя замолчал. Вася не выдержал и взглянул на кусочек пирожного в руке Нины – он был маленький-маленький. Вот бы она предложила ему, Васе, попробовать! И что она медлит? Вон, опять откусывает, еще меньше осталось... И все молчит...

Вася с тоской проводил взглядом последний кусочек пирожного, исчезнувший во рту девочки, и невольно проглотил слюну.

Ребята вышли из кухни. Кладовщик уже освободил корзину, и пионеры забрали ее с собой. Дядя Ваня помахал им рукой и крикнул:

– Заходите почаще, ребята. Скоро я вас с таким человеком познакомлю!.. – И дядя Ваня, прищурился, с таинственным выражением лица, на котором одновременно было написано и величайшее восхищение, закачался всем туловищем из стороны в сторону. Ребята разом остановились. Коля спросил:

– С каким человеком?

– А вот с каким. – И повар изобразил ладонью в воздухе мертвую петлю. – Вр-р-р-р-р!

Понятно?

– С летчиком? – в восторге закричали ребята.

Дядя Ваня молча улыбнулся и утвердительно кивнул головой.

– А с каким летчиком, как его фамилия?

– Как фамилия? – Дядя Ваня оглядел ребят, многозначительно помолчал, помучил своих друзей минуту, а потом сказал: – С Грохотовым. Тридцать три фашиста сбил. В последнем бою зажег три стервятника.

– О-о-о! – восхищенно пронеслось среди пионеров.

– Двух из пулеметов, а в третьего сам врезался, – продолжал повар.

Мальчишки с восторгом глядели на дядю Ваню. Нина даже раскрыла рот, слушая необыкновенную историю. Было и весело и в то же время немного жутко, как все равно если катаешься на качелях и стремительно несешься вниз, – аж дух захватывает. Так и от рассказа дяди Вани.

Однако Вася не поддался восторженному состоянию. Он вечно искал, к чему бы можно было придраться, как говорил про него Коля. Вот и сейчас Вася наморщил лоб, подумал и спросил дядю Ваню:

– А как же летчик уцелел?

– Грохотов?

– Да.

– А он выпрыгнул из самолета, прежде чем ястребок врезался в фашиста. И спустился на парашюте. Очень просто! Рабочие известкового завода подобрали и сообщили нам. Да мы и так уже машину выслали.

Тут Володя заволновался и воскликнул:

– Колька, так это же тот самый летчик, который из самолета тогда прыгнул, помнишь? Мы тогда траву для кролика собирали. И грузовик разбомбило. А самолет загорелся и врезался прямо в «юнкерса». И оба закувыркались. Верно, дядя Ваня? Над известковым заводом бой шел, верно?

– Точно. Значит, и вы наблюдали за воздушным боем?

– А то! – сказал Коля. – Ох, и здорово дрался наш. Обязательно стану летчиком.

– И я, – заявил Володя. Вслед за ним готовность стать летчиком изъявили и Вася с Федей. Только Нина промолчала, не решаясь сказать, что она хочет стать не летчиком, а капитаном парохода. Еще ребята начнут смеяться, скажут, девчонки не бывают капитанами. А вот она все равно будет, назло Ваське и Кольке. А Володе не назло, он не такой, как те, не смеется. И Феде не назло...

– Дядя Ваня, а сейчас нельзя пойти к летчику? – спросил Вася, умоляюще глядя на повара.

– Нет-нет, сейчас нельзя, он отдыхает, приходите завтра под вечер.

– Хорошо, обязательно придем. Мы сегодня придем, под вечер.

– Нет, сегодня не надо, к нему только с завтрашнего дня можно будет заходить. Так врачи сказали... Он был очень болен...

Последние слова дядя Ваня произнес с какой-то грустью. И хотя повар тотчас же улыбнулся, дети почувствовали ее и притихли.

Федя поднял глаза – до этого он все время смотрел на огромные сапоги повара – и сказал за всех:

– Ладно, мы завтра придем. Мы ему самых лучших яблок принесем. И самый лучший арбуз с колхозной бахчи!

– Ну, это лишнее, – сказал дядя Ваня.

– Вы не бойтесь, мы попросим, а не сами. У меня дедушка на бахчах сторожем. Вот ребята знают, как он может арбузы выбирать. Зеленый ни за что не выберет.

– Ну, как знаете, – уступил дядя Ваня и пошел в кухню. Пионеры гурьбой затопали по коридору к выходу из школы, о чем-то шепчась между собой. Федя шел позади всех и думал о том, какие арбузы больше всего любит тот летчик: черные, белые или рябые? Уж если принести арбуз, так чтобы понравился не только вкусом, а и видом...

Пал Палыча пионеры нашли у себя в мастерской: он чинил стул для госпиталя. Ребята отдали корзинку и, перебивая друг друга, заговорили о летчике, о дяде Ване, об арбузе и яблоках, о дяде Архипе.

Учитель терпеливо выслушал их, а когда те замолчали, ожидая, что же скажет Пал Палыч, спокойно произнес:

– Ну вот, а теперь пусть... ну, хотя бы Коля расскажет все один, остальные пусть не перебивают его. Рассказывай, Коля.

Коля сказал:

– Дядя Ваня хочет познакомить нас с каким-то летчиком, а Федя хочет подарить ему арбуз с яблоками. Дед Архип ох как умеет выбирать – вы еще не знаете!..

– Минутку, – сказал учитель. – Кому Федя хочет подарить арбуз и яблоки – дяде Ване?

– Нет, летчику. Раненому.

– А, ну это не возбраняется, в этом много хорошего. Только надо говорить не «арбуз с яблоками» – это не пирог с яблоками, а арбуз и яблоки. Теперь, при чем тут дед Архип?

– А как же! – закричал Вася, не утерпев, чтобы не вмешаться в серьезный разговор. – Арбуз-то Федьке будет выбирать его дед. А яблоков мы решили у вас попросить. Пал Палыч, дадите, а? С той яблони, около которой неразорвавшаяся бомба лежит. Ох, и яблоки на ней большие, я видал. А вкусные какие!..

– А ты откуда знаешь, что вкусные? – строго спросил учитель.

Вася, сообразив, что проговорился, виновато опустил глаза, наклонил голову и спрятался за Володю. И дернуло же его сказать, что яблоки вкусные. Пал Палыч бережет те яблоки так, как будто они золотые или в крайнем случае серебряные. И ни разу не водил ребят в тот уголок сада, где росла заветная яблоня. Наверно, боялся, что ребяташки начнут рвать яблоки, обломают ветки, попортят кору на стволе, а яблоня ценная: Пал Палыч вывел ее с помощью черенков, полученных им лично от самого Ивана Владимировича Мичурина. Пал Палыч предпринял даже много лет назад специальное путешествие в тогдашний Козлов, а теперь город Мичуринск. Можно сказать, что пришкольный сад и начал-то свое существование с посадки той яблони. Пал Палыч был в то время совсем молодым – рассказывал он обо всем этом ученикам, – горячо увлекался садоводством и, когда приехал на Степную, задался целью развести в этой засушливой местности на солончаковых почвах фруктовый сад. И вот, за тридцать с лишним лет с помощью Мичурина он добился своего: во всей области не было другого такого фруктового сада, как школьный сад станции Степная, причем большинство сортов выведено самим Пал Палычем.

Если бы он, Вася, не сказал, что яблоки очень вкусные, то все бы обошлось. А теперь, конечно, Пал Палыч догадается, что он лазил на ту яблоню и рвал яблоки... А яблоки такие вкусные, что других таких нет во всем саду. Только больше он не будет рвать яблоки, раз Пал Палыч бережет их для раненых.

Все эти мысли пронесли в голове Васи с непостижимой быстротой, так что с ответом Вася задержался самую чуточку, то есть как раз настолько, сколько потребовалось на то, чтобы спрятаться за спину товарища. Но сказать правду Вася не мог решиться: не хватало смелости, было стыдно признаваться в хищении яблок из школьного сада, да еще с самой хорошей яблони.

Вася даже вспотел от этих мыслей. Так ничего и не придумав, он забормотал себе под нос что-то совершенно непонятное и замолчал. Это и был его ответ на вопрос учителя. Но Пал Палыч прекрасно понял Васю. Впрочем, вида не показал, что рассердился. Он видел, что тот и без его слов достаточно прочувствовал свою вину. Поэтому он больше не стал говорить об яблоне, а перевел разговор на другое.

– Раненым, конечно, нужно все самое лучшее отдавать, они за нас кровь проливают. Только подарить летчику или другому какому раненому арбуз – это слишком мало для нас. Я бы на вашем месте больше сделал для них, для раненых.

– А что мы можем еще сделать? – удивились ребята, а у Нины даже рот раскрылся сам собой.

– Много можете сделать, – ответил учитель, внимательно вглядываясь в лица ребят-шек. Остановив взгляд на Коле, он продолжал: – Помнишь, Коля, ты в прошлую зиму проболел две недели и не ходил в школу?

– Помню...

– Скучно было лежать?

– Еще бы. Только не всегда, – спохватившись, добавил Коля.

– А когда же?

– Когда никого дома не было, кроме мамы или отца. А вот когда Вася приходил или Федя, даже если Нина приходила навестить, не скучно было. Только они мало приходили...

– Вот видишь, а у нас есть такие раненые, у которых родные далеко, у кого, может, и нет никого. Вот бы вы и пришли к ним в палату да познакомились бы с ними. А потом приходили бы к ним, как старые знакомые. Кому письмо написали бы, кому газету почитали. Хорошее же дело! Или можно провести их погулять по саду, только не в дальний конец, а здесь, где есть скамеечки. Ну, и мало разве еще что можно сделать для раненых – всего сразу не перечтешь. Вот познакомьтесь – сами увидите, что нужно будет делать, если, конечно, согласитесь взять шефство над больными. Подумайте над этим и скажите мне, если согласны.

– Мы уже сейчас согласны! – хором заявили пионеры. – Мы над летчиком будем шефствовать.

– Впятером? Нет, это многовато для одного больного. Один шеф – другое дело. А впятером вы его живо одними разговорами замучаете. Нет, так не годится. Впрочем, поговорим обо всем этом после того, как вы познакомитесь с тем летчиком. Может, он не нуждается в вашем шефстве... Может, ему другие шефы больше понравятся...

– Как не нуждается? – загорелся Коля. – Чем мы хуже других? Мы ему не только арбуз, мы ему книжку читаем.

– У меня есть «Робин...» – начал было Вася, но, вспомнив, что «Робинзона» он променял на самопал, прервал себя на полуслове. Эх, как он жалел сейчас, что когда-то совершилась эта сделка! Может, тот парень вернет ему «Робинзона», а он ему самопал? Правда, жалко будет отдавать самопал, но ничего не поделаешь: книга сейчас нужнее. А то еще могут сказать, что ему, Васе, нечего делать у летчика, и не пустят к нему. А с книгой пусть попробуют не пустить.

Тем временем Володя сказал:

– Я картинки умею рисовать. Я ему чего-нибудь нарисую.

– А я салфетку на столик вырежу, – заявила Нина. Федя промолчал. Но Пал Палыч все равно сказал про всех:

– Да, теперь я вижу, что все вы заслуживаете быть шефами летчика. Однако отложим решение этого вопроса до завтрашнего вечера. Вот познакомьтесь с летчиком – и все прояснится. Тогда и решим, кто должен быть шефом.

... Не успели ребята выйти со школьного двора, как Вася отбил от компании и бросился бежать.

– Ты куда? – крикнул ему вслед Коля.

– Дело есть! – не оборачиваясь, прокричал Вася и скрылся за углом улицы, ведущей к дому. Прибежав домой, он достал из тайника самопал, сунул его в карман и побежал в депо.

... Часа через два в мазанке Потаповых можно было наблюдать такую картину: Вася сидел за столом и, подперев ладонями подбородок, внимательно читал толстую книгу. Мать что-то делала по дому. Вот она раз прошла мимо сына, второй раз... Бросила взгляд на раскрытые страницы: на одной из них рисунок. Что-то уж больно знакомый рисунок... В какой книге она видела его? Постой, постой, да никак это «Робинзон». Ну, конечно, та самая книга, которую Вася променял на самопал. Но как же она опять к нему попала?

– Разменялся? – с надеждой спросила она Васю, остановившись у него за спиной и заглядывая в книгу.

– Да, – не отрываясь, ответил Вася. Тут за Пятницей людоеды гонятся, а она мешает...

Ему слышались ружейная пальба, вопли людоедов, в которых стрелял Робинзон, непонятные гортанные выкрики спасенного...

Между тем Коля, Нина, Володя и Федя задержались: Володя решил повидать мать, которая работала в больнице. Она не была дома больше суток, и он очень соскучился по ней. Если уж он здесь, так надо повидать мать. Только как найти ее?

Ребята вернулись во двор школы. И тут помог случай. Ольга Петровна в белом халате и такой же косынке вела по двору раненого, бережно поддерживая его. Она только что вышла из небольшого домика, стоявшего тут же во дворе. На дверях его было написано: «Санпропускник».

– Мама! – крикнул Вовка и бросился к матери. Ольга Петровна обернулась, остановилась. Обернулся и больной. Лицо у него было усталое, равнодушное. Но вот он взглянул на ребят – и в лице его что-то дрогнуло, взгляд потеплел, на губах заиграла слабая улыбка.

Ольга Петровна не очень удивилась, увидав сына: незадолго до того она видела из окна санпропускника, как ребята, среди которых был и Володя, уходили со двора школы. Оказывается, они вернулись.

– Ты зачем здесь? – спросила она.

– Я с ребятами, – быстро заговорил Володя. – Мы Пал Палычу в саду помогли. А потом яблоки собирали для раненых. Ох, и вкусные там есть яблоки, такие маленькие – коробовка. Дядя Ваня нас пирожным угощал. Ты когда придешь домой?

Мать улыбнулась, взглянула на раненого, который стоял, обхватив ее шею правой рукой, и сказала:

– Подожди, я сейчас.

И повела раненого в здание. Боец с неохотой оторвал свой взгляд от Вовки. Прежде чем войти в двери, он обернулся, бросил на ребятешек ласковый взгляд и мечтательно произнес:

– И у меня такой есть, Юрка. Нос всегда поцарапан, а руки в ссадинах. Ох и драчун!.. Все пишет, чтобы пистолет немецкий прислал или, на худой конец, кортик офицерский. У меня такого трофея всегда, бывало, не переводилось.

Ольга Петровна отвела раненого в палату и вернулась к ребятам. Она устало опустилась на скамейку. Вовка – рядом. Ребята стояли поодаль, Коля как самый смелый ближе всех.

– Ну, как вы там, дома? – спросила мать. – У папы все хорошо на станции?

– Не знаю, – ответил Вовка, разглядывая синие круги под глазами матери. – Он не говорил мне. Он все думает.

– О чем думает?

– Тоже не говорит о чем. Как придет со станции, так и начинает ходить по комнате или по двору. И лоб трет. Потом наденет фуражку и опять уйдет. А я все дома сижу.

– И молодец, умница. Ну а что ты сегодня ел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.